

Т Р И Л Л Е Р

НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ

ВИРУС, КОТОРЫЙ
ПРОЯВЛЯЕТ ИСТИННУЮ СУТЬ ЛИЧНОСТИ

◀ Э Р А Э Л Ь Т О ▶

Треверберг. 1967 год. Жители самого благополучного и быстро развивающегося города Европы сталкиваются с невиданным зверством: во время урока без каких-либо причин расстрелян целый класс. Молодому капитану полиции Андреасу Ли придется ответить на вопрос: что заставило школьника принести с собой автомат, убить всех, с кем он учился и покончить жизнь самоубийством? Приступая к безнадежному расследованию без улик и свидетелей, капитан не подозревает, что расстрел лишь первое звено в огромной цепи не поддающихся логическому объяснению событий.

Что станет с человеком, если снизить контроль? Кто придет на смену социально одобряемой маске, если бессознательное вырвется наружу? Случайны ли массовые убийства или это часть тщательно продуманного плана? И что начинается там, где заканчиваются полномочия и компетенции полиции?

Книга первая. Адвокат. Часть первая. Расстрел.

Пролог

Треверберг

Весна 1967 года

Томас перекинул рюкзак на левое плечо и толкнул дверь в дом. Та скрипнула. Гребанный отчим, уважаемый и серьезный человек, уже год не мог починить петли. И каждый раз, когда четырнадцатилетний пасынок пытался это сделать самостоятельно, пускал в ход кулаки с криками «Щенок, сначала вырасти, а потом делай взрослые дела, я сам». Попытки Томас прекратил, отчим забил на дверь, и та так и скрипела, жалобно и тонко, когда кто-то входил и выходил. Мама Севилия говорила, что так хотя бы не надо вешать ветерок. И не надо включать звонок, который всегда так противно оповещал о приходе гостей. Теперь это делает дверь.

В доме было привычно мрачно (родители сэкономили электричество изо всех сил) и тихо. Юноша переступил порог, не осознавая, что задерживает дыхание. Он всегда старался не дышать, чтобы ничем не выдать своего появления. Нужно было проскользнуть по лестнице, перепрыгнуть через вторую и третью ступеньку (они тоже скрипели) и скрыться в своей комнате под крышей. Любой другой бы назвал ее чердаком, но Томас считал себя самым удачливым из подростков, ведь ему отдали все огромное пространство от потолка до крыши. Отчим лет девять назад его утеплил, сколотил стеллажи, большую крепкую кровать, стол для учебы и отдельный большой и шершавый стол для поделок. Тогда они еще хоть как-то ладили. Мальчику было пять, а мужчина старался понравиться его матери. Севилия, которая рано лишилась мужа и истосковалась, как сейчас понимал Томас, по мужскому теплу, считала, что наконец ее жизнь наладилась. А заодно и его, сына, жизнь тоже. Чуда не произошло. Отчим разорился. Начал пить. Пьяному ты можешь простить все, ведь он не осознает, что творит, не может себя контролировать. А трезвому ты не простишь даже неосторожного слова. Но Томми не мог простить отчиму ни дня, который тот превратил в ад.

Томас жил в беспроглядном мраке своего чердака, ночами рисуя страшные рисунки, с которых на него смотрели демоны, вампиры и оборотни, сверкая красными и синими глазами. Ведь даже ребенку известно, что все синеглазые — не люди. Порой ему казалось, что жители портретов приходили и вставали у кровати, когда он спит. Охраняли его сон и боролись с чужими демонами. А потом они вошли в него и поселились в душе, нашептывая странные мысли, подсказывая странные действия.

Томас закрыл за собой дверь. Из родительской спальни не доносилось ни звука. Отчим должен был быть еще на работе, а мама в такое время обычно возилась в саду. Он научился возвращаться из школы в такой момент, когда его никто не замечал. Иногда даже пренебрегал обедом и даже ужином. Учился выживать на том, что получал в столовой. Столовая ему нравилась. В отличие от всего остального. От тупых предметов, чьего практического применения он не понимал. От тупых одноклассников, которые щеголяли в американских шмотках и рассказывали про поездки по Европе. От надменных учителей, которые выходили из себя от одного его существования. Томас ненавидел школу.

Он скользнул по лестнице четко заученными, выверенными движениями обходя

препятствия. Нескладный мальчик с узкими плечами и скуластым лицом превращался в танцора балета на этой лестнице. В нем просыпалась чуждая ему грация, взгляд из стеклянного и пустого превращался в сконцентрированный и острый, губы поджимались. В нем проявлялась странная красота. И он становился особенно похож на мать.

— Томми?

Рюкзак выпал из вытянутой руки. Мальчик обернулся и встретился взглядом с некогда ясным взором матери. Севилия стояла у входа в кухню. Ее тонкую талию опоясывал фартук. Волосы собраны в немодный пучок. На лице румянец. Но не тот румянец, который так любил отчим еще пять лет назад. Другой. Томас читал книги и знает, как это называется. Он уже видел пятнышки крови на полотенцах. Врачи говорили, ей стоит пролечиться, но Севилия считала, что они не способны ей помочь. Все женщины в ее роду умирали от чахотки. Пришел ее черед. И пусть в госпитале имени Люси Тревер умели лечить болезни, даже названия которых было сложно произнести, Севилия туда не обратилась.

Томас отвел глаза, заметив темно-коричневое пятнышко в уголке сухих губ матери.

— Тебе надо лечь.

— Я лежала весь день, — мягко возразила она, привалившись плечом к двери. — Отца нет дома, он работает. Ты хочешь есть?

— Нет, — буркнул мальчик. — Мне нужно наверх. Учиться.

Наверх. Туда, где лежит его маленький секрет.

— Ты все время учишься.

— Я должен поступить в колледж. Вы же не сможете оплатить обучение.

Севилия отвела глаза.

— Ты врешь мне.

Неужели она заходила в комнату и все нашла? Все письма и рисунки, его мечты и планы? Нашла? Он удержался от того, чтобы броситься вверх по лестнице и развернулся к ней. Всем корпусом. Так, будто заинтересован в разговоре. Взгляд его кристально-серых глаз померк. В них проступила пустота. А еще через мгновение из лица ушла жизнь. Привычное выражение, обычное состояние. Бессмысленное и глупое существование очередного подростка в большом городе. Заметив эту перемену, Севилия замкнулась.

— Ты винишь меня в том, что я не иду в больницу, но и сам ничего не делаешь с этим, — круговым движением вытянутого пальца она показала на его лицо.

Оставь меня в покое.

Мальчик медленно наклонился. Поднял рюкзак, надеясь, что там ничего не звякнет. Повернулся к ней спиной и медленно, слишком медленно пошел вверх.

— Томми?

Оставьте все меня в покое.

Оказавшись в темноте своего чердака, подросток закрыл дверь. Повернул замок. Задвинул щеколду. Опустил рюкзак на пол и закрыл глаза.

Скоро все это закончится.

Они все замолчат.

Они все оставят его в покое.

Он раскрыл рюкзак, бережно достал оттуда желтоватый смятый конверт. Из него — бумагу. Раскрыл ее и замер, силясь прочесть в свете, который пробивался через грязное окно, что там написано. Прочесть не так жадно, как в школьном туалете час назад, а медленно. С недоверием и надеждой. Там не было слов или указаний. Только дата. 6 марта

1967 года.

Глава Первая. Офелия Лоусон

Женевское озеро, 1898 год

Женщина с темно-синими глазами и волосами цвета безлунной ночи сидела, опустив узкие ступни в прозрачную воду Женевского озера. Она пришла сюда ночью, устроилась на берегу и не шевелилась до рассвета. Ветер играл с черными волнами ее волос, то и дело бросая их в лицо, как непоседливый пес. «Поиграй со мной!». Но женщина не реагировала. В ее взгляде остался только мрак и усталость.

Далеко в деревне проснулись дети. Их счастливый смех, крики и звуки игры заставили ее прислушаться. Не пошевелиться, нет. Она не могла шевелиться, скованная пустотой, окончательно замутнившей ее разум. Но прислушаться. Вынырнуть из тоски и осознать, что все вокруг не заметило перемен, произошедших с ней. Пять тысяч лет счастья и боли, расставаний и встреч. Пять тысяч лет ошибок и побед. Она делала то, что недоступно другим. Любила. Теряла. И снова умудрилась полюбить существо, которое оставило бы ее первым. Она потеряла самое важное — смысл. Работу. И теперь сидела на берегу озера, чьи воды стали свидетелем вспыхнувшей и утонувшей любви, и думала о том, что не знает, куда ей идти.

Наверное, именно так высшие вампиры принимают решение уйти искать. Оставить семью, дом и раствориться в вечерних сумерках. Умереть или выбрать себе другую жизнь и другой мир. Ей были доступны тысячи миров, и она попыталась спрятаться в одном из них. Но не смогла. Тоска гнала ее назад. Сюда.

Смерть — это только начало. Она знала, что многие из высших существ умирали больше раз, чем требовалось для получения новой жизни. Может, ей стоит принять предложение? Странное, пугающее ее предложение?

— Я подарю тебе новую личность. Она не будет знать твоего прошлого. Ее не будет беспокоить твоя боль. Она проживет свою жизнь от начала и до конца, а потом уснет навеки, забрав в собой все твои сомнения и всю твою печаль. Ты не вспомнишь о ней. Но тебе станет легче.

— Почему я не буду помнить о ней? — спросила она тогда.

Он ответил, глядя ей в глаза своим удивительным глубоким взглядом цвета грозового неба.

— Потому что в этом случае личности сольются, и это уже будешь не ты.

— И я не вспомню об этой жизни никогда и ничего?

Он не покачал головой, хотя это было бы уместно.

— Придет время — и ты узнаешь.

Женщина подняла голову. Она не удивилась, заметив, что ее одиночество разрушено. Он стоял на берегу, заложив руки за обнаженную спину. Длинные черные волосы змеями струились по лопаткам. От него веяло привычной силой и отчужденностью. Темный основатель не повернулся к ней. Он не заговорил, но слова зазвучали у нее в мыслях.

— Доверишь ли ты мне себя снова?

— Да.

— Тогда ты уснешь. Сейчас. Я дарю тебе семьдесят лет. Проживи их так, как никогда не смогла бы прожить. Спи.

Треверберг, восточная Европа
3 марта 1967 года, раннее утро

Офелия проснулась. Смутное ощущение повторяющегося сна улетучилось, когда она посмотрела на часы и мысленно пробежала по предстоящим рабочим часам. Она всегда вставала до будильника, но сегодня ее разбудило смутное предчувствие нового дня. В этом была радость и напряжение, ожидание и страх. Что еще может ощущать хирург-кардиолог, который выходит в сутки, не успев восстановиться с прошлых? Если бы она была человеком, наверное, сошла бы с ума. Офелия человеком не была. Видимо, поэтому и переехала в Треверберг — поближе к своим. Здесь мирно уживались люди, темные эльфы, вампиры и Незнакомцы. Ну как «мирно». Люди не подозревали о наличии кого бы то ни было еще, видя в темных существах таких же, как они сами, но может быть, просто красивее и чуточку талантливее, людей. А темные существа соблюдали негласный паритет. Иногда город накрывало, и тогда особо расшалившийся Незнакомец убивал десяток-другой смертных, но вмешивались представители власти, и все затихало.

Большинство темных существ полностью включились в общество. Они учились, работали, строили семьи, теряли и зарабатывали деньги. Офелия стала врачом. Только получив темную жизнь и в течение нескольких лет научившись выживать, она поняла, что врачевание — это то, к чему лежит душа. Она знала темную медицину и обладала нужными навыками, чтобы спасти жизнь вампиру, в которого высадили целую обойму пуль из храмового серебра, но обычная, человеческая медицина ее пленила. В первую очередь, своими ограничениями. Во-вторую, тем, что каждый день, приходя в госпиталь имени Люси Тревер, она бросала вызов себе. Ну что, Лия, справишься ли ты теперь? Сделаешь ли ты то, что никто не делал до тебя? Предчувствуешь ли ты расслоение аорты, остановишь ли его? Сможешь ли заставить сердце биться, не прибегая к способностям Незнакомки?

И у нее получалось. В Треверберг она переехала, получив Гарвардский диплом по специальности «торакальный хирург». Она прошла интернатуру и ординатуру, но в Треверберге в течение целого года работала ординатором, проходя переподготовку. Стандарты госпиталя имени Люси Тревер соответствовали скорее США, чем Великобритании. В 1964 она получила должность врача-хирурга. А два месяца назад главный врач госпиталя Дональд Астер подписал бумаги, присваивая ей должность главного хирурга кардиологии. О чем еще можно мечтать в условные тридцать? Конечно, о ней писали газеты и медицинские журналы. Офелии нравилось это внимание. Нравилось чувствовать себя живой. Нравились номинации на городские и международные премии. Она жила как человек, подпитываясь эмоциями, которыми была пронизана больница.

Да, профессия врача для существа, которое питается чужими эмоциями, — идеальное место. Здесь есть все. Страх, надежда, боль, радость. Все, возведенное в абсолют.

Офелия выскочила из постели. Она обычно приезжала на работу без четверти шесть. Вставала в четыре. Нужно быстро собраться, сделать зарядку, перекусить и ехать, пока не начались утренние пробки. Одеядо соскользнуло на пол, но доктор не обратила на это внимание, она уже бежала в душ. Оказавшись в ванной комнате, включила воду и посмотрела на себя в зеркало из храмового серебра — в обычных отражался ее светлый облик, а она любила смотреть на себя настоящую. Оттуда на нее взглянула молодая женщина с русыми волосами и зелеными глазами того редкого оттенка, который в зависимости от настроения и окружения кажется то зеленым, то голубым. Цвет морской волны, мягкий и

нежный, он мог стать пронзительным и злым, а мог раствориться, уступая место теплу. Сейчас глаза были равномерно зелеными. Лицо свежее, тонкий нос, аккуратные небольшие губы. Офелия Лоусон почти не пользовалась косметикой, хирургу не до красоты. Но иногда, на выход, на премию, она брала краску, подводила глаза и ресницы и превращалась в одну из тех роковых красоток, кто демонстрировал наряды модельеров.

Душ и завтрак пролетели на одном дыхании. Женщина включила телевизор, который тут же переключился на криминальную хронику. Говорили о каком-то громком процессе, где очередную победу вот-вот одержит какой-то адвокат. Потом диктор сообщил об аварии в лаборатории при госпитале, где проводили анализы. Дальше Офелия не слушала. Она быстро оделась, выключила телевизор и выскочила за дверь.

Дональд Астер, ее шеф и гениальный хирург-травматолог, был достаточно прозорлив, чтобы сделать не одну, а две лаборатории. Он понимал, что оборудование может сломаться, может случиться что-то с электроэнергией, с персоналом и еще бог знает с чем. Никто не думал, что это пригодится. Это стало дырой в бюджете, и пришлось продавать мощности частным клиникам. Кто бы мог подумать, что он окажется прав. Офелия завела автомобиль и улыбнулась. На самом деле ей нравилась эта человеческая жизнь и человеческие заботы.

Офелия остановила машину у белого здания, заглушила мотор и посмотрела в небо через слегка запотевшее стекло. Вздохнула. Она не чувствовала усталости и радовалась возвращению на работу, но не успела перевести дух, как в стекло постучали.

Она вздрогнула и повернула голову, облегченно расслабилась, увидев лицо Дональда. Открыла дверь. Дональд Астер улыбался своей слишком идеальной и слишком американской улыбкой. Он смотрелся как супер-модель даже в заношенном халате хирурга. А сейчас в строгом весеннем пальто и подавно мог свести с ума любую.

— Уже слышали новости, доктор? — спросил он с причудливым акцентом, подавая ей руку.

Офелия вышла из машины, взяла сумочку, закрыла дверцу и позволила шефу увлечь себя в здание больницы.

— О том, как ваша предусмотрительность нас всех спасла?

Он рассмеялся.

— Главное, сотрудники живы.

— А что случилось?

Он пожал плечами, отстраняясь, чтобы смахнуть с плеч снежинки. Она не заметила, что пошел снег. В марте в Треверберге снег — явление редкое. Как она могла пропустить это?

— Взорвался баллон с кислородом. Экспертиза найдет причину. Кстати, мне пришлось поменять ваше расписание.

— Вам? — Офелия развернулась к нему. — Поменять расписание мне? Это еще почему? Мы же договаривались...

— И я обязательно искуплю свою вину, доктор Лоусон, — мягко прервал ее Астер. Улыбка с его лица никуда не исчезла, но трансформировалась. Если две минуты назад хотелось стереть ее крепким ударом, то теперь стало почти не по себе — он выглядел таким трогательным и искренним. — Мне позвонили, к нам везут важного человека. Ему прострелили грудь. А среди моих врачей есть только одна волшебница.

Офелия фыркнула.

— Очень важный клиент?

— Важный клиент моего близкого друга.

Она пожала плечами.

— То есть, мадемуазель Лионни с неуточненной аритмией, которая может ее ненароком убить, подождет?

— Аркенсон или Тревер поставят ей стимулятор, жить будет. Вы не должны брать в работу такие мелкие случаи, доктор Лоусон, ваше время дорого.

Он остановился, глядя ей в глаза так, как смотрел бы учитель на нерадивого ученика. Офелия положила руки на талию и подняла голову, встретив его взгляд со всей возможной непримиримостью.

— Ваши лучшие хирурги уже не помнят, как удалять аппендицит. Простые операции — это медицинские гаммы. Если вы хотите убить мою карьеру, хорошо, я буду брать только сложные случаи.

Дональд Астер примирительно поднял руки. Они успели дойти до фойе, и сестры на ресепшн следили за их разговором, прячась за большими мониторами. Слухи уже поползли, а к обеду овладеют всей больницей. Конечно, любимая тема: похождения шефа и неприступная Лия. Это так интересно.

— Хорошо, ваша взяла. Вы можете заняться мисс Лионни сегодня вечером. К сожалению, мистер Барден скончался.

— Что? Почему мне не сообщили?

— Не успели. Он попал в аварию по дороге сюда.

Офелия ударила себя ладонью по лбу. Если вы думаете, что самое страшное для хирурга потерять пациента на столе, вы ошибаетесь. Самое страшное и неприятное — потерять пациента до операции.

— Мне нужно идти. Как зовут вашего супер-друга? Чтобы я случайно не убила его, если будет лезть, куда не следует.

— Рамон Эверетт, он адвокат. Подстреленный — его клиент, я так понимаю, ключевой свидетель в деле, которое он ведет.

— Прекрасно, — бросила Лоусон, снова придя в движение. Уже около лифта она развернулась и продолжила: — Только криминальных разборок мне не хватало этим чудесным утром.

— Прекрасного дня, доктор Лоусон, — улыбнулся Астер.

— Удачной беседы со страховой компанией, шеф.

— Кстати. С днем рождения.

— Огнестрел в качестве подарка. Все, как я люблю.

Двери лифта закрылись.

С Дональдом Астером они познакомились еще тогда, когда он, молодой и амбициозный доктор наук, приезжал в Гарвард с открытыми лекциями по травматологии. Он устроил конкурс среди студентов, который Офелия выиграла и получила приглашение в госпиталь имени Люси Тревер. Но она решила задержаться в Великобритании еще на три года, и приехала в Треверберг с дипломом, кучей статей и исследований и целью возглавить кардиологию. Дональд ее принял. Химия между ними возникла мгновенно. Но он был женат, а она слишком сосредоточилась на работе. Ее удовлетворяли эмоции в качестве пропитания и обитатели Ночного квартала в качестве партнеров и партнерш на одну ночь. Дональд дарил ей подарки, комплименты, но ни разу не сделал поблажки в рабочих вопросах.

Год назад он развелся, и ухаживания возобновились, но Офелия держала его в зоне

черного медицинского юмора и взаимных колкостей. Ей было приятно внимание, пусть доктор Астер оставался всего лишь человеком. С примесью, конечно, она чувствовала в нем толику генов темных эльфов, но все же человек, которого нельзя было назвать даже полукровкой.

Но что это она. Нужно быть честной с собой.

Ей нравилось его мучить. Держать на расстоянии, неожиданно приближать и снова отбрасывать. Она знала, кого он представляет, листая подпольный порножурнал. Видела, какими глазами он на нее смотрит, убежденный, что остается незамеченным. Она ощущала его эмоциональный запах, сотканный из возбуждения и ожидания, но ни разу не перешагнула черту. И он тоже. Наслаждение ей доставляла игра. И в этом она чувствовала, насколько стала похожа на человека.

Офелия вышла в коридор на третьем этаже, где располагалось ее царство. Отделение торакальной хирургии состояло из нескольких подотделов и занимало целый этаж. Ее этаж. Медсестры на ресепшне (они менялись так часто из-за программы обмена внутри госпиталя, что доктор Лоусон не успевала запоминать имена) улыбнулись, увидев начальницу. Лия кивнула им и направилась к своему кабинету. Небольшому, но уютному помещению, занятому большим столом, парой кресел и бесчисленными стеллажами с книгами, журналами. На столе лежали истории болезни пациентов, которых предстояло оперировать. На разноцветных папках были приклеены бумажки с временем операции. Некоторые перечеркнуты, переписаны, подтерты, некоторые нетронуты. Справа от папок стояла большая корзина с цветами. Офелия достала записку.

«С Днем рождения, Жемчужина. Искренне твой. Д.А.»

Жемчужина. Что-то новенькое. Впрочем, для клиники она была важна. Самый молодой заведующий отделением. Самая именитая женщина-врач Треверберга. На ее операции приезжали со всей Европы. Другой судьбы Незнакомка не могла и представить. У бессмертных существ есть бесконечная фора. Пусть ей было всего около семидесяти, и по меркам Незнакомцев она считалась чуть ли не ребенком, рядом с людьми она чувствовала себя почти божеством.

Офелия наклонилась, вдохнула аромат цветов и улыбнулась. Ладно, если он решится пригласить ее в ресторан, она согласится. Так уж и быть.

В дверь аккуратно постучали.

— Войдите.

— Доктор Лоусон, пациент прибыл, начинаем через пять минут. А с ним полицейский и адвокат. Они в зале ожидания.

Геката Штиль, ее старший ординатор, выглядела испуганной. Она работала в больнице уже три года, выбилась из массы, но с огнестрелами раньше не встречалась.

— Подождут. Ассистируешь?

Геката сверкнула улыбкой, слишком контрастно смотревшейся на смуглом лице. Офелии нравилась ее внешность. Мулатка с ярко-синими глазами, полными, как у афроамериканцев, губами, но тонкими и изящными чертами лица. Немножко полновата, но эти округлые формы не выглядели неухоженно, напротив, они придавали ей вид королевы. Имя ей очень шло. В отличие от фамилии. Ледяной огонь, горячий снег. Геката Штиль. Сумасшедшая женщина, влюбленная в хирургию. Она родилась со скальпелем в руках. С ним, видимо, и умрет. С ним же создаст семью.

Шесть часов спустя

— Что такое шесть часов для операции на сердце? — с улыбкой спросила Геката, когда они стояли в предоперационной, стаскивая с себя окровавленные костюмы и перчатки.

— Да, почти рекорд, — улыбнулась Офелия. — Я дважды думала, что мы его потеряем. Бедолаге досталось. Кто-то разрядил в него целую обойму!

— И эта пуля... — ординатор поморщилась. — Она могла взорваться?

Доктор Лоусон рассмеялась.

— Главное, что ничего не взорвалось и никто не пострадал. А пациент должен выжить.

— Первые сутки покажут.

— Первые сутки покажут.

Основательно помыв руки до самого локтя, Офелия достала из шкафчика сменную одежду и пошла в душ. Геката увязалась за ней. Ординатор вообще старалась в рабочее время не отставать от своей начальницы, впитывая ее знания и мастерство. И у нее хорошо получалось. Офелия не тешила себя иллюзией и в преемственность поколений не верила. Эта маленькая смуглая сучка откусит ей руку по плечо, если подать палец. Но пока она слабее и училась у нее. А потом будет метить на ее место. Когда? Через год? Полгода? Пять лет? Ничтожно мало в контексте вечности.

Горячая вода освежила затекшее от напряжения тело. Нет, Офелия не устала. Она не могла устать за ничтожные шесть часов. Тем более, через час ее ждала новая операция и новая спасенная или загубленная жизнь. Ее мучило нечто другое. Предчувствие? Тоска? Все дело в этом дурацком сне, который она видела постоянно. Какая-то женщина, какой-то мужчина, разговоры. Костер и ночь. Она не помнила, о чем они говорили и не понимала, почему должна следить за их диалогом. Но каждый раз какая-то неизведанная часть ее поднимала голову и начинала царапать нервы мелкими острыми коготками и зубками. Выключив воду, Лоусон постояла в клубах пара, а потом потянулась за полотенцем. Нужно поговорить с полицейским и адвокатом, которые ждали ее. Дональд приходил в смотровую и просил сделать это лично. В знак уважения к нему. У Офелии не было возможности отказаться, она как раз была занята извлечением пули из тела больного, и любое неосторожное движение могло его убить.

Вытершись насухо, промокнув волосы, Офелия влезла в новый хирургический костюм. Влажные локоны пришлось собрать в неаккуратный пучок, чтобы они не падали на лицо. Геката нежилась под струями воды в соседней кабине, и Лоусон решила ей не мешать. Во второй операции ординатор не участвовала, у нее есть время выдохнуть. То, что для Лии было «всего шесть часов», для все еще неопытной девушки, как бы она не храбрилась, оставалось настоящим испытанием на стойкость.

Офелия вышла из душа. Темно-синяя ткань костюма приятно облегла разгоряченное тело, которое сейчас ощущалось особенно чисто, обостренно. Каждая клеточка будто раскрылась под горячей водой, и теперь резонировала, касаясь ткани. Это было почти волнительно. Отогнав от себя мысли о том, что было бы неплохо вернуться в душ и показать красотке-ординатору, каким может быть наслаждение в ее, Офелии, мире, доктор Лоусон бодро зашагала по коридору в сторону комнаты ожидания. В свое время она уговорила Дональда выделить большое помещение в травме для тех, кто ждет результатов операции их

родных. Плановых операций в этом отделении не было. И родственники, и друзья нуждались в особенном уюте. Пертурбации отделов привели к тому, что травма уменьшилась, а огромная комната ожидания поделилась между ней и кардиологией.

Полицейского Офелия узнала сразу. Сложно не заметить высшего темного эльфа, который также, как тысячи его собратьев по всей планете, не забыл свои корни война и пошел на службу. Они пересекались несколько раз. Доктор не помнила его имени. Помнила эмоциональный запах и эту забавную привычку держать голову. Он выглядел так, будто только что откинул волосы с лица, и теперь смотрел поверх чужих голов. Слегка надменный и вместе с тем величавый вид.

— Доктор Лоусон, — воскликнул эльф, делая шаг навстречу. — Ну и заставили вы нас понервничать. Как мистер Беард?

Он говорил негромко, но все, находившиеся в комнате ожидания, дружно повернули к ним головы. Офелия пересекла пространство, жестом пригласила полицейского подойти к окну и растерянно огляделась в поисках адвоката.

— Мистер Эверетт подойдет через минуту, — то ли прочитав ее мысли (конечно, нет), то ли догадавшись по лицу о том, что ее беспокоит, проговорил полицейский. — Я капитан Андреас Ли.

— Ли?

— Так вышло.

Он пожал плечами и смущенно улыбнулся. Улыбка заставила вспыхнуть темно-карие глаза, а на щеках появились ямочки. Капитан Ли обладал высоким ростом, свойственным большинству из его собратьев и грации и стати ему не занимать. Лия подошла к окну.

— Операция прошла хорошо. Мы достали все пули. Сердце пару раз останавливалось, но нам удалось его запустить.

На лице полицейского не отразилось никаких эмоций. Конечно. На что она надеялась. Он не ждал другой информации. Врачи же не совершают ошибок. А люди не умирают без причины пачками в каждой операционной.

— Значит, вы волшебница?

Доктор Лоусон резко развернулась на пятках. В паре шагов от нее стоял высокий молодой человек. Он держал два картонных стаканчика с кофе. Чуть поколебавшись, он протянул врачу один из них, а второй — полицейскому. Капитан Ли принял напиток. А Офелия замерла, не чувствуя, как горячий кофе обжигает сквозь картон. Она сама была Незнакомкой. Не помнила создателя и питалась эмоциями. Да. И она, кажется, даже встречалась с Незнакомцами раньше. Но подобных этому существу не видела.

— Рамон Эверетт, — представился мужчина, прохладно улыбнувшись. — Адвокат. Хотите взглянуть на документы?

— Да.

И зачем? Внешность молодого мужчины обмануть не могла. Его истинная сущность скрывалась в темно-синих глазах, в самой их глубине. Эверетт смотрел на нее с вежливой профессиональной улыбкой, но Офелия не сомневалась: он спокойно переступит через ее труп, если понадобится. Эта мысль отрезвила.

Адвокат протянул ей документы и замер, сложив руки на груди и не реагируя на полицейского, тот не шел на контакт, мелкими глотками поглощая напиток и следя за происходящим тем стеклянным взглядом, который всегда отличал людей в форме. Андреас будто слился со стеной, хотя его внешность была слишком яркой, чтобы раствориться, ему

удалось стать почти незаметным. Не привлекать к себе внимание, следить за всем и всеми. Наблюдать.

Офелия раскрыла бумаги Эверетта. Удостоверение адвоката еще сохранило первозданный вид. Не помялось и не протерлось. Либо он педант, либо недавно получил документы. В любом случае в списке доверенных лиц он не значился. А значит, ей придется выдержать бурю.

— Что вы там увидели? — улыбнулся Рамон, спокойно, но решительно забирая у нее документы. Офелия поставила стаканчик с кофе на подоконник и сложила руки на груди.

— Что вам нужно, господа?

— Я хочу поговорить с мистером Беардом.

— Рамон, ты не можешь с ним поговорить, — спокойно и устало вмешался полицейский. — Твой свидетель под защитой управления...

— Защита управления, капитан, привела его под скальпель доктора....

— Лоусон, — подсказала Офелия, поджимая губы.

— ... доктора Лоусон, — спокойно продолжил Эверетт. — Я должен убедиться, что с ним все в порядке и он...

— Сможет выступить завтра в суде? — расхохотался Ли. — Ты в своем уме? В него стреляли! Три дырки в теле и одна возле сердца. Да он и через неделю ничего не сможет сказать. Ни один судья не примет показания человека под морфином.

Офелия устала провела рукой по лбу.

— Я не нужна вам, господа, чтобы урегулировать ваш спор. Ни один из вас не попадет к пациенту в ближайшие сутки. Идите домой, почитайте книжку детям, почешите кошку за ухом. И не мешайте мне работать.

— Я должен убедиться, что с ним все в порядке, — зло бросил ей Эверетт, сверкнув глазами.

Офелия мужественно выдержала его разъяренный взгляд.

— Завтра.

— Нет, доктор. Я должен увидеть его сегодня.

— Послушайте, мистер адвокат, — вскипела Лоусон. Уже было плевать на то, что перед ней тысячелетний Незнакомец, способный уничтожить ее движением пальца. И даже его сковывающий волю взгляд не сбил ее с намеченного курса. Она могла вынести многое и закрыть глаза на многое. Но не терпела, когда родственники и наблюдатели перечили врачам. А Эверетт не был ни родственником, ни другом пострадавшего. — Ни вы, ни ваши коллеги из полиции не войдут в палату мистера Беарда, пока я не разрешу это сделать. И ваши связи с доктором Астером здесь не помогут. Вы уже вмешались в мое расписание, лишив моей помощи людей, которые ждали ее месяцами. Диктовать условия, когда и кто зайдет к пациенту, который вполне может не дожить до утра, я не позволю. Идите домой и отдохните. Вам позвонят.

— Позвонят? Оставить вам визитку? Весь этот цирк ради того, чтобы получить мой номер телефона?

Офелия на мгновение онемела. Ли выступил вперед, инстинктивно стараясь не оказаться на линии огня, но стремясь встать на защиту, если того потребует ситуация. Впрочем, его ничего не удивляло. Видимо, такое поведение для молодого адвоката было в порядке вещей.

Почувствовав присутствие Гекаты Штиль, Лоусон улыбнулась.

— Я не трачу свое время на такие мелочи, господин адвокат. Оставьте свою визитку старшему ординатору. Она свяжется с вами, когда состояние пациента стабилизируется.

Лоусон развернулась на каблуках быстрее, чем успела заметить выражение легкого разочарования на его холемом гладко выбритом лице. Каштановые волосы чуть длиннее, чем того требовала мода. Темно-синие глаза чуть темнее и ярче одновременно. Ей хотелось задержать на нем взгляд, хотелось поговорить с ним... не с Рамоном Эвереттом, а с тем, кто скрывается за ним, с Незнакомцем. Но вряд ли это получится после мерзкой стычки.

И ладно.

Кивнув Гекате, Лоусон удалилась по коридору, чувствуя, что ее спину сверлят три пары глаз.

Несколько часов спустя

Мерedit сочувственно пощелкала языком и налила Офелии красного вина. Бокал врача пустел уже дважды, и каждый раз подруга заботливо исправляла недоразумение, искренне надеясь, что Лоусон это поможет. Конечно, бедняжка Мер понятия не имела, кто такая ее соседка по лестничной клетке, кто такие Незнакомцы, что вампиры существуют на самом деле, а сказки про кровожадных чудовищ в общем-то и не сказки.

Офелия пригубила вино.

— А потом он вручил Гекате — это мой старший ординатор — визитку и пригласил ее обсудить все детали за ужином.

— Каков наглец! — поддакнула Мерedit, выливая в свой бокал остатки напитка. Она несколько секунд смотрела на бутылку, потом встала, слегка пошатываясь, выбросила пустую тару в мусорное ведро и взяла со стойки каберне 1879 года. Изысканное вино Лоусон подарил благодарный пациент. Было странно думать, что в этом мире так много всего, что пожило гораздо дольше, чем Офелия. При общении с людьми она чувствовала себя самой мудрой из возможных. А эта бутылка напоминала о том, сколь юна была Незнакомка. И для Эверетта скорее всего она так, ничего не значащее препятствие. Может, он вообще не разглядел, что они с ним похожи. Может, решил, что она вампирша или эльфийка. Или еще что похуже. Он получил отпор и сразу отступил, переключился на Гекату. Будто поддразнивая. Или просто играя на нервах. Больше всего ее раздражало... что? Что она думает об этом?

— А как зовут того красавчика полицейского?

— Андреас Ли.

— Надо позвонить ему! Надо обратиться к нему за помощью.

Язык подруги заплетался.

— Но у меня же все хорошо. Зачем мне полицейский.

— Давай я украду твою машину. Он приедет, весь такой герой, ты вся такая в слезах, — мечтательно продолжила Мер, опуская подбородок на изящную ладонь. Волосы кудрями обрамляли ее бледное лицо. Зеленые, чуть ярче, чем у Офелии, сияли пьяной бравадой и предчувствием отличного приключения. — Он будет задавать вопросы, утешать. Поможет тебе подняться наверх, пообещает во всем разобраться. А тут я такая приеду, отдам ключи, извинюсь, и ты скажешь, что все хорошо, но он тебя спас. А потом чай, печеньки, спальня рядом.

Офелия рассмеялась. Сначала привычка Мерedit все сводить к постели ее удивляла, потом раздражала, а сейчас начала веселить.

— И зачем по-твоему я должна это делать?

— Мы соседки сколько? Пять лет? Я ни разу не видела, как из твоей двери выходит мужчина.

— Ты следишь за мной?

— Нет, но ты же знаешь, как чутко я сплю. А стены здесь картонные...

— А где твой?

— Мигель еще не вернулся из командировки. Ты обязательно узнаешь, когда, — глаза подруги снова сверкнули. — Я очень соскучилась, а стены здесь картонные...

Доктор рассмеялась. Рядом с этой женщиной ей всегда хотелось смеяться. Мередит работала на городском радио, вела утреннее шоу, рассказывала о новостях и моде, интересных людях и их жизни. Они познакомились в день переезда Офелии в Треверберг, а подружились после того, как доктор Лоусон наградили за особый вклад в развитие медицины Треверберга, и Мередит пригласила ее к себе на интервью. Офелия подпитывалась ее эмоциями, а Мер была рада их куда-то слить. В какой-то мере из них получилась прекрасная пара. Мужчин Мередит меняла с завидной регулярностью. И не скажешь, что человек. Обычно себя так вели темные существа, перебирая партнеров. Мигель задержался рядом с радиоведущей дольше соперников. Почти год. Они друг другу изменяли, страстно ссорились и страстно мирились. А потом Мер рассказывала подружке о каждом мгновении этих примирений. Подобные беседы Незнакомку не волновали. А сегодня она сама стала инициатором такой беседы.

Что-то в Рамоне Эверетте смутило женщину. Смутило и заставило ее думать о нем сейчас, когда она провела еще две операции и буквально падала с ног от усталости. Ей бы лечь и уснуть, а не разговаривать с соседкой о мужиках.

— Я просто устала, — проговорила Лия.

— Конечно. Я видела твоего красавчика, — Мередит снова разлила вино по бокалам. — Он давал интервью в криминальную хронику. На твоём месте я бы загрузила ординатора работой по самые уши и явилась бы на ужин сама.

Офелия посмотрела на часы.

— Думаю, их ужин давно закончился.

— Не думаю, что они разошлись по домам, как благочестивые возлюбленные. Твоя Геката не прочь перепихнуться. А адвокат прекрасно подходит на роль случайного любовника.

Или случайной занозы в заднице. Выдержанное вино пробило ее глухую оборону. Наступившее состояние нельзя было назвать опьянением. Просто ей стало тепло и грустно. Хотелось залезть под одеяло, включить меланхоличную пластинку и уснуть. Впервые ей захотелось, чтобы рядом оказался кто-то, способный понять.

Не по-женски. Не по-человечески. А понять на уровне, доступном лишь Незнакомцам.

— Он завтра опять зайвится в больницу, — устало сказала доктор Лоусон. — Хочет поговорить с пациентом.

— И что в этом такого?

— Он не имеет права на это. Пациент не его клиент. Свидетель. И адвокат хочет убедиться, что его показания помогут в каком-то жутко важном процессе...

Домашний телефон зазвонил, не позволив ей закончить фразу. Офелия закатила глаза, протянула руку и взяла трубку.

— Доктор Лоусон.

— Доктор Лоусон, это старшая сестра Орелла.

— Да, миссис Орелла, я вас узнала.

Офелия не спросила «что случилось», не сказала больше ничего. Она молча слушала отчет, который занял тридцать секунд и закончился стандартным «к сожалению, мы сделали все, что могли, но он умер. Время смерти...»

Адвокат будет в ярости.

Глава вторая. Андреас Ли

6 марта 1967, понедельник

Андреас Ли любил начинать рабочий день с сигареты и кофе. Он не пил чай и на дух не выносил минеральную воду, не завтракал. Кофе и сигарета — отменное топливо, которого стабильно хватало до обеденного часа. Если вызовы срывали его и нарушали распорядок, Ли покупал хот-дог. Сегодня день обещал быть спокойным. В отличие от субботы, когда его рабочий телефон разорвали звонки. Больница, Эверетт, прокуратура. Все стояли на ушах из-за смерти Анри Беарда, главного свидетеля удачливого (по меньшей мере, раньше) молодого адвоката в текущем деле. Ли радовало только то, что начальство не спустит шкуру с него лично: охрану свидетеля доверили Интерполу, а они, как всегда, все провалили. Управление полиции Треверберга осталось не при делах. Дело было громким, Эверетту почти удалось вытащить клиента (крупного работоторговца) с электрического стула, который в Треверберге пока не отменили, Беард должен был забить ржавый гвоздь в крышку гроба обвинения. А вместо этого ржавый гвоздь забьют в крышку его собственного гроба.

В субботу вечером Ли пришлось вступить за Лоусон и выпроводить разгневанного адвоката, с которым они довольно близко дружили уже несколько лет, из больницы. Эверетт добился созыва консилиума, который должен перепроверить каждый шаг операции доктора Лоусон и выяснить, допустила ли она где-то ошибку. Дональд Астер, главный врач клиники, упирался до последнего, но под дьявольским нажимом адвоката дал добро на эту неприятную процедуру. Лоусон подписала согласие на проверку, Рамону она не сказала ни слова, но Ли, который находился в одном помещении с ними, чувствовал, что оба в бешенстве. Лоусон — из-за того, что в ее работу опять вмешиваются (ее отстранили от операций), Рамон — от того, что потерял свидетеля. Выпроводив адвоката вон, капитан уехал, оставив Астера разбираться с хирургом и бюрократической волокитой, а по дороге в управление остановился и купил для Офелии цветы. Он давно никому не дарил букеты. А как иначе поддержать Лоусон, оказавшуюся меж молотом и наковальней, не знал.

Вот и сейчас, выкурив свою законную утреннюю сигарету, полицейский думал о том, что Рамон перегнул палку, а доктор Лоусон нуждается в поддержке. Но в его ли поддержке? С Офелией он пересекался каждую смену, когда она стажировалась в травме, а он работал на улицах. Потом доктор сосредоточилась на торакальной хирургии, Ли ушел с улиц и стал видеть ее реже. А она не менялась. Также независимо и дерзко держала себя в сложных ситуациях, также бесчувственно и профессионально проводила операции. Очередь к ней в интернатуру и ординатуру можно было обернуть дважды вокруг экватора. Он давно ничего не чувствовал, встречаясь с разными существами по работе. Когда каждый день видишь боль и потери, зверства и жестокость, сам начинаешь мертветь. Но что-то в этой странной женщине, совсем молодой Незнакомке было такое, что Ли расчувствовался. Дурак.

Он усмехнулся, выбросил бычок в урну, взял со стола чашку с кофе и посмотрел в окно. Он злился на руководство за то, что его время тратили на дурацкую административную работу. Как еще назвать то, что он делал с этим мертвым свидетелем? Доехать до больницы, проверить, что все меры безопасности приняты правильно. Вернуться, получив сообщение о смерти свидетеля. Опечатать палату. Подумать, и опечатать в этаж. Вызвать криминалистов. Удерживать участников процесса от скандала. Дождаться, пока криминалисты закончат работу, снять оцепление и позволить забрать тело. Снова вмешаться в скандал. Это не то,

ради чего он заканчивал полицейскую академию. И явно не то, за что получил ранг капитана полиции.

Ли допил кофе, аккуратно поставил чашку в идеально белую раковину и медленно выдохнул весь воздух из себя. Задержавшись в нижней точке, он позволил организму глотнуть кислорода и глянул на себя в зеркало, висевшее справа от холодильника. Как любой темный эльф, с возрастом он практически не менялся. Он вошел в состояние зрелости лет восемьдесят назад. В Треверберг переехал пятнадцать лет назад, прикинулся подростком, поступил в недавно открытую полицейскую академию, которую закончил и был принят в управление без долгих собеседований. Сотрудников было мало, толковых — еще меньше. Он стал первым темным эльфом в толпе людей и быстро поднялся по карьерной лестнице. Конечно, сейчас с ним служили и эльфы, и люди, даже парочка вампиров. Конкуренция стала выше, а интересных дел не прибавилось. В итоге Ли объявил монополию на все нестандартное, но за слишком откровенное неприятие всего стандартного его отправили в суд, где обязали выполнять функцию наблюдателя от управления. Почетная миссия, говорили они.

Лютый треш, решил Ли.

Из зеркала на него смотрел молодой мужчина с гладко выбритым подбородком, внимательным темно-карым взглядом и черными волосами, расчесанными на косой пробор. На вид ему можно было дать как тридцать, так и сорок, но взгляд выдавал. Ведь темный эльф уже давно разменял свою первую сотню лет. Мудрец для людей, юнец для своих, он решил влиться в дикую жизнь Треверберга до того, как родители положили лапу на его судьбу. Традиционная эльфийская семья, криминал, много денег, браки меж близкими родственниками. Ли был уверен, что традиция родственных браков в Древнем Египте пошла именно от темных эльфов. Чистота крови. Бред. Конечно, Андреас очень любил свою сестру. И даже кузин, которых видел на фотографиях, но при мысли о том, что он, как его родители, проживет жизнь аристократа, сводила его с ума. И что в итоге? Побег сразу после достижения темного совершеннолетия. Другая фамилия. Оторванность от своих. Управление полицией. Если бы он понимал, как это правильно описать, то сказал бы, что по-своему счастлив. Его счастье заключалось в свободе.

Немного подумав, Ли взглянул на часы. Восемь утра. Смена у Лоусон начиналась в семь. Подойдя к телефону, он набрал номер кардиологии и принялся ждать. Гудок. Второй. Третий. Может, она занята? Может, ее допустили к операциям? Конечно же нет. Прошла всего ночь, а подобные дела быстро не решаются. Может, она взяла выходной?

— Доктор Офелия Лоусон, — неожиданно ожила трубка.

Андреас выдохнул.

— Это капитан Ли, доктор.

— Здравствуйте, капитан, — ему показалось, или голос ее потеплел? — Спасибо вам за цветы. Не стоило усилий.

— После субботы мне захотелось вас поддержать.

Она что-то буркнула в сторону.

— Вы сделали все, что могли.

— Так врачи говорят, когда больше нечего сказать.

Лоусон тихо рассмеялась. От ее смеха стало тепло. Ли провел рукой по волосам и посмотрел в зеркало, отмечая, как меняется его взгляд во время разговора с ней.

— Я забрала их домой и поставила на кухне.

— Но сейчас вы в больнице.

— Да. Разбираю старые истории болезни, заполняю карты. Словом, занимаюсь той ерундой, до которой не доходили руки.

Она медленно выдохнула. Стало грустно.

— Я уверен, что вы сделали все, что могли.

— Операции похожи на расследование, капитан, — тихо ответила Лоусон. — Перед вами чистый лист. Вы знаете, к чему должны прийти, что должны найти или устранить или спасти. Вы знаете маршрутную карту, понимаете, как к этой точке приблизиться в теории. Но на практике каждая операция уникальна. Даже те, на которых учатся интерны. Может открыться кровотечение, у пациента могут оказаться слишком хрупкими ткани или сосуды, он может нарушить запрет врача и выпить или съесть что-то запрещенное. Его сердце может не выдержать. Я заставила сердце пациента биться. Дважды. Когда его увозили в палату, он был стабилен. Я провела еще две операции и поехала домой. Другие пациенты живы, и им ничего не угрожает. А ночью мне сообщили, что Беард умер.

— Это тяжело, — сказал Ли, потому что просто не знал, что еще можно сказать.

— Спасибо вам, капитан. Мне нужно работать.

— Не хотите со мной поужинать?

В трубке повисло тягостное молчание. Идиот. Зачем ему это? Зачем ему связываться с Незнакомкой? Подобный союз никому не принесет счастья. Да, он старше нее, опытнее и понимает ее лучше, чем она может представить. Но все же, хватит ли ему сил? Она не похожа на тех психопатов, о которых слагают легенды и страшилки для маленьких эльфов. Не похожа на эмоционального вампира, который раскачивает тебя, выдирает из твоей души остатки светлого и чистого, чтобы осушить и выбросить. Она работает врачом, от нее не пахнет угрозой. Только печалью, светом и обещанием. Как от любого обращенного. Ли не чувствовал к ней ничего до этого момента. До момента, когда зачем-то принял на себя роль защитника.

— Почему бы и нет, — наконец ответила Офелия. — Сегодня вечером?

— Я заеду за вами в восемь.

Она продиктовала домашний адрес и отключилась. Андреас замер, не отводя глаз от окна. Что ж. Теперь можно ехать в управление.

Несколько часов спустя

Управление Полицией Треверберга

Харри Хикс смотрел на друга, сощуривав серо-голубые глаза. На его морщинистом лице читалось одновременно презрение ко всему живому и интерес к рассказу Ли. Хикс уже двадцать пять лет служил руководителем отдела криминалистической экспертизы, частенько выезжал на место преступления и преподавал в академии. Он прошел войну, потерял спокойный сон, но приобрел удивительное чутье относительно поиска и интерпретации найденных улик. Хикс совмещал в себе повадки следователя и криминалиста, и это делало его бесценным сотрудником и отличным другом. Они познакомились с Ли лет десять назад, подружились почти сразу. Полукровка и темный эльф, оторванный от семьи, чувствовали свою схожесть перед лицом огромного мегаполиса. И тот

и другой не понимал, где его место, как раскрываться и стоит ли раскрываться, как жить эту жизнь и в чем ее смысл. Любовь к правде объединила их. Изрядная толика занудства сделала чуть ли не братьями. Полукровка старел, эльф — нет, но это не мешало им отрываться в недавно отстроенном Ночном квартале и сейчас. И давать фору послевоенной молодежи.

— Прямо взял и пригласил на ужин?

— Не знаю, что на меня нашло, — стусевался Андреас. — Я не могу сказать, что чувствую что-то определенное.

— В тебе просто проснулся защитник.

Ли передернуло. Он привык, что друг озвучивает то, что он говорил сам себе мысленно, но не решался произнести вслух, но сейчас эта обнаженная правда резанула. Некоторое время назад Андреас увлекся работами психоаналитиков и пытался примерить прописанное там на себя. Вышло не очень ввиду специфики описания, но что-то в этом было. В том, что есть что-то глубже очевидного мотива и причинно-следственных связей. Есть дикие, первобытные инстинкты, которые либо помогают тебе жить, либо мешают. Ему действительно хотелось помогать другим. Помогать так, как ему самому никто не смог бы помочь. Он не мог дать тепла и эмоций, и отдавал свое время и силу, протягивал руку. Боролся за справедливость, потому что свою собственную жизнь считал олицетворением несправедливости.

Хикс вырос в детском доме. Полукровок редко жаловали. Сказки про светлую и чистую любовь между темными существами и обычными людьми рассказывали детям, чтобы как-то скрасить этот мир. На практике на полукровок смотрели как на прокаженных. Такой ребенок становился символом позора. Все как в культуре бастардов. Ты вроде сын своего отца, наследный принц, а по факту ты хуже конюха. В Хиксе забавно смешалась кровь темного эльфа и человека. Чаще она дарила своему обладателю вечную молодость, но Харри получил от нее другой дар. Дар, который создал из него гениального криминалиста.

— Она красивая женщина.

— Все Незнакомки красивые женщины.

Ли покачал черноволосой головой.

— Она не похожа на других Незнакомок. В ней нет кровожадности и необузданности. Она хирург!

— Маска. Как и твоя собственная маска полицейского. Какая она на самом деле, ты не знаешь. Это же впитывается с молоком матери: не связывайся с Незнакомками. Оставь их другим Незнакомцам.

— Не думаю, что одному знакомому нам Незнакомцу тут что-то светит, — не удержался от едкости Ли. — По его милости Офелию отстранили от операций.

— А он имел на нее виды?

Капитан пожал плечами.

— Ты же знаешь Эверетта.

Харри сдержанно кивнул.

— Я так понимаю, ты меня не услышал?

— Ты потратил весь обеденный перерыв на то, чтобы отговорить меня от свидания с красивой женщиной. Вместо этого пнул бы своих. Что показало вскрытие пациента?

— «Что показало вскрытие», — передразнил Хикс. — Ничего не показало. Пациент в морге в больнице. Астер не подписал бумаги о перевозе. Сказал, что тело останется в его больнице, пока его патологоанатомы не проведут вскрытие.

— То есть? Это дело полиции.

— А вот и нет. Какая-то там поправка к уголовному кодексу. Если умер в больнице, то и вскрывает местный врач. Я отправил Беату, она с них глаз не спустит.

— Беата-то да...

Ли достал пачку сигарет из нагрудного кармана рубашки и протянул одну из них другу. Тот не отказался. Чиркнула зажигалка, и комнату наполнил сизый дым.

— Вот, — глубокомысленно сказал Харри. — Курение тебе тоже нужно бросать.

— Да, — подтвердил Андреас, набирая полные легкие дыма. — Только докурю эту сигарету.

Они закончили в тишине. Обед подошел к концу, нужно было возвращаться к делам, а Ли чувствовал, как нарастает внутреннее напряжение. Только вот связано оно было не с Лоусон и не с их свиданием. Было что-то еще. Будто город замер перед бурей. Полицейский потер брови и посмотрел на Хикса. Тот тоже разделался с куревом и теперь с безразличным видом смотрел в окно. В его серо-голубых глазах отражалось небо.

Ли погрузился в меланхолию и пришел в себя, только оказавшись в кабинете отдела по расследованию особо тяжких, где служил последнее время. Он прошел через наркотики, работоторговлю и убойный. За успехи перевели в особо тяжкие и сделали заместителем шефа. Убедившись, что это не превратит его в белого воротничка, эльф согласился, и теперь занимал почетный большой стол в просторном кабинете, перегородженном шумоизоляционными панелями, за которыми прятались немногочисленные коллеги. Иногда им становилось грустно, и панели разбирали, но сейчас они стояли по местам. Отдел недавно закрыл несколько крупных дел, и теперь наслаждался заслуженным отдыхом и бюрократией.

Дверь в кабинет шефа была открыта, а места коллег пустовали. Это заставило Ли мгновенно вернуться в реальность.

— Капитан!

Ли вздрогнул и стремительно преодолел пространство до кабинета шефа. Тот сидел на столе. Немолодое лицо блестело от пота, глаза бегали и ввалились. Коллеги сидели на стульях вокруг него как дети вокруг воспитателя.

— Что случилось, шеф?

— Бери команду и немедленно выезжай в четвертую гимназию. Там стрелок.

— Что? — Ли не заметил, как сел голос.

— Школьник пришел с огнестрельным оружием и начал стрелять на уроке.

Ли обвел глазами коллег.

— Андерсон, Равилье, Штейн — со мной, — перечислил он. — Лоурден, остаешься здесь на телефоне. Позвоните Хиксу. И нам нужен переговорщик!

— Себастьян Хоул уже выехал на место преступления, — бесцветным голосом проговорил шеф.

Семнадцать минут спустя

Себастьян Хоул оказался молодым психиатром, получившим сертификат ФБР, который позволял ему вести переговоры в критических ситуациях. К критичным относился захват заложников, терроризм, попытка суицида. Специалист приехал к гимназии в одно время с

полицейскими машинами, но приказа о старте переговоров пока не поступило. Из здания не доносилось ни звука. Гимназию окружили люди. Полуодетые, испуганные школьники и преподаватели, кто выбежал, только услышав выстрелы. Сандра Андерсон и Грегор Штейн отправились собирать показания. Матиас Равилье приготовил оружие и пошел в обход проверить черный ход или иные выходы из гимназии. Ли остался у главного входа. Он держал в руке рацию, кутался в шерстяной плащ. Шел ледяной морозящий дождь, солнце спряталось, но капитан стоял, расправив плечи и широко расставив ноги.

— Чисто, — ожила рация голосом Равилье.

— Через сколько будет спецназ? — негромко спросил Ли.

— Шестьдесят секунд, — снова ожила рация. — Когда прекратили стрелять?

— Минут пять назад.

На данный момент было известно только то, что выстрелы начались на третьем этаже в помещении, где сидел выпускной класс. Тридцать человек и учитель. Андреас удержался от того, чтобы провести рукой по лбу, на котором выступила испарина. Этот город повидал всякое. Подобного он не видел никогда. Да и целый мир еще не знал случаев, чтобы школьник приходил в свой собственный класс и открывал огонь. Это можно было объяснить, если такое совершил бы прошедший через огонь солдат. Но мальчик?

— Тихо, — снова прорвал тишину Равилье. — Заходить?

— Подожди спецназ, — отозвался Андреас.

Обычное здание гимназии бежевого цвета на фоне грозового неба казалось бессмысленно-серым. Темные окна, в которых не виднелись лица людей. Кое-где включен свет. В кабинете, где оккупировался стрелок, светло. Но ничего не видно за плотно задернутыми шторами. Ни теней, ни движения. Только багровые пятна на ткани, зловеще темнели.

— Томми, я хочу с тобой поговорить.

Себастьян Хоул замер в нескольких шагах от Ли. Он держал в руках рупор. Андреас развернулся к нему, вздрогнув от неожиданности. Психиатр кутался в плащ, он выглядел маленьким и одновременно всеильным. Стальная выдержка в светлых глазах, упрямо напряженные губы. От него буквально веяло уверенностью.

— Я знаю, что тебе страшно и одиноко. Обещаю, тебя никто не тронет. Меня зовут Себастьян Хоул, я хочу с тобой поговорить.

Тишина.

— Мне двадцать девять лет, когда-то я учился в этой гимназии. Я медиатор. Медиатор — это такой человек, который может понять того, кто оказался в твоей ситуации.

Тишина. Толпы учеников и учителей, оттесненные за полицейские ограждения, подтянулись поближе к Хоулу, чтобы лучше видеть. Слышно было отлично везде. Врач говорил будто бы негромко и вместе с тем отчетливо. Его голос распадался под шум дождя, но до адресата должен был дойти.

— Подойди к окну. Здесь нет снайперов и никто не сможет причинить тебе вред.

— Что он с ним сюсюкается? Это монстр, — прошептала Сандра Андерсон Ли на ухо.

Капитан скосил на нее глаза.

— Монстр или нет, покажет экспертиза, — беззвучно ответил он. — Хоул психиатр. Он лучше нас разбирается в том, что могло заставить обычного школьника взять в школу оружие. Что говорят свидетели?

— Все было как обычно до тех пор, пока на четвертом уроке не послышались звуки

выстрелов. И крики. 307 кабинет, третий этаж. Там сидит выпускной класс физико-математического уклона.

— Как установили личность стрелка?

— За несколько минут до начала стрельбы ученица третьего класса, Амелия Стик, видела Томаса Уилсона стоящим перед кабинетом. Он сжимал что-то в пиджаке, а потом достал оружие — она не поняла какое. Она ходила в туалет и опоздала на урок. Увидев оружие, спряталась. А потом спустилась по пожарной лестнице.

— Где она?

— С учительницей. Ждет родителей.

— Что еще она рассказала?

— Девочке девять. Она в шоке и больше ничего сказать не смогла.

— Скорую вызвали?

— К нам едет три бригады.

Хорошо.

— А откуда Амелия знает стрелка?

— Они соседи. По классам и домам.

— Матери стрелка позвонили?

— И ей, и отчиму. Мать в реанимации — забрали вчера ночью, терминальная стадия рака легких. Отчим в запое, его не нашли.

Грудь сдавило.

— Томми, — мягким голосом продолжил доктор Хоул. — Ты сделал все, что хотел? Ты можешь выйти и поговорить со мной? Я помогу.

— Мне никто не поможет! — донесся из школы приглушенный вопль. Мальчик явно стоял у дальней стены, к окну не подходил. — Уйдите все отсюда! Я хочу побыть один!

— А сейчас, Томми, ты один?

Вопрос Хоула вызвал мертвую тишину на площадке перед школой. Никого из одноклассников Томми не видели. Либо они спрятались в здании, либо они все мертвы.

— Один! Один, один, один! Совсем... один. Во тьме и мраке.

Он кричал что-то еще, но слов было не разобрать. Сандра подошла ближе к капитану. Ей исполнилось тридцать пять. Разведена. В карьеру особо не вкладывалась, дослужилась только до лейтенанта, но обладала острым умом и неженским упрямством. В коллективе чувствовала себя уверенно. Человек. К Ли неровно дышала с момента знакомства, но он когда-то взял для себя правило служебных романов не заводить

— Томми, — снова позвал Хоул. — Ты один, но не одинок, и в мире есть люди, кто сможет тебя понять и принять. Таким, какой ты есть.

— Это невозможно, — простонали из школы.

Кажется, одна из штор дернулась. Снизу было видно только кусочек стены и потолка. Ли передернуло, когда он увидел и там брызги крови.

— Что ты хотел бы сейчас?

— Я хочу... хочу... — Ли готов был поклясться, что юнец сделал шаг вперед. — Я хочу остаться один!

Последний крик повис над площадью, а потом раздался выстрел. В это же мгновение незаметно прибывшая на место группа спецназа рванула в здание. Послышались сирены скорой. Хоул медленно опустил рупор и посмотрел на капитана, качая головой.

— Это чудо, что он вообще начал говорить.

— Чудо будет, если кто-то из его одноклассников жив. Андерсон. Принеси список присутствовавших на уроке.

Сандра кивнула и растворилась в толпе. Андреас сорвался с места. Пропустив спецназ. По привычке выхватил пистолет. Он не помнил, как преодолел лестницы и очутился на третьем этаже. В здании было поразительно тихо. Та же леденящая душу тишина, которая окутала все пространство перед гимназией, сковав шок и горем вывалившихся на улицу людей. Обычные полы, бетонные с вкраплениями полированной гальки. Обычные стены, выкрашенные в нежно-салатовый цвет. Кадки с цветами. Фотографии лучших учеников и стен-газеты, любовно отрисованные родителями и детьми. Дверь в кабинет номер 307 была открыта. Она располагалась у огромной во всю стену коричневой школьной доски. Ли не надо было заходить внутрь, чтобы оцепенеть от ужаса. В самом верху доски была проставлена дата. 5 марта 1967 года. Под ней тема. «Коэффициенты теплопроводности и теплоотдачи». Физика. Вторая часть последнего слова почти не читалась. Ее закрыло кроваво-белесая масса. Судя по всему то, что вылетело из головы учительницы в момент выстрела. Труп Ли не видел — закрывал внушительного размера боец спецназа. Он обернулся и посмотрел на капитана.

— Чисто. Стрелок мертв.

— Остальные?

Боец неопределенно пожал плечами и отошел в сторону, пропустив худощавого капитана вперед. Ли заставил себя отбросить эмоции и воспринять то, что ему открылось, чистым разумом. Просто собрать все улики, все нюансы, положение тел. Выделить в мозгу отдельную полочку и разложить там все важное. Чтобы потом можно было к этому обратиться. Харри Хикс прибудет с минуты на минуту. Начнет делать свои ужасные снимки. Есть ли выжившие? На первый взгляд, нет. Ли натянул бахилы, замотал их клейкой лентой, чтобы не оставлять лишних следов, и переступил порог. Два спецназовца замерли у окон спиной к помещению. Еще один стоял в углу. Они не двигались. Ждали, когда смогут покинуть место трагедии. Когда придут криминалисты и позволят это сделать. В глазах бойцов читалась мука и боль.

Ли перевел взгляд ниже. Это было похоже на дантов ад. Крови так много, что нельзя понять, лежат ли это оторванные конечности или целые тела. Он даже не мог посчитать, сколько здесь трупов. Да и трупов ли?

— Есть живые, — еле слышно проговорил капитан, когда его чуткое ухо уловило свистящее, почти неразличимое в ненормальной тишине дыхание. — И не один.

Он поднес рацию к губам.

— Скорая приехала?

— Да, — отозвалась рация голосом Грегора Штейна. — Рядом со мной стоит их главный врач. Хотите поговорить, капитан?

— Да.

— Доктор Лоусон, что у вас?

Горло перехватило.

— Здесь есть выжившие. Не знаю, сколько. Возьмите помощников, носилки и поднимитесь сюда, вас проводит офицер Штейн.

Рация умолкла, а Ли позволил себе потратить целое мгновение на то, чтобы подумать о том, каким печальным получилось их первое свидание. Капитан опустил на корточки перед ближайшей грудой тел. Он разглядел четыре разных человека. Школьники. Все

подростки. Еще до конца не сформированные. Они готовились к поступлению в институт, к большой жизни. Из груди кто-то шевельнулся. Ли глухо выругался. Где же врачи. Он переместился, кивнул ближайшему бойцу и осторожно освободил живого школьника. Глаза у парня были закрыты. Его грудь прошили пули. Но он дышал. Андреас беспомощно огляделся, и резко выдохнул, заметив, что к ним бегом приближаются врачи.

Лоусон тут же бросилась на колени перед выжившим, невольно прикоснувшись к капитану.

— Как вы оказались на скорой?

— Я отстранена от операций. Узнав, что случилось, решила, что мои навыки здесь нужнее. Милли, этого на носилки, есть шанс, что доживет до операционной. Позвони Штиль, предупреди, чтобы отменили все плановые операции. У них будет работа поважнее.

Ли невольно улыбнулся. Ему нравилось, как эта женщина раздает распоряжения.

Он встал и медленно обвел взглядом класс. Сейчас его интересовало одно. Убийца. Парень лежал в середине помещения. Рядом с ним валялся автомат Калашникова, а на кончике указательного пальца повис револьвер. Из автомата длинными очередями он расстреливал одноклассников. Себя убил из пистолета. Выстрелом в рот. Упал на спину. И теперь смотрел в потолок, будто спрашивая у него, как так получилось, что жизнь оборвалась.

Ли курил на пороге школы. Скорые уезжали и возвращались. Двадцать семь жертв. Семь в критическом состоянии. Три в тяжелом. Остальные мертвы. Доктор Лоусон осталась в гимназии, по мере возможности оказывала первую помощь пострадавшим и курировала работу медиков. Капитан руководил своей группой, направил Штейна и Андерсон домой к стрелку, куда уже выслали ордер на обыск с полицейским курьером. Лоруден и Равилье остались опрашивать очевидцев и фиксировать их контактные данные, чтобы потом спокойно всех вызвать на допрос. Ли встретил Хикса и его бригаду, и вышел на улицу, чувствуя, что задыхается. Даже полицейский, даже темный эльф, не может остаться равнодушным при виде такого месива. Будто в класс закинули гранату. Убийца стрелял в упор. Иногда пули буквально вырывали куски из тел жертв. Выстрелы хаотичны. По кругу, крест на крест. У кого-то повреждены ноги, у кого-то — голова. Никто не спрятался.

И непонятно, что расследовать. Убийца тоже мертв.

— Я думаю, вечером ничего не стоит затевать?

Ли чуть не выронил сигарету. Развернулся на каблуках и посмотрел Офелии в лицо. Бледная, без косметики. Явно не спала ночь.

— Значит, не судьба, — спокойно отреагировал он, отправляя бычок в далекий полет в мусорное ведро.

— Может быть и так. И все же спасибо за поддержку вчера. Это многое для меня значит.

— Скоро вы вернетесь к операциям. И Эверетт обязательно попросит прощения. Он неплохой человек.

Ее лицо окаменело.

— Посмотрим. Сегодня мне не до него. Мне нужно в больницу. Детей оперируют. Там явно не хватает рук. Может, это заставит Астера пересмотреть свои решения.

— Это не его решения.

Офелия холодно улыбнулась.

— Когда случается катастрофа, хорошими хирургами пренебрегать нельзя. А я чертовски хороший хирург.

— Ступайте. Поужинаем как-нибудь в другой раз.

— Как-нибудь в другой раз.

Глава Третья. Офелия Лоусон

Госпиталь имени Люси Тревер

Вечер 7 марта 1967 года, вторник

Доктор Лоусон сидела в курилке для медсестер и держала в руке сигарету, которая истлела до самого фильтра. Она успела сделать лишь одну затяжку. Всех пострадавших привезли в 11.32 вчера. Несмотря на горячую просьбу, Астер не позволил ей оперировать, и Лоусон взвалила на себя все остальное. Помогала медсестрам, общалась с родственниками. Она составила список тех, кто поступил в клинику, и каждые полчаса обновляла информацию на доске в приемном покое на первом этаже, где ждали родственники, друзья, представители прессы и праздно шатающиеся. Привезли десять человек. К настоящему моменту четверо скончались, трое оставались в критическом положении, двое в тяжелом и только одна пришла в себя. С ней сидел доктор Хоул. Девушка четырнадцати лет не говорила. Милена Огневич, наполовину полячка, в Треверберге живет с отцом и мачехой. Оба провели в больнице ночь. Лицо мачехи было красным и отекившим от слез, отец держался. Офелия чувствовала их искреннюю боль, и думала о том, что иногда неродной человек намного ближе родных по крови. Мачеха была немного старше падчерицы, но, судя по всему, искренне ее любила. Доктор перекинулась с семьей несколькими фразами, позволила им навестить Милену при условии, что они останутся за стеклом. Девочке прострелили позвоночник, ее парализовало. Еще две пули прошили ключицу, коснувшись щитовидки, и руку, без последствий продырявив бицепс. С щитовидкой врачам пришлось повоевать, девочка обречена на гормональную терапию. Но многие живут и вовсе без этой железы. В коляске, на гормональных. Но жива. Хоул аккуратно вывести ее на диалог, пока не получалось. Она молчала, плакала и спала. При виде родных случился приступ тахикардии. Его сняли и дали седативное. Сейчас Милена спала. Хоул дремал там же в палате. Офелии тоже надо поспать. Но она не могла. Она опьянела от чужих эмоций, и нуждалась в одиночестве.

Или нет?

— Так и знал, что найду тебя здесь.

Услышав голос Дональда Астера, она отбросила сигарету и выпрямилась. Ее красивое и усталое лицо омертвело.

— Уходи.

— Так и будешь на меня дуться?

— Дуться? Если бы я стояла в операционной, то могла бы спасти еще двоих!

— Я ничего не могу сделать до решения комиссии. Они весь день разбирали операцию, завтра продолжат.

— И не найдут там ничего! — выкрикнула Офелия. — И ты это знаешь.

— Если Эверетт подаст в суд...

— Пусть твой Эверетт катится ко всем чертям. Я видела достаточно родственников, которые тяжело переживают смерть родных. И понимаю их стремление обвинить во всем врачей. Но лишать жизни моих пациентов лишь потому, что он рискует проиграть дело из-за смерти свидетеля, подло.

— Офелия...

— Дональд, не надо.

Главврач сел рядом с ней на скамейку. Лоусон подтянула колени к груди и обхватила ноги тонкими руками. Ее наспех собранные в пучок волосы рассыпались по плечам, взгляд затуманился. Странно. Она должна была чувствовать радость. Или на крайний случай — удовлетворение. Но вместо них ее поглощали боль и сострадание. Увиденное в гимназии отбросило на двадцать лет назад, в тяжелые годы мировой войны, когда она служила фронтовой сестрой. И эти воспоминания были неприятны.

Она вздрогнула, когда сильные руки мужчины обняли ее за плечи и привлекли к нему. От него пахло чистотой и дорогим парфюмом, а еще болью, раскаянием и надеждой. Она почувствовала, как слезы увлажняют щеки. Как это по-человечески. Может, она слишком молода? Еще до конца не стала Незнакомкой? Еще подвержена человеческим эмоциям?

Какое это имеет значение? Погибли дети.

Астер осторожно обнимал ее, боясь дышать. Она слушала, как мерно и глухо бьется его сердце, перехватывала его выдох и вдох. Постепенно его тепло передалось ей. Слезы высохли. Астер мягко провел рукой по ее волосам, скользнул вдоль уха по скуле, коснулся подбородка, заставив ее поднять голову. Она видела в его глазах сумасшедшее желание ее поцеловать. Но он сдержался.

— Я клянусь тебе. Максимум через сутки ты вернешься в операционную.

— Это не в твоей власти.

— Плевать.

Непривычно было видеть его таким серьезным и сосредоточенным. И так близко. Офелия выпрямилась. Посмотрела на его губы. Рефлекторно облизнула свои и отстранилась. Если в чем и была права Мередит, так это в том, что у нее давно не было мужчины.

— Больше никаких операций по знакомству, — сказала она, отстраняясь настолько, что он опустил руки.

Дональд грустно улыбнулся. В его глазах еще горел огонь неутоленного желания, но он понимал, что с ней не стоит спешить. Офелия слышала отголоски его мыслей, сомнений и надежд. И не видела смысла рушить их так жестоко. Для нее в нем было недостаточно загадки, недостаточно внутренней мощи. В нем было недостаточно темного существа. Просто человек. Но Незнакомцы часто связывают свои судьбы с людьми. На год или два. Ради хорошего секса и эмоций.

— И никакого изменения твоего расписания, — проговорил Астер. — Кто мог подумать, что все это случится в такое время...

— Понятие своевременности устарело. Мне нужно идти. Узнать новости. Сказать родным.

— Тебе нужно поспать.

— Я не могу спать.

Астер протянул руку и убрал выбившуюся прядку волос с ее щеки.

— Я не гоню тебя домой. Закройся в моем кабинете, там есть диван. И поспи пару часов.

— А ты? — этот вопрос вырвался невольно.

— Я проведу операцию и поеду домой. Обещаю, что побеспокою тебя только утром.

Она согласно кивнула и позволила ему себя увести. Родственники действительно расположились на ночь в приемном покое. Кто-то прямо в креслах, кто-то — на лавках. Кто-то привез раскладушки. Если что-то случится, медсестры ее найдут. Сон — это то, что

позволит ей восстановить душевное равновесие. И если завтра действительно решится вопрос с этой дурацкой комиссией, лучше поспать и приблизить момент.

Дональд проводил ее до кабинета, мягко поддерживая под локоть. На них косился персонал, но обоим было все равно. Он успел передохнуть между сменами, а она не ложилась с того дня, когда все планы нарушила дурацкая операция дурацкого свидетеля. Офелия ненавидела, когда все шло не так, как она решила. Она чувствовала себя беспомощной. Слабой. А Незнакомка не может быть слабой. Незнакомкой, впрочем, она себя тоже не чувствовала. Скорее, человеком.

Она остановилась у двери и посмотрела ему в глаза.

— Ты мне ничего не должен.

Дональд Астер мягко улыбнулся. И в этой улыбке не было киношного налета или фальши. За маской успешного и знаменитого врача проступило его истинное лицо. Лицо сорокалетнего мужчины, который был женат и развелся, который возвращается в пустой дом и старается все время проводить на работе. Фаната своего дела, лишённого корней и семьи. В нем был столь желанный Незнакомцам излом. Маленький изгиб души, за который можно намертво вцепиться. И выпить его до дна. Офелии претил подобный сценарий. Скорее, она стремилась к теплу. К утешению. Все равно, кто это утешение ей предоставит. Он или Ли. Или кто-нибудь еще.

Впрочем, темный эльф всегда интереснее человека.

— Пострадала ты по моей вине. Я займусь комиссией и все решу. Подгоню. Запру в кабинете. Соберу консилиум. Они опросили почти всех участников операции. Завтра займутся наблюдателями. Я в их числе. Тебя не в чем упрекнуть. Операция прошла блестяще, как всегда. Но... Я позвоню Рамону. Думаю, он извинится.

Она покачала головой, прижавшись щекой к двери.

— Доброй ночи, доктор Астер.

— До завтра, доктор Лоусон.

Утро 8го марта 1967 года, среда

Серые глаза пытали ее и мучили. Знакомый и чужой образ приближался и отдалялся. Что-то билось в глубине ее бессознательного, просясь наружу, но воля не позволяла ему обрести достаточную силу, чтобы все разрушить. Ей снова снился сон, в котором был он. Он и его серые глаза, длинные волосы и древнее могущество, которого давно не видели миры. Офелия не знала его имени, не знала, что их связывает и не понимала, что означают его слова о подарке в семьдесят лет. Ей почти семьдесят. Она молодая Незнакомка, перед ней должны быть открыты все дороги, но ночь за ночью она видела его. Эти сны начались не так давно. И никогда раньше не беспокоили ее. Но теперь, проснувшись, она сидела на диване в кабинете Дональда Астера, обхватив колени руками и глядя в окно. Какая-то истина должна была открыться. Что-то, о чем она пока не догадывается. И что грядет за этим? Мгла? Пустота? Может, она еще слишком человек, и сон — это просто сон? Но что за мужчина? Впрочем, она не могла назвать его мужчиной, он был слишком... волшебным. Так изображали древних богов. Обнаженный по пояс, мощный и оторванный от реальности. Мглистый взгляд и недостижимые мысли. В прошлом сне он говорил ей что-то. Ей? Той, кем она была на самом деле?

Офелия разозлилась на себя.

Занимался рассвет. Она поспала несколько часов и почти восстановилась, но странный сон, в который снова пришел этот мужчина, вырвал ее из блаженной неги и швырнул в непонимание. Она чувствовала себя подбитым истребителем. Еще мгновение назад всеильна и готова шагнуть в пропасть, а сейчас стремительно приближается к земле, разбиваясь на мириады осколков. Не останется даже воспоминания.

Доктор Лоусон потянулась. Память услужливо подбросила ей сцены последних дней. Школу. Расстрел. Погибших детей и учительницу. Ли не появлялся. Нужно ему позвонить. Узнать новости. Узнать, что удалось установить относительно мальчика. Стрелка. Можно поговорить с Хоулом. Он здесь специалист, как-никак.

Голова пришла в норму. Мысли о работе всегда помогали ей в кризисных ситуациях. Это же человеческая черта? Она спустила ноги с дивана, нащупала пальцами мягкие рабочие кроссовки и скользнула в них. Посмотрела на часы. Шесть тридцать восемь утра. Комиссия начнет работу не раньше девяти. Нужно сходить в душ, позавтракать, разобрать карты и обойти пациентов. Встретить Гекату, которая заступает на смену в девять и найти Астера. Извиниться за свою вчерашнюю вспышку и поблагодарить за кабинет.

В дверь постучали. Она вздрогнула.

— Да?

Дональд заглянул внутрь и удовлетворенно улыбнулся, увидев, что она проснулась. Он выглядел свежим и полностью восстановившимся. На лицо вернулось выражение голливудского актера на красной ковровой дорожке.

— Доброе утро. Я принес тебе кофе.

Он протянул напиток в картонном стаканчике. Офелия встала с дивана, на ходу обула второй кроссовок и протянула руку за кофе. Дональд вошел в кабинет. Улыбка не сходила с его лица.

— Спасибо. Я хотела извиниться и поблагодарить тебя за...

— Не стоит. А я рад, что мы наконец-то перешли на «ты».

Лоусон сделала маленький глоток, удовлетворенно кивнула. Кофе с двойным молоком без сахара. То, что нужно в рассветный час, чтобы прийти в себя.

— Дональд...

Она не закончила. Он закрыл за собой дверь, приблизился. Отобрал от нее кофе и, стерев улыбку с лица, взял за плечи. Наклонился, чтобы заглянуть в глаза.

— Ты знаешь, как я к тебе отношусь, Офелия. Я повел себя неправильно по отношению к тебе. Я должен был тебя защитить. А если не смог защитить, то поддержать. Даже полицейский додумался, что в этой ситуации ты нуждалась в надежном плече рядом. Прости меня.

Она пошевелила плечами, ненавязчиво пытаясь вырваться, но он держал крепко. Почему-то от мысли, что вот сейчас он точно попытается ее поцеловать стало нехорошо. Но она не отвела взгляда.

— Ты главврач. Я — заведующий отделением. Всякое бывает. Мне нужно работать.

Он отстранился, несколько разочарованный.

— В десять у меня совещание с комиссией.

— Успею обойти пациентов.

— Ли прислал запрос о состоянии пациентов.

— Он здесь?

Она спросила это таким тоном, что Астер помрачнел. Что он услышал? Интерес? Надежду?

— Нет, но обещал заехать перед сменой, значит, скоро будет. Ты можешь предоставить ему информацию?

Офелия улыбнулась. Взяла кофе, и проскользнула мимо главврача в коридор.

— С удовольствием. Спасибо за кофе.

Ответа Дональда она не услышала. Слишком много стало напряженных моментов с этим человеком. Его будто сорвало с цепи, будто что-то послужило катализатором. Но что? Появление других мужчин рядом с ней? Они работают вместе столько лет! Он проявлял свое расположение, но никогда не переходил черты. А за минувшие два дня дважды ставил ее в неудобное положение. Наверное, она смогла бы его зачаровать и навсегда отвлечь от своей персоны. Видимо, не хотела?

Офелия отправилась в душ. Настроение медленно поднималось. Она надеялась вернуть себе привычный распорядок и контроль над временем. И была готова войти в этот день с высоко поднятой головой.

Капитан Андреас Ли ждал ее на невзрачной лавочке возле реанимационного отделения кардиологии. Он был в темных джинсах и кожаной куртке, чуть удлиненные волосы падали на лицо непокорными волнами. Он то и дело поправлял их, убирая ото лба. Темно-карие глаза вспыхнули улыбкой при виде Офелии, но до губ эта улыбка не дошла. Губы остались строгими. Ей нравилась эта форма. Не пухлые, но чувственные, тонко очерченные и аккуратные. Он будто чуть поджимал их в надменной усмешке, но в ней не было ничего оскорбительного. Темные эльфы отличались от людей удивительно тонкой внешностью. Вопреки человеческим сказкам уши и прочие части тела у них были совершенно такой же формы, но вот черты лица казались совершенством. Они пользовались сумасшедшим успехом у противоположного пола, да и у своего тоже, хотя многие относились к традиционным семьям и налево не смотрели. А кто-то, как Ли, вырвался из семейных уз. Он полностью влился в социум Треверберга, стал своим и для людей, которые понятия не имели, кто он, и для темных существ, кто к темному эльфу относился с пониманием и определенным уважением. Офелия ничего не знала про древние семьи эльфов, не знала их мифов, да и не стремилась к этому знанию. Ее занимало другое. Их эмоциональный запах. Та же надломленность, что и в людях, но на другом уровне. Это как немое кино и живые актеры. Люди были лишь карикатурой. Темные существа чувствовали глубже и острее. Их эмоции были ярче. И это делало их опасными. И притягательными.

Когда он пригласил ее на ужин, Офелия удивилась. Она была так раздавлена, что не успела осмыслить это предложение и сразу дала ответ. Потом случилась трагедия. И это их объединило и разбросало одновременно. Интересно, она напросилась с бригадой скорой только потому, что в гимназии был нужен врач?

— Доброе утро, доктор Лоусон, — поздоровался Ли мягким голосом.

— Доброе утро, — ответила она. — Вы пришли за информацией о пациентах?

— Да, у нас пресс-конференция в девять утра. Я пообещал шефу, что получу достоверную информацию от вас. И по поводу убийцы тоже. И свидетеля! Нам до сих пор не прислали отчет.

— Я позвоню Кэтти, но не уверена, что мое влияние и ваша пресс-конференция как-то повлияют на нее и ее сотрудников, — улыбнулась Лоусон. — Вскрытие — дело тонкое. Особенно, в больнице. Особенно, если тело принадлежит убийце. Да даже если свидетелю. К тому же ваши криминалисты не отходят от нее ни на минуту.

Ли развел руками.

— Хорошо, я согласен взять только то, что вы готовы мне дать.

Офелия поманила его за собой и подошла к стойке медсестер. Две девушки дружно поздоровались, протянули ей папки с личными делами пострадавших и сделали вид, что совсем не раздевают глазами полицейского. Впрочем, Андреас не обращал на них внимания. Как любой темный эльф, он явно привык к повышенному вниманию женщин к своей персоне. Он облокотился о стойку и посмотрел на нее, ожидая, пока она начнет рассказ. Офелия невольно залюбовалась чертами его лица и линиями тела, скрытого под одеждой. Он был высок, строен и силен. А на лице — печать печали и вековой мудрости. Кажется, темные эльфы с нею рождались.

— За ночь мы потеряли еще одного, — помрачнев, проговорила Офелия. — Остальные стабильны. Милена не заговорила, Хоул с ней. Хотите с ним поздороваться?

— Нет. Пусть делает свою работу. Не думаю, что ее показания позволят нам приблизиться к мотиву.

— Думаете, тут есть мотив?

— Он готовился к этому дню тщательно, — понизив голос, сказал полицейский. — И у нас есть основания полагать, что ему либо кто-то помогал, либо кто-то его направлял.

— То есть, в психиатрическое заключение вы не верите?

— Невозможно поставить диагноз задним числом. И что это такое «морально-нравственная дегенерация»? Хоул говорит, что психиатрией этот термин не принят, но утверждает, что дело именно в ней. Он никак не объяснил себя. Пока что.

— Я не психиатр, — будто извиняясь, сказала женщина. — Но, насколько понимаю, он вполне мог действовать исходя из внутреннего мотива. Впрочем, слово «мотив» здесь не подходит.

— Доктор Лоусон. Пятнадцатилетний парень на черном рынке покупает калаш и пистолет. Идет в свою школу. И убивает весь класс. Это длилось не пятнадцать секунд. И это не состояние аффекта, ведь он не начал палить на входе. Он спокойно поднялся на третий этаж, даже здоровался с кем-то. Зашел в класс. Сел на свое место. Стрельба началась посередине урока. Не в начале. В середине! Если связать свидетельства очевидцев, он проверил оружие перед тем, как зайти в кабинет, спрятал его в сумку. И дальше минимум пятнадцать минут никак не проявлял себя. Как вы можете это объяснить?

— Расчет?

— Именно. Расчет. Планирование. Не аффект. Он либо отбитый на всю голову социопат, который не способен отличить реальность от вымысла, либо просто выполняет чью-то волю.

— Простите меня, Андреас, — она положила ладонь ему на плечо и не без удовольствия отметила, как его тело пронзила дрожь. И от прикосновения, и от того, что она впервые назвала его по имени. — Я понимаю, что вы хотите списать его действия на чью-то чужую волю. Не нужно стелить соломку и пытаться смягчить удар.

— Вы думаете, он сам?

— Я допускаю все, что угодно. Любой психолог вам скажет, в психологии нет правил.

Психика человека формируется множеством факторов. Что-то могло сломаться. И мы получили... стрелка.

— Если вы правы, доктор Лоусон, — глухо проговорил эльф. — Мир становится страшнее.

Она отняла руку, пожала плечами и взяла со стойки свой кофе.

— Пойдемте, я расскажу вам о пострадавших.

Ли кивнул, позволив волосам на мгновение скрыть его лицо. Потом откинул их коротким движением и пошел за Офелией. А она почувствовала лишь угасающий интерес. Красота эльфа, его затаенная печаль, излом и внутренняя сила были обесценены одной простой мыслью: он для нее легкая добыча. Прикосновение, взгляд, пара минут наедине, и он влюбится до самозабвения. Возможно, она преувеличивает, и все не так просто, но в конечном итоге получится именно так. Ли потеряется в ее мгле, а она забудет о нем. От этого стало чертовски грустно. Офелия нуждалась в мужчине рядом, думала о том, что ей нужен кто-то с кем можно проводить время, спать в обнимку, заниматься любовью и просто разговаривать не о работе. Но стоит ли удовлетворение ее желания того, чтобы ломать этому красавчику жизнь? Она обернулась. Андреас перехватил ее взгляд и ответил строгой улыбкой, при этом его красивое лицо будто вспыхнуло изнутри, выдавая принадлежность к древней семье. Благородные черты, королевская осанка. Небрежный вид не мог обмануть.

Лоусон медленно выдохнула и посмотрела на папки личных дел у нее в руках. Когда-нибудь ее забота о других доведет ее до самой настоящей депрессии.

Когда капитан получил всю необходимую к пресс-конференции информацию и уехал, Лоусон вздохнула с облегчением. Обход пациентов вернул ее с небес на землю, заставив снова взглянуть в лицо мрачной действительности, где обычный школьник сошел с ума настолько, что расстрелял своих одноклассников. Единственное, что ее обрадовало: больше никто не умрет.

Вихрь обычных дел выбросил ее из времени. Она общалась с родственниками потерпевших и своих пациентов, проверяла карты и назначения, отвечала на вопросы менее опытных коллег. Пару раз даже выслушала сочувственные речи и обещания, что комиссия быстро поймет, что в ее действиях не было ни ошибки, ни халатности. И вообще, пациенту стало хуже через шесть часов после операции. Сразу после нее он был стабилен. Никто не застрахован, особенно, если человеку за пятьдесят, у него диабет и инфаркт за плечами. Просто не выдержал. Офелия кивала, улыбалась, в какой-то момент она даже перестала благодарить. Она понимала, что дело не во врачебной ошибке, а в слишком большом влиянии одного конкретного существа, которое вышло из себя, потеряв свидетеля. Странно было другое. Сейчас, когда Астер дал слово, что скоро этот кошмар прекратится, Лоусон почти не злилась на адвоката.

Она не выходила из кардиологии несколько часов, пока кто-то из медсестер не позвал ее на обед. Обед? Хирург посмотрела на часы и улыбнулась. Перевалило за полдень. Может, что-то решилось? Конечно, Астер бы позвонил в кардиологию или поднялся сюда сам, но вдруг? Она предупредила, что отойдет, поправила прическу, которая растрепалась за утро, и спустилась в администрацию, где находился кабинет главного врача и конференц-зал. Чутье Незнакомцев сложно обмануть, вот и сейчас дверь конференц-зала запахнулась, стоило Офелии появиться в фойе перед ним. Но вместо членов комиссии она увидела Астера и Рамона Эверетта собственной персоной, которые вышли из зала. Члены комиссии остались внутри. Рамон был мрачен и замкнут. Увидев доктора, он, кажется, побледнел. Даже сделал

шаг назад. Дональд, напротив, улыбнулся.

— Они подписывают бумаги о вашем немедленном восстановлении. — Ей показалось, или Эверетта передернуло на этом фамильярном «вашем»? — А мистер Эверетт хочет сказать тебе несколько слов. Не правда ли, Рамон? — Дождавшись, пока тот сдержанно кивнет, Астер протянул Офелии ключи. — Не буду вам мешать.

Офелия вздохнула. Адвокат молчал. Но ее снова охватило оцепенение в его присутствии. Кабинет Дональда Астера находился на этом же этаже чуть дальше. Радовало, что хотя бы не придется заходить вместе в лифт. Она бы не выдержала. Развернувшись, Лоусон пошла в кабинет, нервно поигрывая ключами, она не видела, двинулся ли за ней адвокат, но каждой клеточкой тела чувствовала его присутствие. Это проявлялось в электрических импульсах, покалывании в кончиках пальцев. Кажется, даже волосы наэлектризовались.

Отперев дверь кабинета Астера, женщина пропустила адвоката вперед и зашла следом. Замок мягко щелкнул. В кабинете горел свет. На диване еще лежал плед, которым она укрывалась несколько часов назад. Будто почувствовав, что именно она там спала, Рамон бросил на Офелию вопросительный взгляд. Будто имел на это право. Она выпрямилась, насколько вышло. Сейчас, когда они остались наедине в замкнутом пространстве, грудь сдавило. Ближе всего то, что она чувствовала, можно было отнести к страху. Рамон ничего не делал и не шевелился. Пауза, кажется, не затягивалась, прошло лишь несколько секунд, но они растянулись в сотни лет. В темно-синих, чистого, удивительного цвета глазах билась какая-то искра, какая-то мысль, но за ней — только мгла и бездна. Бездна вечности. Сколько ему лет? Тысяча? Две? Что за существо скрывается за лицом молодого адвоката? Его ли это лицо? Глаза точно его. Сама Офелия не умела менять внешность, хотя в последнее время ей казалось, что что-то просыпается внутри, рвется наружу, и вместе с этим растворяется она сама.

Она невольно прижалась спиной к двери, закупорив ее и попыталась напустить на себя вопросительный вид. Будто это не она привела его сюда.

— Здравствуйте.

Его голос звучал иначе. Не так, как она его запомнила. Он обрел глубокие обертона, стал почти бархатистым. Адвокат говорил негромко. Не играя. На отстаивая свою позицию и никого не защищая. Он просто говорил. По спине пробежали мурашки.

— Здравствуйте, мистер Эверетт.

— Рамон.

Она не ответила. Просто не хватило дыхания, чтобы ответить.

— Я должен перед вами извиниться...

— Если вы хотите это сделать, потому что настоял доктор Астер, не стоит себя утруждать, — выпалила она, не шевелясь.

Синие глаза немного потемнели.

— Вы не знаете меня. Поэтому я прошу вас такое предположение...

— Вы простите мне, — отчеканила она с горькой усмешкой.

Офелия вздернула подбородок, удивляясь тому, что страх сменился злостью. Яростью. Эверетт сделал шаг вперед, и она инстинктивно вжалась в дверь. Цепочка карманных часов поблескивала на груди, отвлекая и спасая одновременно. Можно было сосредоточиться на ней и не смотреть в глаза. Ее лицо находилось на уровне его груди. Он будто стал выше. Или просто ближе?

— Я не делаю то, что просят другие, если не хочу этого или с этим не согласен, — прохладно закончил он. Цепочка приблизилась еще на шаг. — Поэтому забудем последнюю минуту и начнем с начала. Я должен... нет. Я хочу перед вами извиниться.

Она молчала. Подняла глаза и встретилась с ним взглядом. Снова. Но сейчас это не было похоже на сражение. Его лицо сохранило спокойное выражение, хотя в уголках красивых губ она заметила признак улыбки. Слабый ускользающий намек.

— Смерть этого человека уничтожила работу последних месяцев. И я был вне себя от злости. Не рассуждал здраво. Я отозвал свои претензии и убедил комиссию в том, что им не стоит продолжать.

Она хотела сказать, что из-за него погибли пациенты, потому что она могла их спасти. Но не стала. Что-то в его словах и голосе заставило ее молчать. И слушать.

— Я понимаю, что эти двое суток по моей вине стали для вас адом. И хочу загладить свою вину перед вами. Я криминальный адвокат, а вы — лучший кардиохирург этого города. Скорее всего, нам предстоит работать вместе. И не раз. Мы плохо начали знакомство. Хочу это исправить.

Он сделал еще шаг вперед. Теперь при желании Офелия могла его коснуться. Но она прижала ладони к двери, боясь то ли его, то ли себя. То ли просто пытаюсь удержаться на ногах. Взгляд затуманился, а сердце билось где-то в горле. Она забывала дышать. Магия этого существа постепенно окутывала ее в плотный кокон. В кокон, где не нужно ничего решать. Можно просто уснуть. Отдохнуть. Раствориться в чужой силе. Сумасшедшей силе древнего существа, который за каким-то чертом напялил на себя личину криминального адвоката. Она вздрогнула, почувствовав аромат. Дорогие духи, смешанные с чем-то терпким и пьянящим. Эмоциональный запах? Она никогда не находилась рядом с Незнакомцами и не знала, что они оказывают влияние на себе подобных. К этому разговору она была не готова. Совершенно. Злость улеглась. Ей на замену пришла усталость.

— Просто больше так не делайте.

С огромным трудом она отделилась от двери, проскользнула мимо него и замерла у стола Дональда, воинственно сложив руки на груди. Ей показалось — или Рамон все-таки улыбнулся?

— Этого недостаточно, — покачал головой он.

У него были чудесные волосы. Не иссиня-черные, как у Ли. А мягкого каштанового цвета. Цвета шоколада или чая.

— Для меня достаточно. Вы должны понимать, как много для меня значит возможность оперировать.

Он удивился.

— Я не врач, миледи. Могу лишь предположить, чего лишил вас. Вы добьете меня отказом.

— Отказом от чего?

— Я хочу полностью изгладить этот инцидент.

— Господин Эверетт. Если вы считаете, что этот разговор или разговор с моим начальником или какие-то знаки внимания заставят меня забыть о том, что из-за ваших действий мои квалификация, опыт и профессионализм были подставлены под сомнение, то вы ошибаетесь. Лучшее, что вы можете сделать, — это уйти. Оставить меня в покое и дать слово, что больше никогда не вмешаетесь в мою работу.

Улыбка исчезла с его лица, в взгляд снова потемнел. Совсем как тогда, когда он орал на

нее в коридоре, приехав в больницу через час после смерти пациента. Она не помнила сейчас, что именно он говорил, но в тот момент она его не боялась. И не было этой магической ауры, которая засасывала ее будто в болото. Монолог дался нелегко. Она инстинктивно хотела отгородиться от него. Избавиться от него. Потому что... что?

— Справедливо, — наконец произнес Рамон глухо. — И все же я буду надеяться, что когда-нибудь вы примете мое приглашение на ужин и позволите доказать вам, что я не так уж плох. И совершенно не опасен. По крайней мере для вас.

Неожиданно для себя самой Офелия сделала шаг вперед и протянула ему руку. Адвокат отреагировал с небольшой паузой. Он пожал узкую ладонь доктора и разорвал контакт прежде, чем она успела сообразить, что почувствовала.

— Я верю вам на слово, — проговорила Лоусон. — Вы не враг. И не друг. Я могу идти?

— Еще минуту.

Рамон подошел к ней. Он смотрел ей в лицо так внимательно, будто увидел там что-то необычное. Звуки мира исчезли. Она слышала только стук собственного сердца. Загипнотизированная его взглядом, она не могла отвести глаз, и теперь рассматривала это красивое лицо с четкими благородными чертами, тонким носом и высоким лбом. Опущенные темные ресницами глаза чуть сощурены. Он изучал ее, буквально ощупывал взглядом, снимая слой за слоем и докапываясь до такой глубины, о существовании которой, наверное, она и не задумывалась.

— Вы очень красивая женщина, — наконец сказал он чуть слышно. — И мне искренне жаль, что я причинил вам боль. Я исправил это на бумаге. Если о чем и могу мечтать, то только о том, чтобы вы не воспринимали этот разговор как необходимость. Сейчас я исчезну, как вы просите. И буду надеяться, что когда-нибудь вы сможете меня простить.

Он сделал шаг назад, и магия рассеялась. Грустно улыбнувшись, Рамон наклонил голову в знак прощания, и вышел из кабинета.

Офелия медленно опустилась на диван.

Глава четвертая. Андреас Ли

8 марта 1967 года, среда

Рамон Эверетт улыбнулся официантке своей фирменной улыбкой и поднял белую фарфоровую чашку с блюдца. Ли давно привык к его привычке обедать строго в определенное время и желательно в строго определенном месте, и пользовался ею, когда нужен был лишний повод для того, чтобы сбежать из управления. С адвокатом близкими друзьями они не были, но часто общались, иногда ходили куда-то вместе. В последнее время стали чаще пересекаться по работе. Андреас понимал, что Эверетт не так прост, что за его образом скрывается древнее и мощное существо, но ему было все равно. Будучи темным эльфом, он не ощущал угрозы от адвоката. Напротив, ему нравилось их общение. И все было идеально до последней вспышки Незнакомца.

— Я урегулировал произошедшее в клинике, — спокойно сообщил Рамон. — Если тебя это волнует.

— Не люблю, когда страдают невинные.

— Конечно, она отказалась закрепить примирение в более подходящей обстановке, — продолжил он, будто не услышав. — Но главное, что теперь комиссия закрыта.

— Ты перегнул палку.

— Верно. И исправил это. С небольшой задержкой, но все же. Я рад, что все решилось.

Ли посмотрел на него внимательнее. Вид отсутствующий. Смотрит будто в себя. Он решил пополнить свою коллекцию женщин еще одной? Впрочем, ни одна из его женщин и в подметки не годилась доктору Лоусон, которая за несколько дней стала для капитана особенной. Ему нравилось обращаться к ее образу, когда тяжесть расследования лишала сил. Возможность того, что Эверетт перейдет в наступление, он не учитывал. Так даже интереснее?

— Отправлю ей цветы, — сказал адвокат.

— А что у тебя с делом?

— Свидетеля убили. Так что слушание отложили до выяснения обстоятельств. Жду назначения даты. Думаю, что я смогу использовать его смерть также эффективно, как и показания. Сядет кто-то другой. Точно не мой клиент.

— Твоя уверенность делает тебе честь.

Синие глаза адвоката остановились на его лице. Ли снова не увидел в них угрозы. Только вежливое любопытство. И ничего, кроме вежливости. Ни интереса, ни вовлечения. Ровно столько, сколько нужно для поддержания беседы и приятельских отношений. Эверетт никого не пускал ближе необходимого, ни друзей, ни женщин.

— За это мне платят много денег.

Ли улыбнулся. Выпил свой кофе и посмотрел в окно.

— Как расследование? — спросил Рамон.

— Нам не хватает экспертизы.

— Какой?

— Психологической... психиатрической. Мы нашли у него что-то, напоминающее на указание извне. Но записка написана его собственным почерком.

— И что там?

— Дата расстрела. Она лежала под учебниками на столе. Старая бумага, обычная ручка. Эксперты еще трудятся, пытаюсь вытащить хоть что-то, но я не верю, что даже если моя гипотеза верна, и мальчиком управляли, кукловод окажется столь туп, что сам выведет на себя.

— А что по оружию?

— Без номеров, не зарегистрировано. Старый калаш. По баллистике нигде не светился. Такие сотнями продаются на черном рынке. Что касается пистолета — это оружие отчима. На него есть разрешение. Парень просто взял его из домашнего сейфа.

— Я могу помочь выяснить, откуда у мальчика ружье.

Ли посмотрел на приятеля внимательнее.

— И это не вполне законный запрос, так?

Эверетт неопределенно пожал плечами.

— Я много кого спас от тюрьмы. Есть несколько должников. У них тоже есть несколько должников. Кто-то да выведет на продавца. Дай мне все, что у тебя есть на это оружие, а я постараюсь восстановить его историю.

— Необычайно щедрый подарок полиции от криминального адвоката. И я тоже буду твоим должником?

Собеседник тонко улыбнулся. Только слепой не разглядел бы в этой улыбке тонну яда.

— Посмотрим, капитан Ли.

— Мне эта перспектива не нравится.

— А у тебя есть выбор?

Ли не ответил. Рамон прав. По официальным каналам найти информацию о ружье невозможно. Он пока не понимал, что именно даст эта информация, но надеялся, что она выведет его на заказчика. И что он прав относительно наличия заказчика как такового.

— Скажи, ты когда-нибудь встречался с подобным? — спросил полицейский, одновременно меняя тему.

Эверетт изящно вернул чашку на блюдце и откинулся на спинку кресла. Он выглядел удовлетворенным и сытым. Любил, когда все вовремя. Режим дня строже, чем у профессионального спортсмена. И ему было комфортно.

— С массовым расстрелом — да. С немотивированным массовым расстрелом — тоже да. Но с подобным — нет. Насколько я знаю, такого еще не случилось. Они как-то иначе выражали свой внутренний мир. Серийные убийства — штука древняя. А вот такое вот... нет.

— Дети войны?

— Если бы это было так, явление носило бы массовый характер.

— Внуки войны, — слабо улыбнулся Ли.

— Почему ты пытаешься найти внешнюю причину, капитан? — спросил адвокат. — Не веришь, что парень мог слететь с катушек и всех убить?

Ли повернул чашку на блюдце, держа ее за тонкую ручку. Та приглушенно зазвенела. Официантка бросила на их столик озабоченный взгляд, убедилась, что все хорошо, и вернулась к своим делам.

— Что-то не сходится.

— Психиатрия развивается каждый день. Появляются новые формы личности, новые патологии. Ты просто стал первым свидетелем нового психоза, если так можно выразиться.

Ли посмотрел на него в упор.

— Я что-то упустил, и помимо докторской по юриспруденции ты решил погрузиться в психологию?

Рамон рассмеялся.

— Нет. А докторская меня измотала. Защитить и забыть.

— Когда?

— Летом.

— И все же, — вернулся к своей теме Ли. — Парню пятнадцать. По свидетельствам всех, кто его знал, скромный мальчик без вредных привычек и темных делишек за плечами. Ночевал дома, школу не прогуливал, не искал неприятностей. Даже пытался строить какие-то отношения...

— С той, которую потом убил?

— Она выжила. Но пока не говорит. С ней психиатр.

Рамон размеренно покачал головой.

— Я понимаю, что все это сложно уложить в голове. Но поверь моему опыту... ты еще познаешь глубину человеческой ненормальности. Всему свое время.

Ли сделал знак официантке, чтобы она повторила кофе. Девушка кивнула, обворожительно улыбнулась и вернулась с новой чашкой буквально через мгновение. Капитан посмотрел на нее внимательнее. Молодая, хрупкая, услужливая. Из тех сотрудниц ресторана, которые достаточно милы, чтобы нравиться гостям, и недостаточно распушенны, чтобы этим пользоваться. Рамон следил за ее ловкими движениями без интереса. Он ждал, что ответит полицейский и думал о своем. Почему-то Андреас решил, что это «свое» ему не понравится, но мысли быстро вернулись к Томми Уилсону и тому, что он натворил.

— Надо ехать, — сказал полицейский. — Меня ждет Харри. А я хочу еще успеть заехать к Уилсонам.

— Как мама мальчика?

— Об этом лучше спросить в больнице.

На лицо Рамона упала тень, но он быстро взял себя в руки.

— На сегодня больниц с меня хватит. Начинать день с пространной дискуссии о профессионализме и норме ошибок в работе хирурга — не самая хорошая идея. У меня куча работы, и диссертация сама себя не напишет.

— Будь ты посдержаннее, не пришлось бы портить утро. Эта встреча ведь не смяла твой распорядок дня?

— Нет, — сухо ответил Эверетт, бросая несколько купюр на стол и поднимаясь с места. — Но, если ты еще раз напомнишь мне, что я был не прав, я за себя не ручаюсь.

— Да, да, дружба дружбой, а обед по расписанию, я помню, — Андреас поднялся, чтобы пожать ему руку. — Я пришлю тебе бумаги по оружию.

— Жду.

Эверетт развернулся, взял со стула кожаный портфель, с вешалки — длинный шерстяной плащ и направился к двери, не обратив внимания на официантку. Такого он не позволял себе никогда. Уйти без комплимента или вежливого слова в адрес хорошенькой женщины. От этой мысли стало совсем тоскливо. Полицейский допил кофе, в свою очередь положил деньги на стол и встал. Официантка мгновенно оказалась рядом.

— Приходите к нам еще, — сказала она тонким голосом.

Капитан улыбнулся, кивнул, взял свою куртку и вышел на улицу под морозящий дождь. «Ягуар e-type» Эверетта уже скрылся за поворотом. Андреас нашел свой «форд», открыл

дверь и сел за руль. Впору было кидать монетку, что ему делать дальше. Ехать домой к Уилсонам, или в участок, или в больницу. Он надеялся поговорить с мамой Томми, хотя понимал, что вряд ли это возможно с учетом сообщения о ее состоянии, полученного вчера. Но в целом, что он теряет. Он может поехать к Томми домой, сделав маленький крюк в сторону госпиталя имени Люси Тревер.

Заводя мотор, Андреас отказывался себе признаться в том, что готов на все ради того, чтобы увидеть Офелию Лоусон и попытаться прочесть по ее лицу, в чем причина такого странного поведения адвоката. Отдавая себе полный отчет в том, что творит дурь, полицейский выехал с парковки.

Он передумал искать Офелию, лишь переступив порог больницы, где был утром. Это глупо, по-детски и совершенно на него не похоже. Подойдя к ресепшну, Ли показал секретарше (или медсестре? Кто у них сидит за административной стойкой?) и улыбнулся своей самой спокойной и очаровательной улыбкой. Он прекрасно знал, как действовал на женщин, лет пятьдесят назад активно этим пользовался, а со временем устал от их внимания, и замкнулся в себе, изредка приближая к себе кого-то, если хотелось забыться, или тело требовало разрядки.

Девушка за стойкой администрации ответила ему милостливой улыбкой. Лет двадцать пять, зеленые глаза, русые волосы и россыпь нежных веснушек на белой коже. Просто человек. И глаза не такие зеленые, как у Офелии. И русый не такой насыщенный, без золота и меда. Просто русый. Скорее серый.

Идиот.

— Мне нужно попасть в онкологию и поговорить с врачом Севилии Уилсон.

— Секундочку.

Девушка нашла нужный номер в списке и набрала на телефоне короткую комбинацию. Замерла, постукивая карандашом об бумагу и бросая на полицейского заинтересованные взгляды.

— Доктора зовут Маргарита Кауфман, онкология находится на третьем этаже напротив кардиологического отделения. Знаете, где это? Или вас проводить?

— Я найду. Спасибо, — он наклонился, чтобы прочитать имя на бейджике. — Лайла. Вы очень помогли.

Девушка покраснела.

— Обращайтесь, я найду для вас любого в этой больнице.

Ли решил пойти пешком. То ли в слабой надежде таки встретиться с доктором Лоусон (ведь теперь у него есть абсолютно уважительная причина ошиваться на ее этаже), то ли потому, что не хотел заходить в маленькую коробку лифта. Он понимал, что вряд ли получит что-то от умирающей женщины, боялся добить ее сообщением, что сын мертв, но должен был попробовать. Должен был, черт возьми попробовать что-то выяснить. Осветить жизнь Томми. А потом — к отчиму. Если и было в работе капитана полиции что-то, что он ненавидел, общение с родителями убийц или убитых шло первым в списке. Ли в целом не любил тему отцов и детей.

До третьего этажа он добрался без лишних встреч. Бросив тоскливый взгляд на кардиологию, он решительно вошел в дверь с мрачной табличкой «онкология». Центров, лечивших рак, было не так много, Треверберг открыл крупное отделение в числе первых. Близость Треверберга к темной медицине и большое количество темных существ в числе врачей позволило ему вырваться вперед и в этом вопросе. Пациенты поступали сюда со

всего мира. Удивительно, что мать Томми очутилась в заботливых стенах больницы только в критическом состоянии.

Он подошел к сестринскому посту. Здесь было удивительно тихо. Еще тише, чем в кардиологии. И слишком отчетливо пахло умиранием.

— Здравствуйте. Мне нужна доктор Маргарита Кауфман. Где я могу ее найти?

Медсестра молча изогнула бровь. Ли достал удостоверение и позволил ей его рассмотреть в мельчайших деталях.

— Прямо по коридору, первая дверь, — смилостивилась она, сообразив, что полицейский просто так не испарится. Она была настолько замучена своей работой, что даже не отозвалась на его внешность и притягательность, как любая на ее месте. Молодая, до тридцати, но с посеревшим лицом и потускневшим взглядом, она будто не видела ничего, кроме смерти. Наверное, чтобы работать в онкологическом, нужно особенное восприятие реальности.

— Спасибо.

Сделав несколько шагов, Андреас остановился у темной двери, постучал. Дождавшись отклика, вошел в кабинет. Его встретила женщина лет сорока с короткой стрижкой и глубоко посаженными темными глазами, спрятанными за очками в аккуратной оправе. Не темное существо и не человек. Полукровка. Опять.

— Здравствуйте, доктор Кауфман. Мне сказали, что вы можете мне помочь.

— Проходите...

— Капитан Андреас Ли, полиция Треверберга.

— О, — протянула женщина, снимая очки и глядя ему в лицо. — Полиция. У вас кто-то заболел?

— Нет. В вашем отделении лежит женщина, с которой мне нужно поговорить.

— Кто она?

— Севилия Уилсон. Ее привезли к вам полтора дня назад.

Лицо доктора омрачилось.

— Простите, капитан Ли, но Уилсон мертва.

— Что?

— Умерла два часа назад. Мы ничего не могли сделать.

Андреас, не успевший сесть, так и остался стоять перед длинным столом врача. Та смягчилась.

— Мне жаль, видимо, я не смогу вам помочь.

— Она приходила в себя перед смертью?

— Нет. Ни в скорой, ни здесь. Что-то случилось?

— Простите, не могу раскрывать деталей.

— Ну конечно, — Кауфманн улыбнулась. — Вы вообще здесь частый гость. Я видела вас с доктором Лоусон утром. Трудитесь над делом стрелка? В газетах не называли его имени, но я не дура. Покойная — его мать?

— Вы необычайно проницательны.

— И вы надеялись, что она расскажет что-то о мальчике?

Ли наконец сел. Ему стало интересно. Полукровки отличались почти такой же, как Незнакомцы, непредсказуемостью. Великая Тьма могла наградить их особенным даром, чутьем, силой или долгой жизнью. И некоторые даже не знали, что кто-то из родителей человеком не был. В этой женщине он чувствовал родную кровь. Кто-то из темных эльфов.

Но такое ощущение, что не только. И она явно думала, что перед ней человек, может, восприняла его как родственную душу, но не как представителя своего вида. Она воспитывалась людьми. Сирота? Определенно, сирота — это читалось в глубоко посаженных глазах. А вот родители... Темный эльф и кто? Человек? Тоже полукровка? Непонятно. От врача веяло абсолютным знанием и спокойствием. Побольше бы таких спокойных врачей. Впрочем, каким еще может быть онколог?

— Да. Мы пытаемся установить мотив.

— Говорили с Хоулом? Он наша звезда.

— Хоул занимается пациенткой, и я не хочу его отвлекать. Предпочитаю собрать информацию. А потом уже обратиться к нему.

— Хорошо. Мне жаль, что не смогла вам помочь.

— Я рад, что вы хотя бы попытались. Мне нужно идти, доктор Кауфманн, рад знакомству.

Маргарита улыбнулась, благосклонно кивнула ему с видом королевы и вернулась к документам.

Ли вышел в коридор.

Надо же. Умерла.

Он чувствовал себя странно. Будто кто-то разбирает фундамент, на котором основывался привычный уклад его жизни. Поступок Томми Уилсона сломал картину мира капитана, и тот не мог понять, почему так близко к сердцу принял этот факт. Люди менялись? Он видел, на что они способны, во время войны и на мириадах полей боев, о которых даже не слышали. Проще отпустить. Просто делать свою работу, собрать все, что сможет, закрыть дело. Управление старалось не выносить сор из избы. Имя стрелка действительно не распространяли в газетах. Была проделана сумасшедшая работа, чтобы взять подписку о неразглашении со всех, кто знал его. Зачем? Чтобы в городе не началась паника. Шеф уже готовил утку, которую завтра отправят в СМИ. Официальную версию Теракт. Все спишут на то, что людям понятно и не вызовет ничего, кроме гнева. Ничего такого, что сможет изменить город.

— Капитан? Вам снова нужна информация о потерпевших?

Ли поднял затуманенный взгляд на женщину, которая стояла прямо перед ним. Прошло всего несколько часов, но Офелия разительно переменилась. В ее взгляде появилось новое напряжение, природу которому сложно было считать, волосы она уложила в красивую прическу. Белый халат, под ним — хирургический костюм. Она прижимала к груди тонкую папку и выглядела существом, которое одновременно вернуло себе то, что принадлежит ему по праву и потеряло что-то ключевое. По привычке сложив дважды два, Андреас нахмурился. Состояние Лоусон и меланхоличность Рамона не могут быть совпадением. Что между ними произошло? Адвокат сказал, что извинился. Что еще он сказал?

— Я слишком часто бываю в больнице, — суше, чем планировал, сказал капитан.

Офелия не подошла. В ней появился какой-то новый излом. Новый страх. Капитану вдруг захотелось ее утешить. Как-то помочь, спасти. Он сделал шаг вперед и ошеломленно замер, заметив ужас в ее глазах.

— Что случилось? — тихо спросил он.

— Что? А. Простите. Все хорошо. Просто не ожидала вас снова увидеть. Что вы делали в онкологии?

— Пытался поговорить с матерью стрелка, а она умерла, — машинально ответил

Андреас. — Пообщался с доктором Кауфманн.

Офелия улыбнулась.

— Она гениальный врач. Рада, что вы встретились с ней по работе, а не по личному вопросу.

— У темных эльфов рака не бывает.

Разговор зашел в тупик. Ли пытался сбросить эту заторможенность, но не получалось. Он смотрел на Лоусон, но видел не ее. Сквозь ее совершенное лицо с зелеными глазами и тонкой белой кожей проступало что-то незнакомое. Чья-та печать. Печать страха и тоски, которую мог снять только тот, кто ее туда поставил.

— Как комиссия? — спросил он, чтобы как-то выкрутить ситуацию. Он знал ответ и почему-то подумал, что и она чувствует эту фальшь. Но ему повезло. На лицо хирурга вернулась улыбка, а на щеки — румянец.

— Полная реабилитация. Первая операция через час. Я рада. Очень рада.

— Наверное, было бы глупо попытаться пригласить вас на ужин снова?

Ее улыбка стала лукавой.

— Почему глупо? Что-то изменилось?

Ли хотел бы приблизиться, чтобы почувствовать ее аромат, но вспомнил реакцию на прошлую попытку, и решил не рисковать. Он сложил руки на груди и в свою очередь улыбнулся, с трудом прогоняя из мыслей морок дела стрелка.

— Мне кажется, да.

Брови Офелии взлетели вверх.

— Не знаю, о чем вы, Андреас. Я по-прежнему благодарна вам за поддержку и рада вас видеть. То, что ваш приятель мне навредил, не бросает тень на вас.

— Насколько я знаю, господин Эверетт загладил свою вину.

Лоусон посмотрела на него долгим внимательным взглядом. И в глубине ее глаз проснулась искра понимания. Она снова улыбнулась. И в этот раз улыбка ему не понравилась. Так улыбается женщина, которая не просто знает себе цену, но и видит, что в ее сети попала новая жертва. Он глупец. Нельзя разговаривать так беспечно с Незнакомками. Особенно, давать слабину. Но шаг сделан, назад дороги нет. Играть по-новому или исчезнуть из ее жизни. Его взгляд остановился на ее губах. Побороться? У страсти к Незнакомкам есть обратная сторона. Отношения с ними всегда развиваются в соответствии с тактикой «выжженной земли»[1].

— Если он так думает, при случае, передайте ему, что он неправ.

— Может, кофе?

Офелия посмотрела на часы. Рассмеялась.

— До операции час, мы не успеем выйти куда-то за пределы больницы, но я с удовольствием покажу вам наш кафетерий.

Ли улыбнулся.

— Хорошо. Я буду рад его увидеть.

К старому дому, в котором еще недавно жила целая семья, а сейчас остался один отчим, Ли подъехал полтора часами позже. Офелия действительно отвела его в кафетерий и посидела рядом целых тридцать минут. Он то и дело выпадал из разговора, теряясь под

пристальным взглядом ее пронзительно-зеленых глаз и переключаясь на дело. Он не понимал, почему она стала ему особенно интересна именно сейчас, и дал себе слово выбить всю дурь в Ночном квартале в ближайшие выходные. Прошлые как-то не задались. В субботу Рамон устроил скандал в клинике, а потом Ли взял на себя ответственность за произошедшее и попытался успокоить Офелию. Что было в воскресенье, он не помнил. А в понедельник день начался со стрелка. Весь вторник капитан был занят, и не мог лишиться раз выйти из управления, а сегодня назначили пресс-конференцию, он поехал в больницу и снова попал под магическое воздействие этой женщины.

Андреас понимал, что залипает. Его мышление начинает сбивать, когда образ Офелии показывается на периферии. Она вырывала его из рабочего процесса, лишала сил и одновременно вдохновляла. Это не было влюбленностью. Желание? Может быть. Влечение? Определенно. Но в целом свои чувства к ней он расценивал как нечто темное и недоброе. До того момента, когда они просидели в кафетерии целых полчаса, разговаривая ни о чем, он видел в ней лишь врача и ослепительно красивую женщину. А сейчас увидел кого-то еще. И это вызвало шок и такое сопротивление, что Ли даже обрадовался необходимости ехать к Уилсонам.

Конечно, он мог отправить кого-то из команды, но четверка и без того перегружена текущей работой, допросами и протоколированием происходящего. Их задача — составить утро стрелка поминутно. Сопоставить свидетельства. Найти белые пятна. Обычно именно в них кроются зацепки. А капитан решил попробовать проработать тему мотивов. Но не сдвинулся с понедельника ни на йоту. Его психика отказывалась принимать тот факт, что пятнадцатилетний подросток принял решение уничтожить целый класс, выпустить в них несколько десятков патронов. Превратить их тела в кашу. Причем, он поверил бы в такое, если бы парнишка был Незнакомцем или темным эльфов. Куда ни шло. Но он был человеком. Обычным, мать его, человеком.

Из больницы он позвонил в управление Хиксу и позвал его с собой. Харри отреагировал громкой продолжительной бранью, начал объяснять, что его люди уже обыскали дом, и нет смысла тратить на него время, но Ли был непреклонен, и криминалист сдался. Торопиться было некуда. Капитан ехал по просторным улицам без спешки, думал о своем и нервно стучал тонкими, как у большинства эльфов, пальцами по рулю.

Он вел это дело по тем же принципам, что любое убийство. Собрать показания свидетелей, вскрыть мотивы, описать все это в отчете и закрыть дело. Убийца найден. Поискать сообщника? Ничего не указывало на его наличие. Поискать того, кто руководил процессом? Нет доказательств его существования. В целом можно допросить отчима, закончить допросы школьников, и на этом поставить точку. И так, наверное, поступил бы любой. Ну может еще дождаться заключения Хоула, с которым Ли так и не поговорил. Он не жаловал психиатров и не стремился к переговорам с молодым доктором. Оттягивал. После поспешного диагноза и вовсе не хотел иметь с психиатром дела, но работа есть работа.

Пообещав, что обязательно вызовет Хоула до конца недели, Ли закрыл эту тему внутри себя и вздохнул спокойнее. Мысли вернулись к Офелии, и в груди растекся яд. Видимо, это и есть то самое влияние Незнакомцев, о котором ты столько слышал. Ты не испытываешь любовь или страсть. Но твое сердце зацепили крючком, и тянут из тела, разрывая жилы и вены. Это больно. И как-то мерзко.

В груди закололо, и капитан сделал глубокий вздох, чтобы успокоиться. Задержал дыхание. Выдох. Он почти добрался до небогатого спального района, где жил Томми-

стрелок, и должен был сосредоточиться на том, зачем вообще решил повторно осмотреть его комнату. Потому что не видел ее сам? Что это ему даст?

Он сможет считать энергетикой парня. Посмотреть на то, как он жил. Чем он дышал. Влезть в его шкуру. Да. Наверное, именно это и не давало ему покоя. Именно поэтому он не хотел разговаривать с Хоулом. Он хотел почувствовать парня, а не сделать вывод в соответствии с мнением человека-психиатра.

Капитан припарковал автомобиль около старого дома, оббитого дешевой доской. Доска частично прогнила и потемнела, но простоит еще лет десять. А если покрасить и обработать, то и все двадцать. Входная группа изящная, но лишенная лоска. Крыльцо, резные колонны толщиной с кулак. Три потертых ступеньки до белой двери. На ней номер дома — 14 — и металлическое кольцо вместо звонка. Кольцо смотрелось настолько странно, что полицейский посмотрел на него еще раз — а вдруг почудилось?

Андреас поднял руку и постучал кольцом о металлическую пластину, которая располагалась под ним. В доме что-то упало, послышалась пьяная брань. Через пару минут на пороге показался взлохмаченный тучный мужчина лет сорока. Человек.

— Чего надо? Я не отец этого паскуды, и комментариев не даю. Ты, с-сука, программист?

Ли невозмутимо сунул ему под нос удостоверение, и мужик отступил в тень дома. Вернее, он попятился. Покраснел.

— Прости, капитан. У меня жена умерла.

— Я знаю. Только что из больницы. Мистер Уилсон, я должен осмотреть дом.

— Опять? — взревел мужик, вращая налитыми кровью глазами. — Ваши в белых халатах уже перевернули каждую ворсинку в моем доме. И вы еще что-то хотите посмотреть?

— Да. Я думаю, что вашим пасынком кто-то управлял. И хочу найти этому доказательства.

Мистер Уилсон выпрямился. На его лице отразилось изумление пополам с надеждой, и он попытался стряхнуть с себя дурман опьянения, но явно не смог.

— Я вам не смогу помочь. Я не заходил на его чердак, не общался с ним и вообще не смог воспитать из него мужика. Но я не виноват! Это все гены...

— Никто вас не винит, мистер Уилсон. Я могу пройти? И через пару минут приедет мой коллега, я был бы благодарен вам, если бы вы его пропустили.

Хозяин дома отступил в тень.

— Я буду на кухне.

Андреас осторожно проник в дом, закрыл за собой дверь и задержал дыхание, спасаясь от паров дешевого алкоголя. Криминалисты сказали, что в доме пахнет спиртным, застарелый и дрянной запах, как в логове алкоголика, но капитан был не готов к тому, что этот запах настолько явный. Он ближе к логову бомжа, чем к дому цивилизованного алкоголика-работяги. А еще тут пахло смертью, нищетой и отчаянием. И вот этот запах был Ли знаком слишком хорошо. Тряхнув головой, чтобы отогнать неприятные мысли, полицейский осмотрелся. В доме было темно. Он щелкнул выключателем, но ничего не произошло.

— Сгорела, с-сука, — донесся откуда-то справа голос хозяина. — Я не успел заменить. Обещал ей. И не успел.

Рыдания и рычание. Ли удержался от едкого комментария и достал из кармана куртки

фонарик. После яркого солнечного дня он буквально ослеп, оказавшись в мрачных потемках старого дома. Мятые вещи. Плащ, какие-то сапоги. Женская и мужская обувь вперемешку. У входа — наспех завязанный пакет с мусором, из которого торчало горлышко бутылки. Фонарик скользнул по стенам. Обои кое-где отвалились, кое-где запачкались. Когда-то они были красивы. Лет двадцать назад.

— Томми жил на чердаке?

— А-га, — медленно ответил Уилсон. — У нас не было места, чтобы сделать ему нормальную комнату, и я отдал чердак.

Ли осмотрелся. Место было. Он насчитывал как минимум пять дверей из некогда просторного, а сейчас заваленного мусором, мебелью и какими-то коробками холла. Просто отчим не хотел видеть мальчика, к которому не имел никакого отношения. Которому не был биологическим отцом и не смог стать отцом по духу. Бил ли он его? Конечно, бил. Лупил. Пытался сделать мужиком. А сделал убийцей. Если, конечно, Лоусон права, и Томми пошел убивать, прислушиваясь к собственным мыслям, а не ведомый чужой волей.

— Я поднимусь?

— Осторожно, там одна ступенька сломана. Не упадите.

Ли подсветил себе путь фонариком и мягко поднялся по лестнице. Сломанные и скрипучие ступени он обошел инстинктивно. Оказавшись у двери на чердак, замер. Парень выжег на ней «Частная территория. Вход воспрещен». А под надписью нарисовал физиономию чертенка. У чертенка были синие глаза и длинный красный язык. Мальчик рисовал. Криминалисты говорили что-то такое и даже сделали фотографии рисунков, но решили, что они не имеют большого значения. Взяли с отчима расписку о том, что комната останется в неприкосновенности, опечатали ее и ушли. Ли упаковал руки в тонкие перчатки, снял сургучную печать с косяка, рыжую оградительную ленту из тонкого пластика и нажал на ручку. Замок тихо скрипнул. В отличие от входной двери, за этой следили. Судя по всему, Томми это делал сам.

Капитан толкнул дверь, и та беззвучно открылась. Из комнаты пахло сигаретами, травкой и мальчишкой. Дикий запах молодости, безнадеги и жгучей депрессии, которая вытеснена в социум. Машинально протянув руку, Ли щелкнул выключателем, и комнату пронзило желтоватым, но почему-то едким светом. Единственное окно было покрашено черной краской, неровный слой которой кое-где потрескался, и оно выделялось, вычерчивалось, но света не давало совершенно. Днем и ночью парень жил в темноте. Ли был готов поспорить, что решение покрасить окно пришло не Томми.

Был конфликт. Мальчик что-то сделал. Вступился за мать? Опоздал с уроков? Прогулял их? Что-то взбесило отчима, и он лишил его единственного источника света. Замуровал его на чердаке как в подвале. Капитан почувствовал, как волоски на руках и загривке встали дыбом от напряжения и отчетливости картины, вставшей перед его мысленным взором. Он видел тень мальчика, живущего на пяточке два на два. Сколоченный из досок стол, кровать со старым матрасом, шкафы с книгами и рисунками. Трехдневный слой пыли. Судя по всему, перед выходом он тщательно все протер и убрал. Вещи лежали аккуратно. Криминалисты после работы разложили все по своим местам, оставив комнате первозданный вид. Впрочем, «комнатой» это назвать Андреас не мог. Он порадовался, что приехал раньше Хикса: вдвоем они здесь бы не разошлись, а Ли ненавидел, когда к нему подходили слишком близко. Даже друзья. Он закрыл за собой дверь и замер в центре свободного пространства. За шкафами и придвинутой к нему кроватью простиралось

огромное помещение чердака. С другой стороны пробивались солнечные лучи, но настолько слабо, что Ли сделал вывод о загруженности пространства. Да и то окно, судя по всему, не мыло несколько лет. Он заглянул в щель между шкафами. Коробки, какие-то вещи. Устойчивый запах пыли, гнили и старости. Грубые стеллажи делили чердак на две части. Здесь еще теплилась жизнь. А там — только смерть.

Мальчик вырос на границе. Он примирился с ней. Примирился с тем, что вынужден выживать на двух-трех квадратных метрах. Между кроватью и столом не было места даже для того, чтобы отжаться или сделать зарядку. Он не уместился бы в высоту. Томми был высоким парнем.

Ли медленно выдохнул воздух из легких. Волна сочувствия к стрелку сметала все на своем пути. Ясный и холодный ум полицейского боролся с ней, как мог, но он не был способен победить в подобном сражении. Темные эльфы чувствительнее людей. И, оказавшись на территории дома Томми, Ли почти понял, почему тот схватился за оружие.

Над столом, кроватью, на дверцах шкафа висели рисунки. Грубая ручка и карандаш. Весь рисунок карандашом, а ручкой вычерчены синие глаза. Люди, демоны, звери, чертята, даже деревья с глазами. Парня явно не отпускало. На нескольких рисунках Ли заметил изображение Анубиса. Почти все проходили через увлечение египетской мифологией, она становилась точкой входа в любой мистицизм. Томми увлекался магией? Или соотносил собственную судьбу с мифологией?

Интересно, криминалисты изучили все эти рисунки?

Он открыл дверь.

— Мистер Уилсон?

— А-га? — откликнулся хозяин дома.

— Вы позволите мне забрать рисунки Томми?

— Да на кой вам эти каракули?

Ли вышел на лестницу и сделал несколько шагов вниз. Красная рожа Уилсона нарисовалась в дверном проеме.

— А когда вы закрасили окно? — спокойно спросил Андреас.

На лице отчима отразился гнев, потом страх. А потом из глаз покатались слезы.

— Я и забыл про окно, — проговорил он с длинными паузами. — Мальчонка пытался починить ступеньку... вот эту, около вашей ноги. И сломал ее. Я решил его наказать, взять смывающуюся краску, чтобы потом все вернуть, но перепутал банки. Он пришел со школы... как он кричал. Испугался. А потом привык.

— И больше не кричал?

— Никогда.

В дверь позвонили. Уилсон пошел открывать, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. В дверном проеме нарисовалась лукавая физиономия Хикса.

— Полиция Треверберга.

— Да знаю я, — буркнул Уилсон. — Проходите. Тут ваш капитан.

— Из комнаты нужно забрать все рисунки, — холодно сказал Ли, кивнув Харри. — Если нужно, пригони своих или сделай это сам. Все рисунки, записки, все, что найдешь. Мистер Уилсон, — полицейский развернулся к отчиму. — Тот вздрогнул всем телом и поднял на него замутненный взгляд. — Проспитесь. Я пришлю вам приглашение. Вам нужно будет прийти в управление и ответить на наши вопросы. — Мужчина судорожно закивал. — А также я прошу вас подписать это, — Андреас достал из внутреннего кармана документ.

— Что это?

— Подписка о невыезде за пределы Треверберга и пригородов на время следствия.

— Я ничего не делал!

— Это просто формальность.

Хикс обошел хозяина дома, Ли и исчез в комнате наверху. Андреас отдал хозяину документ и снова огляделся.

— Также я хочу осмотреть другие комнаты. Если вы, конечно, не против.

Уилсон взял документ и ушел на кухню, попутно кивнув с почти мертвым безразличием. Больше всего на свете Ли хотел уйти отсюда. Но не мог. Еще немного, капельку усилий. Чтобы убедиться, что настоящих монстров люди делают своими руками.

[1]Тактика «выжженной земли» — метод ведения войны, при котором отступающие войска проводят полное и широкомасштабное уничтожение всех жизненно важных для врага запасов (продовольствия, топлива и т. п.) и любых объектов промышленного, сельскохозяйственного, гражданского назначения с целью не допустить их использования наступающими противниками. Википедия.

Интерлюдия первая. Омега Кляйн

Поздний вечер 8 марта 1967 года, среда

Женщина закричала. Мужчина крепко держал ее за волосы, заставив глубоко прогнуться в спине. Пользовался ее гибкостью, знал, где можно нажать еще чуть сильнее. Экстаз крупной дрожью сотряс ее тело и на несколько бесконечных мгновений выбил сознание прочь. Она прерывисто дышала, пытаясь укусить широкую ленту, которой он закрыл ей рот, убрать ее с губ, чтобы вдохнуть свежего воздуха, но не получилось. Ее трясло, а он не торопился отпускать, зная, что именно эти мгновения финала стоит потянуть. Превратить наслаждение в муку. Так, как ей нравится.

Она поняла, что гастроли удались, в первый же вечер. Они отыграли представление (собрали полный шатер взрослых и детей и на двадцать процентов больше выручки, чем надеялись), и, получив гонорар, она отправилась в знаменитый на всю Европу Ночной квартал, чтобы оторваться. Из труппы ее никто не стал сопровождать, зная, что раньше утра она не вернется, будет до последнего надеяться, что уж в этом-то городе она обязательно встретит свою любовь, которая бросит мир к ее ногам и наконец лишит необходимости гастролировать с бродячим цирком по всему континенту. Омега Кляйн, полька немецкого происхождения, рыжая, остроносая с задорными карими глазами и веснушками, нравилась мужчинам. Очень нравилась. Настолько, что за множество вечеров лишь один раз она не смогла найти себе пару. Но вот почему-то никто даже не намекал на то, что был бы рад, если бы она осталась. Ей просто пользовались. Сначала она расстраивалась. Через пару лет решила, что секс — это прекрасный способ сбросить напряжение. А потом случайные свидания стали естественным продолжением удачного выступления. Как-никак она рисковала собой, летая под куполом без какой-либо страховки.

Ей нечего было терять. Жизнь артиста не такая, какой ее рисуют деткам. Не такая, какую изображают на плакатах. Это тяжкий труд, восьмичасовые тренировки и длительные переезды. Ее тело привыкло к боли. Ее душа научилась распознавать в боли наслаждение.

Мужчина сегодня явно был в ударе. Он выбил из нее остатки самообладания парой сильных толчков, потянул за волосы еще чуть-чуть. Свободную руку положил на талию, чуть царапая нежную кожу. Он балансировал на коленях, удерживая женщину перед собой и не позволяя ей опереться головой о стену или матрас. Баланс — это все, что у нее есть. Превосходное чутье и полный лад с собственным телом. Он единственный из всех, с кем она спала, смог подчинить это тело. И душу. Полностью.

С ним она познакомилась в первый же вечер. И с того момента они встречались почти каждый день. Самозабвенно занимались любовью в отеле, а потом он уезжал. «Я сплю один». Она была готова простить все за то, что он с ней делал. И почему-то надеялась, что уж сегодня он обязательно предложит ей остаться. Ведь он сделал ей дорогой подарок: золотой браслет с янтарем. «Он подходит под цвет твоих глаз и будет напоминать о приятных моментах». Омега разглядела в этом романтику. И позволила в постели чуть больше, чем обычно. Раскрылась перед ним вся.

Наконец он отпустил ее. Тронул узел ленты, позволив ей соскользнуть с лица женщины, и отстранился. Казалось, он даже не устал.

Телефон в номере зазвонил. Омега вздрогнула. Мужчина, который встал за сигаретами,

тихо выругался и взял трубку.

— Слушаю. Да. Соединяйте, — он прикрыл аппарат рукой и бросил на нее глубокий взгляд. Омега вопросительно изогнула бровь. — Мне нужно поговорить по работе.

— Мне выйти?

Он покачал головой, при этом прядка каштановых волос закрыла темно-синие глаза. Через мгновение красивое молодое лицо озарила улыбка.

— Нет, — его лицо посерьезнело, судя по всему, на том конце появился собеседник.

Омега перевернулась на живот, стянула с себя ленту, положила ее рядом. Бросила под грудь подушку и поставила подбородок на ладони, изучая длинное обнаженное тело мужчины, который успел набросить на себя шелковый халат. Халат закрывал его до пят, предавая вид средневекового аристократа. Он и вправду походил на дворянина. Царская осанка, черты лица настолько идеальны, что кажутся сошедшими с портрета. Удивительный цвет глаз, мягкие губы, тонкий нос. Он тщательно брился и позволил волосам отрасти. Темную трубку он держал тонкими пальцами, при виде которых у женщины в очередной раз перехватило дыхание — этой же рукой он тянул ее за волосы и доводил до иступления ласками еще мгновение назад.

— Привет, Дональд. Нет, не отвлекаешь. Что-то случилось? Да. Это называется адвокатская тайна, разумеется. Завтра? А почему ты не сказал об этом сегодня, когда я был у тебя? А. Ну конечно, нужно было время на осознание. На счет цены не беспокойся, не разорю. Хорошо.

Омега ничего не поняла, но и не хотела понимать. Она хотела только одного. Чтобы этот мужчина всенепременно сказал, что хочет, чтобы она осталась. Он положил трубку и развернулся к ней, перевязывая халат поясом. Она была готова застонать от разочарования: этот жест означал, что свидание окончено. Ее тело было удовлетворено, но душа надеялась, что этот вечер продлится еще хотя бы на час. Мужчина подошел ближе, сел на край постели и посмотрел на нее почти с сочувственной улыбкой.

— Это наша последняя встреча, — негромко проговорил он.

Омега подскочила на постели.

— Почему? Мы уезжаем через неделю!

— Обстоятельства изменились. Я не смогу встретиться с тобой в эту неделю.

— Ты уезжаешь? Я могла бы задержаться...

Она замолчала, потому что он покачал головой. Неожиданно его лицо приняло серьезное, даже отчужденное выражение, а взгляд стал колючим.

— Твои выступления прекрасны. Негоже лишать поклонников такой красоты. Мы чудесно провели время. К слову, номер оплачен до твоего отъезда, так что можешь остаться здесь.

— Рамон, я...

— Мне нужно идти.

Он наклонился к ней, бегло поцеловал в лоб и встал. Не оборачиваясь, пошел в душ. Женщина обиженно засопела. Вот кто их разберет, этих мужиков. Так самозабвенно заниматься любовью и так просто прощаться. Хотя бы браслет подарил. Тело запротестовало, сковав ее долгой дрожью. И как спать с другими после такого?

Глава пятая. Дональд Астер

Утро 9го марта, четверг

Доктор Дональд Астер готовился отпраздновать свое сорокалетие с размахом, вполне подходящим наследному принцу империи Астер, знаменитому врачу и умелому управленцу, под чьим руководством клиника обрела новую жизнь. Госпиталь имени Люси Тревер, один из старейших и мощнейших в радиусе трехсот километров, с передовыми технологиями, оборудованием и лучшими врачами, был лакомым кусочком для любого. Но достался Дональду. Протекция отца в момент назначения — единственная поправка судьбы, которую позволил себе врач. Он получил должность, отказался от своей части наследства в пользу брата и сестры и сказал отцу, что он обязан выстроить что-то новое. Недвижимость и гостиничный бизнес Дональду не были близки. А вот медицина, ее возможности и абсолютная ценность, стали не просто делом жизни. Смыслом.

Дональд Астер относился к тем детям войны, которые прошли через нее с честью и собрали себя по частям. В 1939 году ему исполнилось четырнадцать. Он сразу ушел на фронт в качестве младшего медицинского помощника. К 1945 году он стал известным полевым хирургом, который был способен на чудеса. Астер обошел всю Европу. Тревербергские отряды попеременно выступали то на стороне Великобритании, то СССР, то Франции. Их бросали туда, где больше всего нужна была помощь, но так, чтобы это было не слишком далеко от дома. Астер не любил вспоминать то время. Но благодарил небо за то, что война ему не снилась.

Он получил должность главного врача госпиталя имени Люси Тревер в тридцать. Когда защитил две докторских, прошел огонь, воду и медные трубы на повышениях квалификации по всему миру и вернулся в Треверберг, чтобы применить здесь все те знания и навыки, которые обрел. Женился на медсестре. Развелся через три года, женился снова и развелся в прошлом году. Он нравился женщинам, брал от них то, что было нужно для поддержания статуса и мотивации, но истинно женат был на работе. Выбирая между страстной ночью и интересной операцией, он не выбирал. Операции всегда были важнее. Переговоры. Строительство. Ремонт. Любые дела клиники. Что не мешало ему постоянно менять любовниц, спать со студентками, медсестрами, врачами. Единственное правило он не нарушал: никаких романов с пациентами. Невозможно делить дом и постель с тем, чьи внутренности ты видел на операционном столе. В конечном счете он молодой мужчина в полном расцвете сил и лет, который нуждается в удовлетворении естественных потребностей в полной мере.

Астер запахнул бархатный халат, поправил пояс и еще раз посмотрел на бумаги, которые лежали перед ним. Заключение пожарной инспекции о причинах взрыва в лаборатории. В заключении было указано «возгорание вследствие незапланированного скачка напряжения в городских электросетях, подведенных к трансформатору 2.13.4.43». Это не было правдой, так как у лаборатории был дублирующий трансформатор и целая система стрессоустойчивого к подобным неурядицам оборудования, которое на момент трагедии оказалось отключенным. Сейчас нельзя было установить, в каком положении был рубильник: лаборатория выгорела, а от оборудования остались только каркасы. Единственное, что радовало, не пострадали люди. Зато пострадали данные и опытные образцы, которые хранились в холодильниках. Записи наблюдений и исследований Астера,

которыми он не планировал делиться с общественностью. Сейчас, когда пожар привлек внимание к лаборатории, вряд ли получится скрыть все. Его обвинят в поджоге ради получения страховой выплаты, как только он подаст документы. И для этого будет нужен Рамон — в неминуемом суде только этот адвокат способен обойти острые углы и отвести внимание от самого главного: от того, чем именно занималась лаборатория.

На бумаге там точно так же проводили анализы пациентов госпиталя имени Люси Тревер. Но фактически весь объем закрывала другая лаборатория, а эта, дублирующая, имела более широкий профиль.

Астер провел рукой по аккуратно подстриженным волосам и выдохнул. Справа на столе лежал последний выпуск «Треверберг Таймс», передовицу, слава богу, до сих пор занимал портрет Томми Уилсона. Заметку про публикацию официальной причины возгорания лаборатории главный редактор газеты, старый друг Дональда, поместил на четвертый разворот, уделив ему одну полосу. Целую полосу. Но одну и слева. Не справа. Вроде бы важная новость, а вроде бы и нет. Рядом с ней разместили репортаж об открытии филиала госпиталя в новом районе города, и внимание читателя будет приковано к выгоде лично для него: Астер предоставил бесплатное обследование всем жителям. Удовлетворенный, главврач закрыл газету и выпрямился в кресле.

В ванной шумела вода. Женщина, с которой он провел ночь, смывала утренний секс и сон, готовясь к тяжелому трудовому дню. Старший курс ординатуры как-никак. Дональд коротко улыбнулся, позволив себе вспомнить несколько особо приятных моментов. Он ничего не чувствовал к этой девушке, помимо влечения. Но влечение и легкий интерес — именно то, что он мог себе позволить. Сердце его занимала другая женщина, но вряд ли удастся уломать ее на что-то больше. Хотя на днях он почти ее поцеловал. Голова Гекаты Штиль высунулась из дверного проема. На ярком лице мулатки не было ни грамма косметики, волосы она спрятала в полотенце, но несколько особенно своенравных кудряшек прилипло ко лбу и вискам. Она улыбнулась.

— Теперь я точно получу все необходимые отметки в путевом листе? — спросила она с самым невинным видом.

Дональд почувствовал, как от этого на первый взгляд невинного вопроса вскипела кровь. Конечно, она не спала с ним ради высокого балла. Она спала с ним ради карьеры, надеясь когда-нибудь получить место Лоусон или аналогичное. Но в моменты близости входила в раж и примеряла на себя различные рои.

— Ты недостаточно постаралась, — подыграл Астер без улыбки. — Нужно будет повторить, я хочу убедиться, что ты усвоила свой урок.

Геката сверкнула глазами и скрылась в ванной, не закрывая двери. Он следил за тем, как оттуда вылетают клубы пара. Снова на зеркале будут неприятные разводы. Наверное, правильнее встречаться с любовницами в отеле, но Астер ненавидел чужие ванные комнаты и душевые. Даже в больнице он велел оборудовать для себя отдельный душ. При мысли, что кто-то, помимо него самого и, естественно, любовницы, может заходить в святая святых, становилось трудно дышать, и портилось настроение.

Астер фыркнул, бросил прощальный взгляд на газету и поднялся с места. Предложение продолжить ему пришлось по душе. После такого и встреча с адвокатом пройдет как по маслу. А там как получится. Может и удастся избежать излишнего внимания к лаборатории.

Рамон Эверетт никогда не опаздывал. Они назначили время, место, и оба прибыли туда минута в минуту. Астер забронировал вип-зал в одном из клубов Ночного квартала. Днем здесь хорошо кормили, а ночью помогали расслабиться. А еще все дела здесь решались в режиме строжайшей конфиденциальности. Владельцы клуба понимали, что чаще всего информация — это жизнь, и дорожили своей шкурой, исключив саму возможность прослушки в любом из пяти закрытых залов с повышенной звукоизоляцией. На толстой столешнице из мореного дуба расторопный официант сервировал обеденный стол. Он работал быстро, переставляя гарнитур с маленькой тележки на столешницу, и перед взглядами мужчин буквально творилась магия. Буквально через минуту в центре стола выросла супница, закрытая крышкой со специальной прорезью для фарфорового же половничка. Вокруг нее — салатницы с закусками. Приборы и тарелки для каждого из гостей. Домашний компот, соки, чайник с чаем и две приготовленных турки в песке — чтобы высокопоставленные гости могли выбрать, что сегодня они будут пить. В этом клубе не было меню. В «вип» комнатах накрывались столы богаче, чем на фуршетах в королевских семьях. Единственное, что определяли гости: мясной, рыбный, вегетарианский набор им подавать. Или, может быть, птицу? Сегодня друзья остановились на рыбе.

Астер принялся. Из супницы доносился тонкий аромат карельской молочной ухи, которую местные называли лохикейтто. Дональд попробовал его во время своей первой поездки по Финляндии, которая после Второй мировой потеряла все свои владения в Карелии. Владения потеряла, а невероятный суп остался.

— Этот суп готовит выходец из Карелии. Сортвала. Чудесный маленький городок, совершенно финский. На берегу Ладожского озера. Ты был там, Рамон?

Адвокат, который пристально следил за тем, как официант наливает ему в тарелку выдержанную порцию молочного супа, бросил на врача заинтересованный взгляд. Впрочем, его нельзя было назвать заинтересованным.

— В Карелии я не был, — пространно ответил адвокат, возвращаясь к супу, — но после этого готов туда переехать. Это восхитительно.

— Я говорил тебе, что рыбный стол тут выше всяких похвал.

Официант закончил с сервировкой и поклонился гостям.

— Если понадобится, потяните за это, — он указал на старинную веревочку с гирей на конце, — это колокольчик. Я буду с другой стороны двери и сразу приду.

— Мне нравится, что при всем высочайшем уровне обслуживания они не заморачиваются с лишними ухаживающими фразами, — рассмеялся Астер. — Вот этот парень не пресмыкается и не задает глупых вопросов в духе «как вам наш суп», он видит по нашим лицам и слушает то, что уже произнесено. Спасибо, дружок, с меня щедрые чаевые. Зайди через двадцать минут.

Официант поклонился.

Рамон переставил на деревянную тележку пустую тарелку из-под супа, а к себе пододвинул блюдо с запеченной в сливках же красной рыбой. Дональд взял брускетту с лососем на подушке из маринованных огурцов, оливок, листьев салата и молодым сыром.

Они ели молча. Оба не любили вести беседы с набитым ртом. Обменяться мнением по поводу прекрасной кухни — одно. Вести дела и портить друг другу аппетит — совершенно другое. Через двадцать минут вернулся официант. Он сварил кофе, вытащив откуда-то переносную плиту, разлил терпкий ароматный напиток по чашечкам, забрал пустую посуду

и исчез. Рамон откинулся на спинку кресла, Астер последовал его примеру, неосознанно отзеркаливая выбранную адвокатом позу.

— Что произошло?

— Я вынужден напомнить о конфиденциальности.

Эверетт похлопал по стоявшему на полу портфелю.

— Мы подписали договор. Ты когда-нибудь видел условия строже?

Астер покачал головой.

— У госпиталя имени Люси Тревер есть две передовых лаборатории, где мы делаем анализы для своей клиники, всех частных тревербергских и многих государственных и частных же в радиусе трехсот километров. Лучшее оборудование, лучший, отобранный мной лично по всем ведущим вузам мира персонал. Одна лаборатория заточена чисто на анализы. Она загружена на шестьдесят процентов, но по официальным отчетам на сто. Сорок процентов я сэкономил на жестких бизнес-процессах и правилах, но действуют они негласно. На бумаге — лаборатория переполнена. Поэтому появилась вторая лаборатория, которую я использовал значительно шире, чем для проведения диагностических тестов.

— Дай-ка угадаю. Взорвалась вторая? Ты разрабатывал смертельный вирус, и теперь он вырвался на свободу и начнет убивать?

Дональд слабо улыбнулся.

— Близко к тексту, но не совсем так. Во-первых, это нельзя назвать вирусом в привычном понимании. Сам он не убивает. Во-вторых, вырвался он не из-за взрыва. Я намеренно выпустил его несколько лет назад.

Эверетт отставил в сторону чашку. Он не задал вопроса, и Астер благодарно кивнул. Оба понимали, что доктор не ответит. Пока что не ответит.

— Проблема в другом. На месте взрыва работают эксперты. Они прислали заключение о неисправности проводки, но я уверен, что это не так. И пристальная проверка страховой это докажет. А, значит, они выставят иск против меня за мошенничество со страховыми схемами. Все выглядит так, будто я намеренно отключил стрессоустойчивое оборудование в той лаборатории, которая меньше загружена, чтобы получить кругленькую сумму, на нее выстроить лабораторию, а остаток положить себе в карман или в расширение клиники.

— Ты стал параноиком?

— Нет, но я слишком хорошо знаю Стива Барнса. Этот сукин сын камня на камне не оставит на защите.

— Стив Барнс? Было у меня одно дело против него, — усмехнулся Рамон. — И камня на камне не оставил я.

— Это вторая причина, по которой я обратился именно к тебе.

— А первая?

Астер кивнул на портфель.

— Конфиденциальность. Я буду вынужден рассказать тебе такое, о чем не смогу рассказать никому. Ты станешь моим духовником. И не сможешь использовать эту информацию против меня. Ты будешь использовать ее для меня. И для себя.

— Заинтригован, — холодно сказал Рамон.

Астер посмотрел на него долгим взглядом в бессмысленной попытке понять, что у этого человека на уме. Холеная, почти лощеная внешность Эверетта делала его похожим на франта. Холодные синие глаза на смуглом лице, аккуратная прическа, осанка танцора и манера нести себя так, будто он король мира, обеспечивали невероятный успех у женщин и в

делах. Он действительно стал самым успешным адвокатом Треверберга за каких-то три года. Он действительно выиграл более 95 % процессов, за которые брался. Он действительно дорого стоил и отработывал полученное. Но находиться рядом с ним в такие моменты было неприятно.

Дональд Астер привык не доверять никому. И ничего. С раннего детства он понял, что остался один на один с неприятной реальностью, и только он может, имеет право и должен ее менять. Управлять ею. Вопросы управления действительностью роились в детской голове, укреплялись в юношеской и окончательно утвердились в страшные годы Второй мировой, когда он наравне с миллионами таких же, как он, молодых парней прошел через ад.

— Твоя задача — сделать так, чтобы в случае процесса внимание суда и страховой не было направлено на то, чем именно занималась лаборатория. У меня достаточно физических, документальных и свидетельских доказательств чистоты работы, чтобы умелый адвокат смог их использовать по назначению. При этом я понимаю, что ты должен знать правду, чтобы выстроить защиту так, чтобы каждый твой тезис, каждая выкладка уводила оппонента от нее.

Эверетт молча кивнул.

— Несколько минут назад я сказал про вирус. Мы разработали вещество, которое при правильно запущенном воздействии снижает контроль «эго» и выталкивает «ид» наружу.

— Что, прости?

Астер протер сухой лоб салфеткой.

— Ты не знаком ни с психиатрией, ни с психоанализом?

Рамон покачал головой почти пренебрежительно.

— Не питаю слабости к дядюшке Фрейду и всем его последователям. Объясни на пальцах.

— Разработанное нами вещество избавляет человека от социального контроля. Он начинает делать то, что диктуют ему инстинкты, его звериная часть, его «ид». Это комплексы, установки, заложенные сценарии, которые социум, мораль и воля глушат.

— Вы искусственно делаете социопатов?

Дональд вздрогнул.

— Я бы так не сказал.

— Отрываете человека от социума, снимаете с него кандалы и... и что дальше?

— Кто-то кончает жизнь самоубийством. Кто-то начинает выступать на публике. Кто-то — насиловать. Кто-то — убивать.

Взгляд адвоката стал колючим.

— Сколько лет ты ведешь статистику?

— Больше десяти.

— Поделишься?

Дональд откинулся на спинку кресла и посмотрел в потолок.

— Нет. Не поделюсь. Тебе эти данные не помогут. В списке есть убийцы. И есть больше, чем убийцы. Парочка украшает управление полиции Треверберга в качестве самых разыскиваемых и пойманных преступников города. Один серийный маньяк. Десяток самоубийц.

— Зачем тебе это?

— Мои мотивы помогут тебе выстроить защиту так, чтобы к этому даже не приблизились?

Рамон выпрямился.

— Нет. Не помогут. Но я должен классифицировать тебя как своего клиента. Кто ты? Псих-ученый? Маньяк-капиталист, который делает чушь ради денег? Просто врач, который сделал гениальное открытие и собирает.... А, черт возьми, Астер. Не признает ли тебя невменяемым первая же психиатрическая экспертиза?

— Моя вторая докторская по психиатрии не позволит. Тем более, стандарты проведения психиатрической судебной экспертизы утверждались с моим непосредственным участием.

— Не знал, что ты психиатр.

— Госпиталю выгоднее иметь главврача хирурга-травматолога. Под хирургию значительно проще найти инвесторов и благотворителей. Психиатрия для души.

Астер почувствовал себя совершенно спокойно. Холодные глаза адвоката больше не сверлили его, в душе не поднималось сомнений. Озвучив Рамону в сжатой форме суть дела своей жизни, он убедился, что выбранная стратегия верна и всегда была верна. Он не рассказал о том, с кем работал, о том, что некоторых своих подопытных знал в лицо и видел в новостях, о том, что прямого влияния вроде бы и нет, что оно недоказуемое, а химический состав вещества невозможно установить, так как при попадании в организм он трансформируется. Он не рассказал о своих мотивах. О мировом эксперименте, который ведет уже столько лет. О результатах, которые его восхищают. Он научном доказательстве того, что современная фармакология способна не только гасить и возбуждать мозговую деятельность. Она способна менять структуру личности. И при правильном подходе можно подобрать такой состав, что правительства смогут буквально формировать образ своего народа. Его мышление. Его стоп-факторы и цели. Его «я». Нужно определить изначальный психотип, аффекты и установки. А потом как при строительстве дома вытащить на первый план то, что нужно. Агрессию и бесстрашие? Легко. Любовь и самопожертвование? Еще проще. Уничтожить неудачный эксперимент, сняв социальный барьер с мысли о самоубийстве? Элементарно. Контроль над личностью и обществом за счет простого выверенного и длительного эксперимента.

— Мне нужно все это переварить, — сказал Эверетт, поднимаясь. Он бросил на стол несколько крупных купюр. Астер не возражал. Рамон всегда платил за себя сам. Это правило было столь же нерушимо, сколь и питание в определенные часы. — Дай мне несколько дней. Я изучу заключение пожарной инспекции, запрошу дополнительные материалы, составлю возможный план атаки и стратегию защиты.

— Конечно. Кстати, — Астер достал из внутреннего кармана пиджака черный плотный конверт. — Это приглашение. У меня завтра день рождения. Праздник будет что надо. Приходи.

Эверетт подхватил конверт.

— С удовольствием, — с улыбкой ответил он.

Несколько часов спустя

В больницу Астер вернулся в прекрасном настроении. Он провел еще несколько встреч, ударил по рукам с благотворительным фондом, который согласился оплатить поставку новейшего диагностического оборудования на сумму в три миллиона долларов, и чувствовал себя победителем.

Госпиталь привычно гудел. Приёмное отделение и травма трещали по швам,

операционные заняты, каждый на своем месте, каждый занят. Безупречный механизм, работу которого пытались изучать в школах управления медицинским бизнесом, но даже личные консультации Астера, за которые он брал огромные гонорары, не помогали конкурентам повторить процессный успех госпиталя имени Люси Тревер. Потому что к знаниям нужно приложить навыки, а к ним — действия. И ответственного, кто будет заниматься только бизнес-процессами, как сам Астер в течение первых пяти лет. Он проводил не больше двух операций в неделю и давал не больше пяти консультаций ключевым пациентам. Он тратил время только на учебу (врач всегда учится) и на выстраивание процессов приема, выписки и обслуживания пациентов. Каждый человек, переступивший порог госпиталя, расценивался Астером как клиент. Который вместе со своей жалобой на здоровье принесет деньги. Неважно, откуда они поступят. От страховой или из его кармана. Это деньги, где каждый цент — кирпичик в финансовом фундаменте организации.

И он внедрял соответственные алгоритмы взаимодействия с клиентами на разных стадиях их жизни в больнице. Было приятно думать о процессах, заходя в идеально чистый холл с большим количеством уютных диванов, зелени, с огромной информационной стойкой, за которой сидела красивая медсестра с большими зелеными глазами и выдающейся грудью, на которую обращали внимание и доктора, и пациенты. Лестницы, чистые лифты, аккуратные палаты и кабинеты поликлиники, оснащенные по последнему слову техники операционные. Его гордость. Эталон современной медицины.

Астер достал из портфеля еще один конверт с приглашением, который он намеревался вручить Лоусон. Лично. По традиции. Она в числе многих сотрудников клиники была приглашенной каждый год. И каждый год Дональд звал ее лично. Почему завтрашний праздник должен стать исключением?

Он поднялся в свой кабинет, где переоделся, взял конверт и отправился в кардиологию. Он знал, что Лоусон на работе, у нее перерыв между операциями, который она всегда использовала для изучения истории болезни следующего пациента. Представив женщину, которая вычитывает документы, сидя за большим столом, смешно морщит носик и хмурится, вновь и вновь прогоняя в голове план операции, врач улыбнулся.

В кардиологии первой он увидел Гекату Штиль. Она сухо с ним поздоровалась, ничем не выдавая, что еще несколько часов назад самозабвенно отдавалась ему в душе, и отправилась к пациенту, которого нужно было подготовить к операции на открытом сердце. Сложный восьмичасовой монстр.

Астер постучал в дверь кабинета доктора Лоусон и вошел, не дожидаясь отклика.

Офелия сидела не за столом, в кресле у окна. На столе красовался изящный букет красных роз. Настроение испортилось, но усилием воли Дональд заставил себя вернуться к первоначальной цели своего прихода. Приглашение. День рождения.

Офелия подняла на него глаза. Недовольное выражение с ее лица исчезло.

— Дональд.

Он прошел в кабинет, аккуратно закрыл за собой дверь. Протянул ей конверт.

— Завтра. Ты помнишь?

— Что у тебя день рождения? Да.

— И ты уже скорректировала график так, чтобы спокойно провести этот вечер в кругу друзей?

— Твоих друзей. Да, конечно.

— Я могу сесть?

Она кивнула на кресло возле стола и откинулась на спинку дивана, улыбнувшись. Дональд бросил быстрый взгляд на букет. Дорогая корзина, золотая лента. Короткая записка, которую невозможно было прочитать, но на уголке он заметил гравировку Р.Э.

— Вы помирились с мистером Эвереттом? — тихо спросил он. — Прости, что я заставил вас тогда поговорить.

— Как видишь, господин Эверетт трепетно относится к данным тебе обещаниям. Он принес извинения и прислал цветы. Думаю, конфликт исчерпан.

Дональд прищурился.

— Не думаешь. Ты никому и никогда не прощала подобных выходов.

— Конфликт исчерпан. Мое прощение значения не имеет. Эта ситуация не повредит твоим делам с Эвереттом. А остальное не имеет значения.

Офелия улыбнулась, и Астер почувствовал, как по телу разливается тепло. Его отношение к этой женщине было сложно описать словами. Он не хотел ее затащить в постель, как ту же Гекату. Не хотел и жениться на ней. Он хотел находиться рядом. Просто рядом. Сидеть и работать в ее присутствии, наблюдать за тем, как работает она. Находиться в одном пространстве, не мешая друг другу, а дополняя. Они первоклассные врачи, и могут друг друга дополнять.

— Он будет завтра на празднике. Это не станет проблемой?

Она покачала головой. Астер не заметил заминки, но почувствовал, что что-то в ней изменилось. Рамон — известный бабник. Если Офелия попадет под его чары, а потом окажется брошенной, для Астера это шанс. Шанс прийти на помощь и остаться рядом уже навсегда. Да, придется потерпеть. Но Эверетт ни с кем не поддерживает отношения дольше месяца. Чаще — пара ночей и все. Ему неинтересны отношения, ему интересна новизна. Офелия кажется женщиной совершенно другого склада. Рационализации. Боже, как же он любит рационализации.

Доктор Лоусон вскрыла конверт и улыбнулась.

— Завтра в семь. Ты любишь традиции.

— Должно же быть в этом мере постоянно хоть что-то, доктор Лоусон.

— Увидимся завтра, доктор Астер.

Глава шестая. Офелия Лоусон

10 марта 1967 года, вечер

Мерedit наклонила бокал, рассматривая вино на просвет.

— Сухая выдержанная Франция — лучшее, что можно было изобрести, — веско прокомментировала она.

— Не рановато ли ты принялась уничтожать мой бар? — с улыбкой спросила Офелия, загоня в прическу еще одну невидимку.

Она уже час пыталась уложить волосы так, чтобы понравилось ей самой. Две попытки предпринимала подруга, но в итоге все разобрали, волосы пришлось вымыть заново, и теперь Лия хотела собрать их в обыкновенный свободный пучок, но что-то шло не так. Ей не нравился образ, который получался. Слишком строго и по-деловому.

— Платье бери под цвет глаз. Которое мы покупали с тобой на неделе моды прошлой весной.

— Да там совсем нет спины!

— Вот именно. Зато оно удивительно оттеняет твои глаза, подходит под цвет кожи и не делает волосы мышинными.

— А ты умеешь поддержать.

— У меня хорошее настроение.

Офелия бросила на подругу лукавый взгляд.

— Да уж понимаю. Слышала. Стены-то тут тонкие.

Мерedit выпила вино, взяла бутылку, налила еще и посмотрела на Лоусон заблестевшими от опьянения глазами. Белокурые волосы свободно лежали на плечах и, казалось, жили собственной жизнью, ослепительно сияя в свете кухонной лампы. Офелия фыркнула и вытащила все шпильки и невидимки из прически, посмотрела на себя в зеркало и взяла плойку. Пусть будут просто локоны. С одной стороны зачесать на виске, закрепить невидимками. С другой — взбить, дать объем и пустить свободной волной. Если она действительно выберет это темно-зеленое платье, обнаженную спину лучше прикрыть волосами. Благо, они были достаточно длинными, чтобы это не смотрелось комично.

Мерedit пощелкала языком.

— Не будь ты гениальным хирургом, стала бы гениальной моделью. Твоя шея — это нечто. Джин Шримптон[1] не годится тебе в подметки, детка. Она пустоголовая кукла, которая любит сложные прически и красавчиков-фотографов. Но ты. Это нечто. Посмотри на себя. Боже, я должна была стать визажистом, а не ведущей. Я сделала из тебя топ-модель, детка.

Офелия улыбнулась. Макияж нравился и ей самой. Не так броско, как на обложках журналов, напротив, выдержанно и строго, но горячий душ и виртуозные руки подруги вернули ее лицу удивительную свежесть и строгость. Она походила на принцессу, которая готовилась выйти в свет. Осанка — отличительная черта темных существ, судя по всему, стройное тело, лицо с выразительными скулами, ровным тоном и сияющими сейчас ярко-зелеными глазами, подведенными карандашом, тенями. Темные от природы, несмотря на русые волосы, ресницы и четко очерченные брови, которые придавали ее строгому лицу слегка наивное и удивленное выражение.

— Да, ты прекрасно бы устроилась в команде Vogue[2].

— Надо срочно менять профессию. Стану фотографом и стилистом. А ты, — Мередит наставила на нее указательный палец, — бросишь свою кровавую медицину и отправишься со мной покорять мировые подиумы. Париж, Милан, Лас-Вегас. Что мы забыли в этой дыре?..

Офелия рассмеялась. Напряжение, которое овладело ей с момента последнего разговора с Рамоном Эвереттом, постепенно рассеивалось. Вчерашний букет сначала удивил ее, а потом на смену растерянности пришла тихая радость. Он выбрал строгий букет. Без излишеств. С короткой запиской. «Еще один шаг к примирению. Р.Э.» Без банальных пожеланий и извинений. Просто констатация. Прочитав записку и уловив слабый аромат существа, которое ее писало, Офелия поняла, что ее отношение к нему меняется. Страх никуда не делся, скорее, усилился. Но неприязнь явно уступила место чему-то более важному и жизнеспособному. Лоусон в целом не умела долго обижаться. И не любила вставать в позу, если совершивший ошибку человек старался ее исправить.

— Представляешь, сколько людей умрет, если лучший кардиохирург Треверберга уедет покорять подиум? А сколько твоих поклонников повесится от тоски, если перестанет слышать роковой голос самой сексуальной радиоведущей? Нет, Мер, мы на своем месте. И здесь у нас нет конкуренток.

Подруга отсалютовала ей бокалом.

— За женские победы на территории мужчин!

Таксист привез Офелию к ресторану в центре города. Помог выйти из машины и буквально передал в руки швейцару, который мельком проверил приглашение и тут же повел ее в залу. На праздниках Дональда Астера цвет конверта приглашений означал «уровень» гостя. Черный означал самых близких и доверенных друзей, с кем необходимо было обходиться так же, как с самим хозяином. Офелия прошла через все цвета (белый, синий, зеленый) и в прошлом году вышла на черный. Тогда она отметила это как позитивное изменение, укрепление ее позиций на работе, но сейчас к премиальному сегменту отнеслась с равнодушием. Она не стала спорить с осушившей очередную бутылку каберне подругой, выбрала темно-зеленое платье с обнаженной спиной и юбкой в пол с аккуратным шлейфом из струящегося шелка. Длинный рукав и полное отсутствие декольте подчеркивали лебединую шею доктора, а каблучки сполна компенсировали недостаток роста для такого наряда.

Дональд находился в самом центре. Облаченный в черный смокинг с белоснежной рубашкой, вылизанный, холенный и счастливый, он смотрелся так, будто буквально на минутку убежал с красной дорожки. Белозубая улыбка, голубые глаза, которые сканировали толпу, выхватывая хорошеньких женщин и полезных мужчин. Он то и дело с кем-то здоровался, обменивался с собеседником парой фраз и переключался на следующего. Швейцар подвел Офелию к имениннику и ретировался с низким поклоном. Доктор Астер пораженно замер. Он даже перестал улыбаться. Зрачки расширились, а губы сжались, будто удерживая стон. Он протянул свободную руку и поднес ее пальчики к губам.

— Вы ли это, доктор Лоусон?

Она вздернула подбородок.

— Не узнали?

— На правах именинника и хозяина праздника умоляю вас, будьте сегодня моей дамой.

Она рассмеялась. Астер наклонился, поцеловал ее в щеку, отстранился, чтобы поймать бокал шампанского с подноса пробегающего мимо официанта и протянул напиток Офелии. Она взяла его молча. В зале было множество знакомых и незнакомых лиц. В глубине залы около равномерно расположенных по контуру круга ниш с «вип»-зонами она заметила точеную фигурку Гекаты Штиль, которая выбрала брючный костюм, надев под пиджак плотный топ с сумасшедшим вырезом, в котором покоилось многоуровневое ожерелье из тонких золотых цепочек. При виде босса Геката улыбнулась и взмахнула рукой. Офелия ответила ей тем же, безошибочно определив ревность, злость и зависть в лазурных глазах ординатора. Нужно быть с ней повнимательнее. Она становилась опасной.

— На правах почетного гостя откажусь от такой чести, — Офелия посмотрела ему в глаза. — Вы сегодня нарасхват, доктор Астер. А я рада иметь возможность поздравить вас с днем рождения. Еще раз.

— Но хотя бы один танец? — с наигранной грустью спросил он.

— Вы заманили меня в ресторан, чтобы предложить потанцевать?

Дональд посмотрел на нее внимательнее. Возможно, это прозвучало резко, но настроения флиртовать у нее не было. Офелия ждала другого от этого вечера и не была готова к возобновлению атак шефа. Опасаться нужно было не только ординатора.

— Чтобы приятно провести время.

— О, этого у нас никто не отнимет, — она сделала маленький глоток напитка и улыбнулась ему, отступив на шаг. Не хотелось ощущать тепло его тела в непосредственной близости от себя. — Но я видела тебя утром, Дональд. Ты был мрачнее тучи. А сейчас пьешь, — еле слышно сказала она. — Что случилось?

Он молча направился в сторону одной из ниш и остановился, не доходя до нее несколько шагов. На них не смотрели. Ведущий взял слово и начал концертную программу. Заиграла музыка.

— Обычные управленческие проблемы. Мне нужен помощник, Офелия.

— Из меня получится плохой администратор. И если ты заставишь меня делать еще больше административной работы, чем того требует моя должность, сделаешь еще и плохого хирурга.

— Я хочу, чтобы ты возглавила интернатуру.

— Что?

— Доктор Чейсон написал заявление. Попросил снять с него обязанности по обучению интернов-хирургов. Я хочу, чтобы ты его заменила.

Офелия провела резко похолодевшими пальцами по лбу.

— Но, Дональд, когда?..

— Геката возьмет на себя всю бумажную работу по твоему отделению. Будет заполнять за тебя истории болезни, составлять отчеты, проверять графики, согласовывать все с тобой. Станет твоими руками там, где их можно заменить.

— За что ты ее так ненавидишь? — попыталась пошутить Лоусон. Но на самом деле она не шутила. Странное ощущение близкой опасности укрепилось в ее сознании. Эмоциональный запах Гекаты Штиль, шедший от Астера, Офелия учуяла чуть раньше, но не позволила себе сконцентрироваться на этом. То, что ординатор пробивала себе дорогу самым простым способом, Лоусон не удивляло, а успехов Штиль на медицинском поприще

не умаляло. Но то, что Астер спит со студентами, — неприятное открытие. Нет, не потому, что он оказывал знаки внимания ей. А потому, что это было слишком... банально, что ли?

— От ненависти до любви. Штиль стремится к управлению в медицине. Пусть погрузится в бюрократический кошмар и решит, нужно ей это или нет.

— Она стремится на мое место.

— Ординатор не может стать заведующим хирургического отделения.

— Она ненамного младше меня.

— Но у нее нет ни одной статьи, которую напечатал бы «Ланцет[3]». А у тебя таких три.

Офелия улыбнулась.

— Я услышала все, что мне нужно было услышать, доктор Астер. Я подумаю над вашим предложением и решу. Не могу обещать, что это решение будет положительным. Я не очень люблю преподавать.

Астер нахмурился.

— Да, не любишь. Но у тебя получается! К тому же, 90 % ординаторов, которых выпускала ты, остались на постоянную работу в нашей больнице. Это невероятный показатель. С учетом наших требований к кандидатам.

Лоусон сделала еще один глоток. Ей хотелось поправить волосы, но подобный жест выглядел бы жеманно. От Дональда неприятно пахло алкоголем и возбуждением. Таким она его еще не видела. Навязчивое предложение никак не вязалось с торжественной атмосферой праздника, а голубые глаза не отводили взгляда от ее лица и шеи. Хорошо, что она выбрала платье без декольте.

Ноги уже болели от новых туфель, а держать осанку с такими каблуками становилось все сложнее. Но Лоусон упрямо вздернула подбородок. Неизвестно, зачем, но она определенно решила сегодня блистать. Она вздрогнула, когда рука Дональда легла ей на талию, а сам он наклонился к ее уху.

— Это моя личная просьба. Я не вижу никого другого на этом месте.

— В последнее время от тебя поступило слишком много личных просьб.

— Ты знаешь, как я к тебе отношусь, — кончики его пальцев коснулись обнаженной спины, и Офелия приложила все усилия к тому, чтобы не отскочить в сторону.

— Нет, — она посмотрела ему в глаза холодным и уверенным взглядом. — Не знаю. И не думаю, что нам нужно продолжать этот разговор. Отдыхай, Дональд. Ты заслужил этот вечер и все эти люди хотят с тобой поговорить.

К ним действительно направлялась группа людей во главе с министром здравоохранения. В глазах Астера промелькнула злость, но он взял себя в руки и натянул на лицо самое радушное выражение из возможных. Воспользовавшись моментом, Лоусон растворилась в толпе. Хотя с ее нарядом это было сложно сделать. Ее платье не было вызывающим, не было самым дорогим или самым необычным. Но оно ей несказанно шло, заставляя глаза сиять и добавляя образу утонченности, которой так не хватало большинству представительниц прекрасного пола на этом вечере. С ней здоровались, с кем-то она даже поддерживала короткую беседу, принимала поздравления с очередной публикацией в именитом издании, отвечала на вопросы по клинике и даже согласилась назначить консультацию кому-то из администрации города, чтобы определить, нужна ли операция. Совершенно утомившись, часа полтора спустя она скрылась в одной из ниш, чтобы побыть наедине со своими мыслями. Уезжать с праздника было еще невежливо, а лимит общения с

людьми на сегодня она исчерпала. Ведущий объявил танцевальный блок и призвал кавалеров искать себе подходящих дам, и Лоусон со стоном вспомнила, что Дональд просил ее с ним потанцевать. Будто в продолжение ее мыслей в нишу ввалился совершенно счастливый, пьяный и избавившийся от остатка самоконтроля Астер. Ей определенно не нравился запах алкоголя и то, как этот мужчина начал себя вести, лишь слегка отпустив тормоз.

— Вот вы где! — радостным тоном заявил Дональд, протягивая к ней руки в театральном жесте.

Офелия инстинктивно сделала шаг назад, в это мгновение чувствуя себя слабой женщиной, уставшей от неприятного внимания мужчин.

— Я не хочу танцевать, Дональд. Пригласите кого-нибудь еще, — тихо сказала она, отворачиваясь.

— Но сегодня мой день, — обескураженно произнес мужчина, которого отказ удивил. Будто и не было разговора час назад. — Офелия, вы обещали!

Она собралась дать отпор, заявив, что ничего не обещала, но не успела.

— Дорогой друг!

Лоусон вздрогнула всем телом и резко развернулась, чтобы встретить появление нового персонажа, которого так ждала и так боялась. Рамон Эверетт не появлялся лично с момента памятного разговора в кабинете Астера, и, собираясь на праздник, Офелия знала, что, скорее всего, он будет здесь. И даже ждала его. Хотя бы для того, чтобы поблагодарить за букет и попросить больше так не делать. Зная, что он не прислушается к просьбе. И втайне надеясь, что, конечно же, не прислушается. Слишком упрям. Его не было весь вечер, и Лоусон почти смирилась с этим. А сейчас он здесь.

— Рамон? — Астер развернулся к новоприбывшему. — Как я рад, что ты пришел!

Мужчины обменялись рукопожатием. Дональд повернулся к Офелии и замкнулся.

— Вы знакомы, так что я могу не разыгрывать радушного хозяина. Пойдемте, Офелия, иначе мы пропустим самое интересное!

Астер шагнул было к ней, но тонкая рука адвоката легла ему на плечо. Эверетт заставил главврача снова повернуться к нему и посмотреть в глаза. Чуть наклонился, чтобы поймать его взгляд.

— Женщина сказала, что не хочет танцевать, — тихо проговорил Эверетт, не мигая. Астер выглядел как зачарованная змеей мышь. Негодование сменила растерянность. — Позволишь мне сгладить неловкость?

Дональд нахмурился. Непонятно, как Эверетт повлиял на него, но спорить главврач не стал. Он ступешался, отступил в тень. Посмотрел на Лоусон с несчастным выражением лица.

— А дама не возражает против твоего присутствия? Кажется, ты ее здорово обидел, — бросил он далеко не так воинственно, как хотел бы.

Офелия ответить не успела.

— Дама явно возражает против твоего присутствия. Иди, иначе завтра будешь жалеть о том, что натворил под действием вина.

Астер кивнул.

— Хорошо. Только ради нашей дружбы. Прошу меня простить, возможно, я действительно наговорил лишнего.

— Совершенно не нужно было меня спасать, мистер Эверетт, — неожиданно для самой себя ледяным тоном произнесла Офелия, как только Дональд отдалился на достаточное расстояние.

Она сделала глоток коктейля, поставила бокал на столик и собиралась покинуть нишу, ожидая, что Рамон отступит, как это сделал бы любой воспитанный человек, но он лишь улыбнулся. Казалось, он с трудом удержался от того, чтобы сложить руки на груди.

— Спасать вас? — все также тихо и вкрадчиво спросил адвокат. — Я всего лишь убирал помеху.

— Как вас занесло на день рождения моего начальника? — сменила тему она, возвращаясь на свое место.

— Я не имею права раскрывать детали сотрудничества с кем бы то ни было, — неопределенно улыбнулся Рамон.

Офелия позволила себе его рассмотреть. Адвокат выглядел также безупречно, как всегда. За тем лишь исключением, что костюм он выбрал белый, волосы назад зачесывать не стал, и они спокойно обрамляли великолепно выточенное лицо. Синие глаза оставались холодными, но в них уже бушевало знакомое пламя, прикосновения которого Лоусон боялась.

— Вы просто его выгнали, — повторила она другими словами.

— Вы приняли мой букет, но не приняли руку дружбы, — спокойно проговорил Эверетт, проникая в нишу и кладя тонкие запястья на высокий барный столик. Его пальца прикоснулись к столешнице и Лоусон инстинктивно отстранилась, избегая прикосновения. Ее рука скользнула по бокалу, огладила край столешницы, и женщина отступила в тень.

— Мы уже это обсуждали.

— Позвольте вас пригласить.

— Вы не принимаете отказ, мистер адвокат? — изогнула бровь она.

— Вы отказали в ужине, и я принимаю это, миледи. Я всего лишь обыкновенный мужчина, который сражен наповал красивой женщиной. Один танец. Четыре минуты.

Она хотела пошутить на тему обозначенного времени, но слова замерли на губах. Рамон разомкнул ладони и протянул ей руку. Лоусон не шевелилась, загипнотизированная этим жестом. Сколько силы на самом деле в нем скрыто? Тонкие пальцы лежали спокойно, Эверетт терпеливо ждал, пока она примет решение. В его глазах не читалось ничего, а улыбка оставалась вежливой и до оскомины светской. Ложь. Эта маска — ложь. Истина где-то под ней, но Офелия не была уверена в том, что когда-либо сможет докопаться до этой правды. И нужна ли она ей. Впервые за свою долгую жизнь она не знала, что делать. Инстинкт кричал о том, что от такого существа стоит держаться подальше. Но тело все решило само. Она вздрогнула, когда почувствовала прикосновение. А сердце остановилось в тот момент, когда пальцы Рамона сомкнулись на ее руке.

— Четыре минуты, — вздернув подбородок, проговорила Лоусон.

Первая песня медленного блока закончилась, они появились в зале в короткую паузу. Офелия чувствовала спиной взгляды коллег. Удивленные, осуждающие. Ее личная жизнь была наглухо закрыта от окружающих, все думали, что она замужем за работой, никто не смел пересекать личного пространства, и даже на редких вечеринках или праздниках с ней держались уважительно. Она сама выстроила такой барьер, и он помог ей подняться по карьерной лестнице, пока Астер не набрался смелости для того, чтобы все испортить. Видеть ее рядом с молодым адвокатом, о котором уже прокатилась волна дурной славы. Но Офелия отключилась. Ей было все равно, что подумают коллеги. В случае чего всегда можно было сменить светлую жизнь и уехать. Ее волновало другое. То, что Рамон держал ее руку в своей, мягко ведя в центр танцпола.

Наконец Эверетт остановился. Повернулся к ней лицом с видом профессионального танцора. Заиграла музыка, и его рука легла ей на талию. Женщину прострелило. На мгновение перед глазами заплясали огненные круги, стало нечем дышать. Он бережно вел ее в незамысловатом танце, не переходя границы, даже не пытаясь поймать ее взгляд. Сначала он держался чуть поодаль, потом сомкнул объятия, по-прежнему не прижимая ее к себе. Все в допустимых для медленного танца рамках. Что это? Похоже на вальс, но вальс не могли танцевать в шестьдесят седьмом году в Треверберге.

— Я расскажу вам, как будет, — беззвучно сказал он.

Офелия услышала нежный шепот и закрыла глаза, отдаваясь во власть его сильных рук. Голова кружилась, но это было сладостное головокружение. Она слишком долго держала себя в ежовых рукавицах.

— Этот танец закончится, и я оставлю вас в покое. Вы поедете домой, выспитесь впервые за месяц. Вернетесь на работу. И уже завтра вечером ваш начальник вспомнит, что он наконец-то набрался смелости сказать вам, что любит. Вы окажетесь перед выбором. Или внушить ему, что ничего не получится. Или сдаться, приручить своего человека, и дальше строить карьеру и спасать людей. Или...

Песня приближалась к кульминации, и Эверетт воспользовался моментом, чтобы наконец прижать ее к себе. Лоусон чуть не вскрикнула от неожиданности. Дыхание прервалось, она открыла глаза, но не рискнула поднять голову. Увидела перед собой белоснежную ткань его ладно скроенного пиджака. Рубашку. Сильную, но изящную шею и кончики темных волнистых волос. Он будто сдернул пелену, проступил из небытия. Мгновение назад она чувствовала его руки и свое смятение, но и только. А сейчас ее затопил сокрушающе терпкий, сладкий и густой запах, в котором прослеживались не только сила и власть. Обещание.

— Или вы обратите свой взор на моего ординатора? Снова?

Рамон тихо рассмеялся, и от этого смеха по спине пробежал холодок.

— Или вы примите мою руку дружбы.

— Дружбы?

Она почувствовала, как его ладонь оторвалась от талии и скользнула по спине. Горячая, сильная. Офелия с невероятным трудом отстранилась от него и наконец посмотрела в глаза. Они оказались на краю танцевальной зоны, куда почти не добивал свет. Музыканты играли последнюю часть песни, и каждый уже изрядно пьяный гость был занят только собой. Эверетт сделал еще несколько па и неожиданно наклонился к ней, к самому уху. Она почувствовала прикосновение его губ и инстинктивно вцепилась одной рукой в его ладонь, а другой в талию, безотчетным жестом привлекая к себе.

— Когда вы узнаете меня ближе, вы поймете, что дружба в моих устах означает больше, чем в чьих бы то ни было еще.

Он выдохнул это ей в ухо, щекоча и волнуя. Музыка смолкла, все остановились. Рамон высвободил пальцы и убрал выбившуюся из прически прядку с ее лица. На мгновение ей показалось, что он наклонится, чтобы поцеловать, но нет. Его рука скользнула во внутренний карман пиджака и вытянула оттуда уже знакомую ей картонку.

— Примите ли вы мою визитку теперь?

В ее взгляде полыхнул гнев. Если и существовал худший способ все испортить, Рамон выбрал именно его. Вырвав из его рук картонку, Офелия подняла ее на уровень глаз, а потом разорвала на две части.

— Визитка, мистер Эверетт? — неожиданно тихо спросила она. Смерила его уничтожающим взглядом и, развернувшись, чтобы уйти, но не успела. Рамон схватил ее за руку, резко притянул к себе, одновременно шагнув в темную и скрытую от танцующих нишу, и поцеловал.

Она замерла в его объятиях, не понимая, как реагировать и, что страшно, не понимая, как она себя чувствует. И что вообще чувствует. Прикосновение его губ почти лишило сознания. Будто сквозь кокон или пелену женщина определила, что он шагнул глубже в нишу. Потом обнаженную спину опалило холодом — он прижал ее к стене. Этот поцелуй не был глубоким. Просто прикосновение. Сухое и пламенное. Мужчина отстранился, чтобы посмотреть ей в лицо, продолжая при этом корпусом прижимать ее к стене. Его глаза потемнели, зрачки расширились. Он внимательно следил за ее реакцией, готовый отступить. Или напасть. Руки Офелии безвольно висели вдоль тела, она смотрела ему в лицо, приоткрыв губы. И на самом деле моля о том, чтобы он не отпускал ее, не уходил. Чтобы он поцеловал ее не так. Не целомудренно и осторожно. А по-настоящему. Разум отключился, все чувства обострились. Наконец он улыбнулся. Наклонился к ней медленно. Коснулся губ. Она почувствовала его дыхание, свежее и горячее. А потом мир померк. Руки невольно опустились ему на талию. Его ладонь прикоснулась к ее щеке, скользнула дальше и властно легла на затылок, управляя ее головой. Она ответила на поцелуй. В голове билась мысль, что ни к чему хорошему это не приведет, но здесь и сейчас ей было все равно. Ее тянуло к нему и отталкивало одновременно. Но он считывал ее желания и мгновенно воплощал их в жизнь. Он прервал поцелуй, чтобы прикоснуться к щекам, к шее, прикусить неистово бьющуюся жилку, втянуть аромат ее кожи, вернуться к губам.

— Вы примете мое приглашение поужинать? Теперь.

Вопрос прозвучал словно издали. Лоусон мучительно покраснела и отвела глаза. А он отстранился. Почти освободил ее, но она чувствовала его руки с двух сторон от своей головы — он оперся о стену. Было бесполезно играть, кокетничать или обесценивать момент. Что бы это ни значило для него, для нее жизнь раскололась. Она так боялась его пламени и силы, так боялась прикоснуться к нему, потому что глубоко внутри понимала: для нее дороги назад не будет. А для него? Очередная интрижка? Судя по всему, он легко сходился с женщинами и так же легко расходился.

— Где и когда?

Рамон тихо рассмеялся.

— Если вы думаете, что я решил повторить историю с вашим ординатором, вы ошибаетесь.

Она не ответила. Нашла в себе силы и посмотрела в глаза.

— Я за вами заеду. Завтра. Во сколько вы освобождаетесь?

— В пять.

— Значит, в пять.

— Рамон?

— Да?

— Поцелуйте меня... еще раз.

[1] Джин Шримптон — топ-модель 60х, икона стиля и законодательница моды.

[2] Vogue — журнал мод.

[3] «Ланцет» — самый авторитетный медицинский журнал.

Глава седьмая. Доктор Себастьян Хоул

10 марта, пятница, вечер

Капитан Андреас Ли доктору Себастьяну Хоулу нравился и не нравился одновременно. По-мужски он понимал полицейского, легко считывал его отношение к работе и к миру, но как психиатр и психоаналитик, терялся. Он привык к тому, что почти любого человека воспринимает всеми органами чувств, буквально ощущая их травмы, движения «ид» и прочие бессознательные проявления, которые позволяют безошибочно составить психологический портрет личности и выбрать нужный формат общения с ней. В Ли он видел только хорошего полицейского, который качественно делает свою работу. Все. Он не чувствовал его прошлого и настоящего, не понимал эмоций и в целом не стремился к их пониманию. До сего момента. Полиция часто обращалась к Себастьяну, прошедшему курс повышения квалификации в направлении судебной психиатрии в ФБР, за консультациями. И дело стрелка, которое с таким трудом прятали от вездесущих журналистов, без психиатра обойтись не могло. Хоул был нужен и для работы с травмированной жертвой Миленой Огневич, которая до сих пор не желала говорить (а на самом деле переживала состояние, близкое к кататонии, и для установления психологического портрета преступника. Ли обратился к Хоулу с просьбой провести с ним допрос отчима Томми Уилсона. Мистер Уилсон явился в участок и уже пятнадцать минут сидел в допросной комнате, потев, трясаясь с похмелья и медленно умирая от страха. Так ведут себя тревожные люди. И те, кто чувствует свою вину. Можно было бы уйти в размышления, что отчим ни в чем не виноват, и он старался, как мог. Но, к сожалению, это оказалось не так.

Уже тридцать минут Ли рассказывал доктору об увиденном в доме Уилсонов. Показывал фотографии, и теперь Хоул смотрел на рисунки мальчика, живая фантазия которого запечатлела лукавый, доверительный и какой-то родной для него ад. Его демоны были человечнее многих людей. Особенно, их глаза. Печальные глаза побитой собаки.

— У Томми были голубые глаза? Или синие?

Ли посмотрел на врача так, будто тот спросил чушь, но вместо того, чтобы уточнить вопрос, снял трубку с рабочего аппарата и набрал короткую комбинацию цифр. Подождал несколько секунд.

— Харри, — тихо позвал Ли, когда ему ответили. — Какого цвета были глаза у стрелка? Интересно. Ага, спасибо. Синие, доктор Хоул. Темно-голубые. На сто процентов сложно установить. Они могли посветлеть к тому моменту, когда судмедэксперт начал вскрытие.

— Он рисовал себя, — Себастьян показал на соответствующие изображения одного и того же худого и нескладного демона. На разных рисунках он держал в когтистых руках разное оружие. — Автомат. Пистолет. Меч. Книга. В рисунках он показывал историю своей жизни. Почему родители не обратились к психологу, когда он начал рисовать это?

— Семья не из благополучных, — уклончиво ответил Ли. — А мама скончалась на днях — рак.

Хоул покачал головой. Его голубые глаза холодно блеснули. Без осуждения и без эмоций. Стальной блеск интереса и понимания, так свойственный людям, работающим в психологии.

— Больную маму он тоже нарисовал, — проговорил Себастьян, указывая на фигурку женщины-чертика с перевязанной широкими лентами бинта грудью. — Но она не вызывает

эмоций. А вот это — отчим. Большой, грузный с размазанным лицом и надорванными губами. Мальчик явно хотел, чтобы этот субъект не мог смотреть и говорить.

— А вот нам придется с ним поговорить, — сухо произнес Ли. — Я ничего не понимаю в психологии, но, кажется, читал, что травмирующее детство может привести к...

Андреас замялся, пытаясь подобрать слова. Хоул улыбнулся.

— Разберемся. Но вы же понимаете, что юридически призвать мужчину к ответственности не сможете. Равно как и оправдать стрелка. Нет такой практики в мире. Возможно, она появится. Но сейчас — нет.

— У меня нет задачи посадить жестокого отчима, — сверкнул глазами полицейский. — У меня есть четкая задача определить мотив преступника, сформировать отчет и довести до сведения начальника управления, что повлияло на решения убийцы. А он в свою очередь сделает доклад в министерство юстиции. А те донесут до мэра необходимую информацию, и, если мы найдем четкие взаимосвязи, администрация сможет повлиять на происходящее. И не допустить появления таких же, как стрелок.

Себастьян посмотрел на Андреаса долгим острым взглядом.

— Вы думаете, что человеческая психика настолько предсказуема, что исследование лишь одной истории позволит вам раз и навсегда пресечь ее повторение? Капитан Ли, я не хочу вас расстраивать или учить. Но даже Павлов был шокирован в рамках своих экспериментов с собаками, что при одинаковых воздействиях у каждой собаки вырабатывается свой уникальный рефлекс по своему уникальному сценарию. Вот вы установите, что мальчик жил без света, без одобрения родителей, без родного отца, в нищете, страхе за мать и себя. Установите, что он слишком рано нацепил на себя роль родителя, а потом скатился в псевдовзрослое состояние. Что стал защитником для матери, а по факту — ширмой. Установите, что методы воспитания мистера Уилсона травматичны. Но вы не сможете отдать эту информацию выше. И знаете почему?

Ли молчал.

— Потому что как минимум пятнадцать процентов подростков Треверберга живут практически в таких же условиях, — после недолгой паузы продолжил Хоул. — Неполные и неблагополучные семьи, существование за гранью нищеты и принятой обществом нашего города нормы. Но никто не стреляет. Стреляется и вешается — да. Но не приходит в школу с оружием и не уносит с собой жизни двадцати восьми человек.

— Тогда мне закрывать следствие?

Себастьян пожал плечами.

— Я не полицейский. Делайте то, что велит вам долг и разум. А я помогу. Давайте уже поговорим с господином Уилсоном, и я вернусь в больницу.

— Да, он нас уже ждет в допросной, — подтвердил капитан. — Какие вопросы вы планируете ему задавать?

Доктор Хоул тонко улыбнулся.

— Задавать вопросы — это ваша прерогатива, капитан Ли. Моя задача смотреть и слушать.

Он хотел сказать, что судя по тому, что Андреас рассказал ему про отчима, тот хочет, чтобы его поймали, хочет быть наказанным и вполне осознает, что был не прав. Только подтолкни, и он выложит все в мельчайших, самых постыдных и отвратительных подробностях. Но такое суждение было бы непрофессиональным. Врач не имеет права делать выводы о ком бы то ни было по рассказам третьих лиц. Ведь все, что люди говорят,

это и есть они. Одна и та же истина преподносится по-разному. Каждый проговаривает лишь то, что у него болит. И психоаналитик в Хоуле подумал о том, что Ли, возможно, не совсем счастливый сын.

Конфликт отцов и детей заложен эволюцией. Именно он толкает развитие человечества, заставляя его идти по сложному, полному трудностей и болей пути по спирали. Без него, без отличия одного поколения от другого, невозможен прогресс. Именно это делает человека человеком. И речь не про естественный отбор. В общем и целом человеческая жизнь — это череда конфликтов и кризисов. Человек один на один с миром, с социумом, с телом, с собственным бессознательным. И не каждый способен выиграть в этой войне. Даже проработанные до кончиков ногтей аналитики могут сорваться в кризис. И это нормально. А вот то, что сотворил Томас Уилсон — не нормально. Напряжение мортидо выплеснулось наружу. И этот взрыв унес с собой слишком много невинных жизней.

Хоул подумал также о том, что спусковым крючком являлась либо дата, либо событие в классе. Подтверждением первого являлся найденный в комнате убийцы конверт с письмом. Но и второе исключить было нельзя, ведь единственным живым свидетелем существования Томми в классе была Милена. О других контактах информацию собрать не успели. А Милена Огневич до сих пор не заговорила. Хотя она уже начала отвечать рисунком на рисунок. Впрочем, дальше погоды и еды продвинуться не успели. При таких травмах форсировать события нельзя. Полиция насадала на больницу и лично на него, но Себастьян жестко отстаивал свои границы. Если пережать сейчас, Милена сломается. И тогда драгоценные сведения о жизни Томми Уилсона окажутся замурованными в ее бессознательном. А оттуда так просто еще никто ничего не доставал.

— Хорошо, — сказал Андреас. — Пошли.

Доктор в последний раз посмотрел на рисунки стрелка, грустно улыбнулся и поднялся вслед за капитаном, на ходу поправляя пиджак. В таком виде он походил больше на адвоката, чем на врача.

Уилсон сидел на стуле, тяжело развалившись и не понимая, куда деть грузное тело, которое буквально стекало, не уместаясь на пластиковом сидении. По его лицу градом тек пот, и мужчина то и дело промакивал его рукавом. Андреас Ли пропустил психиатра вперед, и осторожно закрыл за собой дверь. Отчим стрелка поднял на него тяжелый, будто затуманенный алкоголем или наркотиками взгляд, и с трудом выпрямился на стуле. Даже попытался встать навстречу, но Ли остановил его коротким движением руки.

Себастьян занял свое место напротив свидетеля, спокойно достал большую тетрадь формата А4, остро заточенный карандаш, закинул ногу на ногу и посмотрел на отчима, привычным взглядом профессионала впитывая в себя образ этого человека, с которым предстояло провести не самые приятные минуты жизни. Взгляды психиатра и психоаналитика на личность различаются. И, пусть все гениальные психоаналитики имели медицинское образование, не все из них в двадцать девять лет становились признанными экспертами. Считалось, что психоаналитик может практиковать в среднем с тридцати пяти. Психиатр становится сильным врачом после сорока. Потому что нет ничего сложнее человеческой психики. Хоул закончил школу в четырнадцать, институт в двадцать, докторскую он защитил в двадцать пять, и сейчас уже вел переговоры по поводу создания

первой в Треверберге частной клиники, специализирующейся на лечении зависимостей.

Он консультировал полицию с 1963 года, и повидал всякого. Но Уилсон был особенно отвратителен. Хотя бы потому, что реализованный и мощный мужчина в подобном образчике мужского недостойнства видел то, во что мог бы превратиться он сам при прочих равных.

По привычке Себастьян смотрел в глаза, изучая то, что называл про себя «предъявительный иероглиф», странная формулировка, которая дословно означала отпечаток личности, скрывала под собой целый сонм подтекстов. В случае с Уилсоном предъявительный иероглиф свидетельствовал о целом наборе фрустраций. Хоул проходил по ним, впуская в себя этого человека настолько, чтобы почувствовать, интерпретировать, но не настолько, чтобы он мог навредить. Странно безжизненный и тяжелый взгляд мог принадлежать старику, но отчиму Стрелка было за сорок. Его взгляд наливался свинцом, а за на первый взгляд обыкновенной внешностью скрывался садист. Наклонность к садизму выдавали особенная посадка головы, взгляд исподлобья, лицо, отмеченное застарелой обидой. Губы. Нижняя выпячена. Барская губа. Губа обиженного мальчика. Мальчика в сорок пять, который кричит и требует внимания, отстаивает свое право на лидерство, боем пробивает дорогу. Мальчика, который так и не смог найти подхода к не по годам рассудительному мальчику.

Прозрачный взгляд врача скользнул следом за очередной каплей пота, которая скатилась на переносицу. Уилсон убрал ее пальцем.

— Тримиан Уилсон, — проговорил Ли, — спасибо, что согласились приехать и побеседовать с нами.

— Вы меня в чем-то подозреваете? Кто этот мужик? Почему он на меня так смотрит?

Себастьян не улыбнулся. Его взгляд стал внимательнее. Он раскрыл блокнот, записал два слова. «Страшно — бей». Снова поднял глаза на отчима.

— Это доктор Себастьян Хоул, консультант и медиатор, он психиатр. Работает с полицией. Он был последним человеком, с кем согласился поговорить ваш пасынок.

— Это из-за этого разговора Томми решил проломить себе череп выстрелом из ружья?

«Вина», — записал Хоул.

— Мы надеемся, что беседа с вами поможет нам восстановить события последних дней жизни Томми. И мы поймем, почему он сделал то, что сделал.

— Из-за этой сучки Милены, конечно, — оскалился Уилсон, которому так не шло его прекрасное имя. Хоул подумал о том, что мужчина не так давно располнел. Он чувствовал себя в этом теле неуютно, будто примерил слишком большой костюм.

— Милены Огневич, одноклассницы Томми? — спокойно уточнил Ли.

— Шлюха. Он убил ее?

— Почему вы считаете эту девушку шлюхой? — чуть слышно спросил Хоул.

Мужчина дернулся, будто от удара током.

— Потому что она шлюха и есть. Ходила к нам как к себе домой. Завлекала мальчика. Это она во всем виновата.

— Она виновата в том, что Томми тщательно приготовился к расстрелу, нашел автомат, взял ваш пистолет, пришел в школу и уничтожил весь класс? — все тем же спокойным тоном продолжил врач. — Почему вы так считаете?

— Он любил ее больше матери.

«Перенос?» — пометил психиатр и посмотрел на отчима внимательнее. Ли молчал.

Почувствовав, что Себастьян в своей стихии, он отступил в тень.

— Вы считаете, что Томми недостаточно любил свою мать? Или, может, вы недостаточно ее любили?

Уилсон хотел брякнуть что-то еще, но замолчал, ошеломленный.

— Она умерла, — просто сказал мужчина. — Он умер. Только я жив. И... — Он замолчал. Полицейский и врач смотрели на него с нечитаемым выражением лиц. И ждали. Ждали чего? — Томми был влюблен в эту девицу. Говорил о ней. В прошлом году нарисовал десяток ее портретов. А месяц назад все сжег.

— Как давно он начал рисовать демонов?

— Чертят? — Удивился отчим. — Да с детства. Но рогатых прятал. А вешал вокруг себя то, что действительно хотел видеть. Маму, эту девицу, животных разных.

— Он сжег все рисунки?

Уилсон кивнул.

— После того, как вы покрасили окно?

Снова кивок.

— Сильно после. Говорю же, месяц назад.

— А что случилось месяц назад?

Отчим пожал плечами.

— Все было как обычно. Школа, тренировки, больница, тусовки. Он мало бывал дома.

— С кем он общался? — Спросил Ли.

Мужчина не ответил. Себастьян, который успел схематично набросать комнату с покрашенным черной краской окном, посмотрел на отчима.

— А вы с ним общались?

Уилсон промолчал. Его шея и щеки покрылись бордовыми пятнами. Хоул зафиксировал этот факт и доброжелательно посмотрел на отчима. Психолог в допросной не совсем психолог. Он превращается в менталиста, чья задача не помочь человеку, а вытащить из него нужную информацию. Заставить его признаться. Иногда через манипуляции. Все законно, никакого очевидного давления. Но безотказно. Особенно, с такими мерзавцами, как Тримиан Уилсон.

— Я с ним не общался, — после долгой паузы, во время которой Ли бросал красноречивые взгляды на психиатра, пробормотал мужчина. — Нам не о чем с ним было говорить. Он любил музыку и рисование, я — плотничество и...

— Алкоголь? — миролюбиво подсказал Хоул.

— Вы бы тоже начали пить на моем месте, — вспыхнул Тримиан. — Севилия была всем в моей жизни. Всем! Я любил ее. Полюбил с первого взгляда. Я простил ей даже этого малолетнего наглеца и прошлых мужиков. Принял ее с ребенком в своем доме, позволил ей все переделать, лишь бы она была счастлива.

— Вы начали пить, когда жене поставили диагноз? Или раньше?

— Какое это имеет отношение к делу?

— Хочу понять, в каком возрасте Томми стал свидетелем насилия в адрес его матери. Сколько ему было? Три? Пять? Семь? А когда вы в первый раз ударили его? О, — заметив, как дернулся желвак на скуле мужчины, как поменялся взгляд, Себастьян понял, что попал в точку. — Может, вы не только били его? Может, вы боитесь признаться нам в чем-то более ужасном?

— Я не педофил!

— Когда Томми впервые дал вам отпор? Когда он впервые защитил себя и мать?

Сколько было лет мальчику?

— Это было два года назад. Понял?

— Совсем взрослый. А когда вы женились на Севилии?

Тримиан вскочил, отодвинув стул. Тот по чистой случайности не свалился. Пот лился с его лица и шеи, падая на одежду и серый пол из полированного бетона. Он был близок к нервному срыву, но доктор Хоул даже не изменил позы. Лишь чуть поднял голову, чтобы было удобнее смотреть мужчине в лицо. Он почувствовал, как напрягается Ли, который не был свидетелем подобных разговоров и до которого медленно доходило, что жизнь Томми была мрачнее, чем он представил себе изначально. Что ж. Порой нужно разрушать иллюзии. Особенно, если ты полицейский, и на кону жизнь людей.

— У вас есть документы. Это было девять лет назад.

— А диагноз ей поставили пять лет назад. Тогда же вы закрасили окно.

Отчим упал на стул.

— Откуда вы знаете...

— Вам нужна помощь, мистер Уилсон. Я выпишу направление в психиатрическое отделение госпиталя имени Люси Тревер. Вы сможете уйти по первому желанию, но, уверяю вас, если продержитесь неделю, поймете, что другого пути у вас нет. Вы хотите жить?

— Да, черт побери, — вздрогнув всем телом, проговорил мужчина. — Тогда завтра вы придете в больницу добровольно.

Ли жадно курил, привалившись к окну. Он был бледен. Хоул остался. Выпроводив Уилсона чуть раньше, чем полицейский смог расспросить его подробнее, врач уверил Андреаса, что сам получил достаточно информации для составления портрета Томми. Осталось лишь дождаться списка людей, кто его знал и с кем он общался в школе. Помимо расстрелянного класса, и можно приступить к характеристике. Что не отменяет того, что Хоул примет Уилсона на личный контроль в психиатрическом отделении.

— В голове не укладывается.

— В какой-то мере инцест стал искаженной нормой, капитан Ли. И педофилия ближе, чем кажется. Это ужасно, это ломает психику, загоняет личность в первобытный ужас и полностью стирает грань между реальностью и созданным миром. Томми провалился в пропасть между настоящим и вымышленным и нашел для себя единственный способ избавиться от боли. Умереть. То, что он сделал, я бы назвал массовым самоубийством. Не совсем точная формулировка, конечно, но пока не приходит ничего в голову. Он не мог умереть один. Обида в нем настолько разрослась и заполонила все вокруг, что единственный способ был в том, чтобы забрать с собой как можно больше жизней. Нормальных жизней, которых у него самого никогда не было.

— То есть, ему никто это не внушил? Это его решение?

Прозрачные глаза психиатра посветлели.

— Влияние исключить нельзя.

Ли глухо зарычал, докурив сигарету и остервенело потушил ее в пепельнице.

— Я не понимаю, что делать.

— Просто сделайте свою работу.

— Доктор Хоул! Наконец-то я вас нашла. — Мужчины обернулись. Перед ними стояла Ребекка, секретарша шефа Ли. Она выглядела взволнованной. — Вас ищет доктор Лоусон, она говорит, это срочно.

Хоул бросил обеспокоенный взгляд на Ли, тот кивнул. Врач пошел за девушкой, привычно отмечая, что идет она чуть более напряженно, чем хотелось бы, что линия плеч зажата, а левое плечо чуть выше, при этом девушка старается держать осанку. Волосы собраны в строгую прическу с высоким начесом, но несколько прядок выпущено. Кокетливая. Но в целом милая и светлая. Несчастливая, конечно. Да есть ли сейчас счастливые люди? Хоул думал, что докторская и аспирантура избавят его от дурацкой привычки интерпретировать людей без диалога. Но нет. Он делал это все чаще и чаще. И по возможности перепроверял свои ощущения. И, как правило, оказывался прав.

Оказавшись в приемной шефа управления, Хоул сел рядом со столом секретарши, на котором стояла новейшая печатная машинка, и взял трубку, лежащую рядом.

— Доктор Хоул у аппарата.

— Себастьян, наконец-то, — откликнулась Офелия. — Выезжайте немедленно. Милена Огневич заговорила. Зовет вас.

— Ох, черт возьми. Выезжаю.

До больницы Хоул долетел за пятнадцать минут. Ему несказанно повезло, будто кто-то проложил маршрут и убрал лишних участников дорожного движения. Бросив машину на парковке, врач влетел в холл, проскользнул в лифт, который самым непостижимым образом открылся прямо перед ним, будто кто-то прислал его за психиатром. Очутившись на третьем этаже, молодой врач позволил себе остановиться, выдохнуть, приосаниться и направиться в сторону палаты, где лежала Милена. Рядом с девушкой сидела Офелия. Доктор Лоусон даже со спины ощущалась по-другому, но у Себастьяна не было времени интерпретировать и анализировать ее состояние. Скорее всего, просто выпалась. Или решила какую-то проблему. Или влюбилась. Черт. В другой ситуации он бы посмеялся сам над собой. Но сейчас осторожно открыл дверь в палату и вошел вовнутрь.

— Вы! — воскликнула девушка неожиданно звонким голосом. — Я вас ждала. Вы мне снились! Вы приходили ко мне, сидели рядом со мной, выводили меня из тьмы. Вы меня спасли и теперь я должна выйти за вас замуж. Вы такой красивый. Как из сказки.

Хоул почувствовал на себе изумленный взгляд доктора Лоусон, но не стал разрывать зрительный контакт с девочкой. Ее поведение психологично. Логично. Определено. В той или иной мере он к подобному привык.

— Милена, меня зовут доктор Себастьян Хоул. Я психиатр. И я твой врач вместе с этой красивой женщиной.

Огневич бросила на Офелию ревнивый взгляд, но тут же улыбнулась.

— Она тут главная, — с гордостью сказала девочка.

— О чем ты подумала, когда проснулась?

— Почему шторы зеленые, а не розовые?

Хоул посмотрел на окно. Лично ему мягкий салатный цвет нравился.

— А потом?

— А потом пришла доктор Лоусон. И больше я ни о чем не думала.

Себастьян опустился на стул рядом с кроватью и внимательно посмотрел девушке в лицо. Амнезия? Защита? Насколько он имел право сейчас разрушить ее спокойствие? Ли дал

ему два часа. Полиции нужны показания, и в своей фанатичной вере, что пара слов запуганной девочки поможет им достучаться до сути, они забывают о психологическом здоровье. Уж лучше управляемый кризис, спровоцированный врачом, чем катастрофа.

— А что было перед тем, как ты заснула?

Девочка нахмурилась. Лоусон наградила Хоула еще одним удивленным взглядом. Они сидели друг напротив друга с двух сторон от койки, и незаметно обмениваться эмоциями стало проще. Себастьян ответил ей сдержанной улыбкой, мол, все под контролем.

— Наверное, книжку читала. А почему я в больнице? Лили обидится, мы собирались пойти на вечеринку.

— Лили?

— Это моя подруга. Самая лучшая подруга. Мы учимся вместе в школе. Выпускной класс! Скоро праздник, а осенью я поступлю в медицинский. Я буду самой лучшей медсестрой. А может и врачом. Вы будете меня учить?

— Милена, расскажи мне про Лили.

Девочка недовольно нахмурилась. Доктор не ответил на провокацию.

— Она крутая. Поет в группе. Танцует. На танцах мы и познакомились. А потом меня перевели в ее школу. И стали настоящими подругами. Я должна ей позвонить. Доктор Лоусон, вы позволите?

Себастьян видел, как напряглась Офелия. Ее лицо не изменилось, даже поза осталась та же. Но вот это внутреннее напряжение человека, который знает правду, перепутать нельзя было ни с чем. Она не просто знала правду. Лилиана Смиттор умерла у нее на руках. В школе.

— А что делаешь ты?

— Я хочу стать топ-моделью. У меня уже есть фотосессии для нескольких модельеров Треверберга. Меня высоко оценивают. А... а почему я в больнице? Я не помню, как сюда попала.

Ее пульс подскочил. Хоул протянул руку и коснулся ее ладони, лежавшей поверх простыни. Пуля в позвоночнике не оставляла шансов. Ходить девочка не будет. Но карьеру фотомодели сможет продолжить. Если сломает стереотип. Если заставит всех поверить, что инвалидность — это не конец жизни. Если сможет сделать из себя икону для всех людей с ограниченными возможностями. Слишком смело для конца шестидесятых. Но чудеса случаются.

— Милена, ты помнишь Томми Уилсона?

Лицо девочки озарилось улыбкой. А потом на щеках выступила краска.

— Он мой друг.

— Друг?

— Ну ладно, больше, чем друг. Он был моим первым... ну вы понимаете. Мы решили попробовать. Чтобы не оказаться... Ой, я не могу об этом говорить. С вами.

— Мне позвать врача-женщину?

— Нет! — воскликнула девочка и потянулась к нему, но ошеломленно замерла. — Что это? Я... — она положила ладонь на бедро. — Я не чувствую!.. — девочка ударила по ноге, на ее глазах выступили слезы, она закричала. Забилась на постели. Пульс и давление подскочили, приборы заорали. Офелия среагировала мгновенно, вставив в капельницу шприц и влив успокоительное. Немного. Через тридцать секунд девочка замерла. Закрыла глаза и откинулась на подушки. Стало тихо.

— Я не закончил, — сухо сказал Хоул.

— Закончите потом. Ей надо поспать, а ее родителям наконец побыть рядом.

Психиатр смерил хирурга злобным взглядом, но быстро остыл. В конечном счете после нескольких сложнейших операций сердце девочки может не выдержать. Если за психику Себастьян был спокоен хотя бы потому, что лучше него в Треверберге специалистов не было. То тело — не его вотчина.

— Простите, — сказал он Офелии и слабо улыбнулся. — Обсудим дела за обедом?

Лоусон кивнула.

— Почему бы и нет, — сказала она. — Дайте мне несколько минут, я вас догоню.

Глава восьмая. Офелия Лоусон

11 марта, суббота

Госпиталь имени Люси Тревер

— Время смерти — пятнадцать сорок девять, — сказала Офелия, тяжело дыша.

— Расслоение аорты. Вы ничего не могли сделать, — проговорил Аркенсон, хирург-кардиолог, темный эльф. Он работал в госпитале уже двадцать лет и тяжелее прочих принял известие, что им будет руководить молодая женщина. Генри Аркенсон сменил гнев на милость, прочитав пару статей босса и поприсутствовав на «галерке» на нескольких сложных операциях. И теперь, если Лоусон звала, всегда приходил на парные операции. Только к ней.

Шестидесятилетнему пациенту не повезло. Расслоение аорты — штука непредсказуемая. Он умер на столе.

— Спасибо, — сказала Лоусон, выпрямляясь. Медсестра натянула простыню пациенту на лицо и начала отсоединять приборы. — Мне нужно идти.

Офелия выскользнула из операционной, сняла с себя грязный хирургический костюм в стерильном боксе, взяла чистые вещи, привела в порядок волосы и руки и решила пойти по лестнице, чтобы немного проветриться. Эмоций было слишком много, волнение перед вечерней встречей с Рамоном захлестывало, и только в операционной она смогла немного прийти в себя. День в целом был полон сюрпризов. Сначала Милена, которая внезапно начала тараторить. Потом ее истерика и вынужденное использование седативного. Потом долгий разговор с Хоулом, который доказывал, что лучше его осторожное вредительство, чем железные сапоги полицейских, которые уничтожат остатки психики девушки и навсегда загонят ее либо в комплекс выжившего, либо в кататонию. Обратно. Лоусон пила крепкий чай и просто кивала. Да, конечно, она все понимает. Но после стольких операций и такого потрясения она не может рисковать ее здоровьем. И физическим. И психологическим. Себастьян в итоге сдался. Отправился в свое царство — в психиатрию, — взяв с коллеги клятву, что она позовет его, как только Милена снова придет в себя. И ни при каких условиях не позволит Ли ее допросить без него. Пришлось согласиться.

Офелия незаметно для себя добралась до кабинета, возле которого стоял стол Марты. Ассистентка по субботам не работала, и Лоусон подумала, что надо это поменять. Когда выходит она, тогда и Левицкая. Улыбнувшись, хирург толкнула дверь в кабинет и удивленно замерла. На столе стояло два букета. Два новых букета. Тот, который дарил Рамон пару дней назад, переехал на подоконник. Два букета, две записки. Цветы разные. Белые розы с зеленью и обрезанными стеблями стояли в небольшой вазе, драпированной жемчужной парчой. К жгуту, опоясывавшему вазу, крепилась картонка с запиской. «Прости за вчерашнее, жемчужина. Твой Д.А.». Этого, конечно, стоило ожидать. Офелия перенесла букет на журнальный столик и вернулась к рабочему столу, где осталась большая корзина пионов. В них тоже была записка. В аккуратном конверте из крафтовой бумаги. Тонкое обоняние женщины уловило знакомый запах, и под ложечкой засосало, от нарастающего волнения. Предвкушения. И возбуждения. Она невольно прикоснулась к губам и протянула руку к конверту. На нем аккуратным, пожалуй, каллиграфическим почерком было указано ее имя. Внутри лежала маленькая белая бумажка с золотой гравировкой. На ней чернилами

несколько строк. «Ровно в пять придет водитель. Ауди черный, номер TWG199CY. Я буду ждать в конце пути. Р.».

Офелия наклонилась и вдохнула аромат цветов. Весенних, полных жизни и света. Невольно поднесла конверт к лицу, чтобы вдохнуть тонкий и терпкий аромат и погрузиться в пучину, из которой она вынырнула только ради работы. Работа ее лекарство и спасение. Но операция закончена. Пациент умер. Почти четыре. У нее нет времени, чтобы взять еще кого-то. Нужно сходить в душ и переодеться. Сбросить с себя больничный запах. Приготовиться к вечеру. И посмеяться над собой. Как быстро изменилось ее мнение относительно Рамона Эверетта. От презрения и ненависти к чему-то, столь отчаянно напоминающему страсть. Все перевернул танец. И поцелуй. Всего лишь танец. И поцелуй.

Она открыла шкаф, где всегда хранила два-три комплекта одежды на любой случай. Подумав, решила определиться перед выходом. Посмотрела на себя в зеркало, вздохнула и отправилась в душ, где тщательно, но быстро вымылась, подсушила волосы полотенцем и вернулась в кабинет. Закрылась изнутри. Прошло двадцать пять минут. Подкатила волна страха. А вдруг опоздает? Женщина села за стол, поставила перед собой зеркало и взяла косметичку. За десять минут сообразила неброский макияж, чуть подчеркнув глаза и скулы. Взбила чуть влажные волосы пальцами и, подумав, решила, что оставит их, как есть. Простыть на сквозняке она не могла, а городить прическу не хотелось. Прошло еще пять минут. Куда Рамон мог ее пригласить? В ресторан? Погулять? Он говорил про ужин. Значит, точно ресторан. А если нет? Чутье подсказывало, что не стоит надевать платье. Нужно что-то элегантное, но комфортное. Подумав, она выбрала брючный костюм, под который надела лодочки на невысоком каблуке. Жакет несказанно ей шел, подчеркивая линию плеч и талии. Распушенные волосы обрамляли лицо, а зеленые глаза загорелись предвкушением. Офелия взяла сумочку и приготовилась выйти из кабинета, но не успела. В дверь постучали. Она бросила обеспокоенный взгляд на часы. Еще двадцать минут.

— Войдите.

Дверь отворилась, пропустив главврача. Дональд Астер выглядел помятым и раздосадованным.

— Ты не брала трубку.

— Ты звонил?

— Да. Много раз. Что ты решила по поводу интернатуры?

Офелия поставила сумочку на стол. Дональд скользнул взглядом по кабинету, увидел свой букет, аккуратно стоявший на журнальном столике, заметил корзину пионов. Нахмурился было, но быстро выкинул лишние мысли из головы. Лоусон прочла по его лицу короткую и мучительную борьбу и улыбнулась, когда победил профессионализм.

— Сегодня суббота. Давай встретимся в понедельник и все обсудим.

— Мне надо предупредить Марту и назначить встречу?

— Просто поставь удобное для тебя время. Часа нам хватит?

Дональд кивнул.

— Я рад, что ты не отправила мои цветы в мусорное ведро.

Офелия рассеянно провела рукой по волосам, распрямляя локоны. Посмотрела на розы. Они так печально и тоскливо мерцали в свете ламп, что захотелось переставить, но она сдержалась. Посмотрела на шефа. Дональд будто постарел. Осунулся. Он не улыбался, волосы не уложил, и стала заметна отросшая челка, которая падал на лоб. Голубые глаза будто потускнели. Его явно что-то беспокоило, и это что-то не было связано с делами

сердечными.

— Что случилось?

— Все хорошо. Просто устал после вчерашнего. Как ты смогла оперировать?

Она пожала плечами.

— Я почти не пила.

— Будь осторожна с Рамоном, — неожиданно подойдя ближе, проговорил врач. — Я видел вас вчера... прости, не следил. Просто будь осторожна. Он меняет женщин, как перчатки. И многие после него остаются...

Офелия вскинула подбородок.

— Я большая девочка. Но спасибо.

— Просто знай. Что если тебе будет больно и одиноко, я всегда тебя выслушаю. И помогу.

Она протянула ему руку, которую Астер после секундного промедления пожал, и снова улыбнулась. Его ладонь оказалась теплой и чуть шершавой, как будто он забыл использовать крем для рук. Офелия только заметила, что на нем не было халата. Джинсы, рубашка в клетку. Такой неряшливый и свободный вид. Такой необычный. Никакого лоска, никакой маски. Может, она впервые видела настоящего Дональда Астера без его вечной улыбки и сияющей, почти назойливой уверенности в себе?

— Спасибо, Дональд. Мне нужно идти.

— К нему?

Она отняла руку и посмотрела ему в глаза.

— Моя смена закончилась в 16.45. Я могу идти, доктор Астер, или у вас есть неотложное дело?

Дональд молча посторонился, пропуская ее. Офелия вышла, чувствуя, что злится. Злится на него. Но больше на себя. Потому что интуиция подсказывала: он прав. Он, черт возьми, прав. От Рамона надо держаться подальше. Она видела его в гневе, видела, как он играючи утаскивает женщин в свою постель и так же легко переключается. Слышала, что в Треверберге нет равного ему адвоката, и его находчивость, смелость, прямота и одновременно изворотливость в делах ее восхищали и пугали одновременно. Ее разум кричал: «Беги». Но, стоило Эверетту пробить ее личную зону и прикоснуться к ней, она могла думать лишь о том, что снова хочет увидеть его. Удивительную синеву внимательных глаз, его совершенные, тонкие черты лица, волосы мягкого каштанового цвета. Разглядеть ресницы и линию бровей, руки с аккуратными ногтями. Но все это меркло по сравнению с ощущением бесконечности, пропасти, которое окутывало ее, как только эмоциональный запах этого существа касался ее сенсоров.

Офелия шла по плитке больничного пола, стуча каблуками, напряженная, взбешенная и испуганная, вынужденная держать лицо. Астер парой слов сбил ее возбужденное состояние. Предвкушение приобрело привкус горечи. У главного входа она остановилась, не решаясь переступить порог. Может, отказаться? Извиниться, сказать, что у нее срочная операция? Взять дежурство в травме? Может...

— Доктор Лоусон?

С трудом сфокусировав взгляд на приблизившемся к ней мужчине, Офелия без улыбки кивнула.

— Вы зря приехали, капитан Ли. Милена спит. Допросить ее вы сможете только в присутствии доктора Себастьяна Хоула. Он будет в понедельник.

— Она что-нибудь вспомнила? Сказала? Хотя что-то?

Его голос доносился до нее как будто издалека. Офелия покачала головой.

— Нет. Извините, мне нужно идти.

Не больница, а проходной двор. И ведь не запретишь полицейскому являться сюда, как только заблагорассудится. Вот ведь незадача.

— Рад был вас увидеть. До понедельника?

Доктор кивнула и вышла из клиники. Прохладный воздух ударил в лицо, мгновенно освежив. Чуть влажные волосы тут же стали холодными, а на щеках появился румянец. Она заметила, как с паковочного места трогается идеально отмытый черный автомобиль. Ауди. Номер TWG199CY. За рулем сидел незнакомый смуглый мужчина. Остановив машину перед Офелией, он вышел, открыл ей заднюю дверь.

— Рад приветствовать вас. Меня зовут Анри Шати, сегодня я буду вашим водителем.

— Вы от мистера Эверетта?

Дура. Ну, конечно он от мистера Эверетта.

— Мистер Эверетт выражает сожаление, что не смог забрать вас лично. Он надеется, что путешествие вам понравится. Он уже ждет вас на месте.

— Куда вы меня повезете?

— Мистер Эверетт просил не говорить. Присядете?

Доктор позволила мужчине помочь ей сесть на заднее сидение. В автомобиле нежно пахло лавандой. Кожаные кресла приняли ее в свои объятия, и она почти не вздрогнула, когда Шати закрыл дверь. Через мгновение он сел за руль, отжал сцепление, первую передачу, и поездка началась. Мужчина включил радио, выбрав станцию, где играла музыка и не было новостей, приглушил звук, чтобы он не мешал пассажирке, а Офелия откинулась на спинку кресла и смотрела в боковое окно. Сердце стучало с переборами, почти ныло. Она чувствовала себя так, будто перепила седативных.

— Поездка займет около полутора часов. Вы можете поспать.

— Полтора часа? Немало.

— Ни о чем не беспокойтесь, мадемуазель Лоусон.

Отбросив сумочку на соседнее сидение, Офелия постаралась расслабиться. Она устала от мыслей, переживаний и напряжения. За последнюю неделю произошло слишком много всего. А сейчас она поставила на карту все. В эмоциональном плане. «Держись подальше от Рамона». Смешно. Дороги назад нет.

Она проснулась от того, что водитель тихо звал ее по имени.

— Мадемуазель, мы почти приехали.

Женщина медленно выпрямилась, с трудом открывая глаза. Ей снился Египет. Великий Нил, пирамиды Гизы. И снова этот мужчина, похожий на древнего бога. Он смотрел на нее свинцовым взглядом, по-отечески улыбался и обещал, что скоро будет все хорошо, ведь время почти пришло. Эти сны начали напрягать. Они появились некоторое время назад, но сейчас усилились, являясь почти каждую ночь. После них она всегда чувствовала себя раздвоенной. Будто подсматривала за чужой жизнью.

Она огляделась. Машина ехала по лесной дороге. Справа и слева от нее возвышались сосны, на уровне глаз — густой подлесок. Лес не был обжит, не было видно тропинок или мест для отдыха, которые активно строили по всем проселочным дорогам и трассам. А это значило только то, что они находились либо на территории Тревербергского заповедника, либо в чьих-то частных владениях. Эверетт богаче, чем о нем говорят? Это вряд ли. Он не

нуждался в деньгах, но вряд ли смог бы отстроить резиденцию в заповедном лесу. Да и какая разница. Может, никакой резиденции и нет?

Через пару минут автомобиль вынырнул на открытое пространство. Лес буквально выпустил его. Деревянный забор из стройных бревен, резные ворота. Никакого названия или опознавательных знаков. Это место ей было незнакомо. Но она чувствовала здесь присутствие нескольких существ. Не людей. И, конечно же, Рамона. Ворота отворились, и автомобиль скользнул внутрь, сделал широкую дугу и остановился рядом с Эвереттом, облаченным в длинный черный плащ. Он стоял, заложив руки за спину, и казался средневековым лордом, который вышел поприветствовать дорогого гостя к порогу своей усадьбы. Рамон открыл дверь, молча подал ей руку, затянутую в тонкую кожаную перчатку. Офелия взяла сумочку и покорно протянула ему свою. Обнаженную. Беззащитную. Она вышла из машины и оказалась в его власти. Она не слышала, как Анри закрывает дверь и уезжает, не слышала ветра и тихой музыки, которая заливала пространство. В это мгновение она слышала только биение своего сердца.

Синие глаза Рамона улыбнулись ей.

— Я рад, что ты приехала. Боялся, что передумаешь.

— Не боялся. Ты знал, что у меня нет выбора.

Он посмотрел на нее внимательнее, но не поддержал диалога, повернулся и повел ее в дом.

— Я подумал, что ресторан, даже самый лучший, — это банально. Ведь там мы не сможем остаться одни. Не сможем поговорить.

— Здесь мы тоже не одни.

— Это пока. Нам накроют стол. А потом исчезнут. Останется только конюх.

— Конюх? — с видимым интересом переспросила Офелия, посмотрев на мужчину.

Тот ответил спокойной улыбкой. Входная дверь закрылась, и они оказались в просторной зале. Наверное, тут раньше стояло много столов, но сейчас остался один. Он располагался в центре прямо под огромным окном в крыше, сквозь которое в помещение проникал свет. На столе стояли приборы, напитки, фрукты и свернутые салфетки. Справа величаво и нежно трещал камин. Рамон помог Офелии занять ее место и опустился напротив. Стол не был длинным, как в средневековых замках, метра два с половиной, но ей показалось, что мужчина оказался на другой планете. Они могли только разговаривать. И смотреть друг на друга.

— Голодна?

— Честно говоря, да.

— Я взял на себя смелость составить меню.

Рамон тронул колокольчик, и в комнате появился официант с тележкой с подносами. Офелия не сразу поняла, что он вышел из тайной двери.

— Тревербергский заповедник место дикое и необжитое. Но эта резиденция существовала здесь задолго до того, как основали сам город. Она принадлежала древнему и могущественному существу, а потом оно оставило эти места, не сумев смириться с тем, что его уединение нарушает быстро растущий мегаполис, который притягивает и темных, и светлых существ. Резиденцию выставили на один из многочисленных аукционов, и я смог ее приобрести. А потом назначить управляющего. Двадцать лет назад управляющий сдал ее в аренду местному ценителю ахалтекинской породы. Подобным лошадям тяжеловато в нашем климате, поэтому конюшню пришлось основательно модернизировать, нанять персонал,

который смог помочь им адаптироваться к здешним зимам. Сейчас здесь живет десять лошадей, остальных продали. Но мы ждем прибавления к концу лета. До понедельника резиденция наша. Как и лошади. Как я и говорил, останется только конюх. Но ты сможешь уехать в любой момент, если захочешь. Анри ждет.

— Почему об этом месте никто не знает?

— Его знают ценители. Сюда приезжают за лошадьми. Хозяин устраивает первоклассные званые вечера.

— Хозяин — не ты?

— Неважно, кто он. Важно, что сейчас это место принадлежит нам. Я подумал, что такая женщина, как ты, сможет оценить красоту местной природы и ахалтекинцев. Признаюсь, я был поражен, когда увидел их впервые. Здесь есть удивительный редкий жеребец. Ахал-Теке. Мы назвали его в честь страны, которая стала родиной для всего его рода. Золотой сын золотого рода. Ты поймешь, когда познакомишься с ним. Может, он позволит себя оседлать.

Пока Рамон рассказывал, официант успел расставить перед ними блюда и разлить вина по бокалам. Поймав благосклонный взгляд хозяина, скрылся. Пламя камина бросало на лицо Рамона своеобразные тени. Солнце уже потихоньку клонилось к западу, и свет из окна в крыше стал рассеянным и мягким. А огонь вычерчивал лицо мужчины, обостряя его, углубляя взгляд и оттеняя волосы. Офелия не заметила, когда он избавился от плаща, и немного удивилась, обнаружив, что он остался в черной шелковой рубашке. В это мгновение он больше, чем когда-либо походил сам на себя. Древнее существо, которое видело тысячи воин и тысячи цивилизаций, вынужденное играть роль. Ей пришла в голову мысль, что он хотел, чтобы она увидела его именно таким. Не молодым адвокатом, которому не исполнилось и тридцати.

Интересно, как его зовут на самом деле? И сколько ему лет?

«Держись от него подальше».

Рамон поднял бокал и улыбнулся ей так, будто прочитал ее мысли. Хотя это, конечно же, невозможно.

— За новое знакомство.

Вино оказалось мягким и терпким. Офелия сделала глоток и отставила бокал в сторону. По телу расплзлось тепло. И спокойствие. Но теперь ее брючный костюм и лодочки казались совершенно неуместными. В ее гардеробе не было наряда, который бы подошел местному убранству. Они неторопливо ели, обмениваясь общими фразами. Рамон рассказывал о лошадях, она подтвердила, что с нежностью относится к этим животным и рада сюрпризу. Музыка, книги, стремления, случаи из жизни. Их беседа перетекала из русла в русло, не выходя за берега. Постепенно Офелия полностью успокоилась. Это существо действовало на нее магическим образом. Или это алкоголь?

Ей нравился тембр его голоса, нравилось, как внимательно и чуть опасливо он на нее смотрит, нравился холод в глубине глаз, свойственный только бессмертным обращенным, нравилась надменная складка губ, которые сегодня улыбались чаще, чем обычно. Она впитывала каждую черточку его лица, вбирая этот образ и стараясь запомнить все. Весь вечер, каждое слово, каждый жест. Так, будто это никогда не повторится.

Через час ужин был закончен. Если бы ее спросили, что она ела, она бы не смогла ответить. Но все это было настолько вкусно и легко, что превратилось в часть волшебной сказки, куда ее пригласил Рамон.

— Вот и все, — неожиданно проговорил он. — Я уговорил тебя на ужин. И ты сдержала обещание, не побоявшись приехать сюда.

Ее прострелило. Неужели это все? Неужели он сейчас позволит ей уехать? Может, это правильно? Она молчала, ожидая, пока он продолжит. Рамон тянул. Он встал, изящным движением отставив стул в сторону. Подошел к ней и протянул руку. Офелия с короткой задержкой вложила в его ладонь пальцы своей и поднялась следом.

— Если ты сомневаешься или хочешь уйти, — прошептал он, пристально глядя ей в глаза, — сделай это сейчас. Через мгновение я не найду в себе сил, чтобы тебя отпустить.

Офелия стояла рядом с ним, смотря ему в глаза. Разболелась голова, но боль отступила почти сразу. Синие глаза Рамона гипнотизировали ее. Он ждал ответа. А она молила только о том, чтобы он не задал этот вопрос вновь. Не возрождал сомнения в ее душе. Не давал ей никакого выбора. Если будет больно, это будет завтра. Сейчас она не хотела свободы.

Он медленно отпустил ее руку. Положил ладони ей на плечи, потом скользнул правой рукой по ключице, к подбородку. Провел большим пальцем по губам, коротко выдохнул.

— Остаешься?

— Ты рассказывал про лошадей. Я бы хотела увидеть их. И может даже прокатиться вместе. А потом решу, отпускать ли Анри.

Он наклонился, держа ее за плечи и заглянул в глаза.

— Нет, — неожиданно жестко сказал он.

— Нет?

Он покачал головой, прикоснулся к ее губам с быстрым поцелуем и резко отстранился.

— Шанси будет ждать столько, сколько потребуется. Пойдем к лошадям?

Офелия замерла, недоверчиво глядя на него. Ей казалось, или внутри него бушует такая же борьба, как внутри нее самой? Ей казалось, или его действительно тянет к ней также, как ее к нему? Что он дает ей последний шанс уйти, потому что понимает, еще несколько минут, и дороги назад не будет? Неужели для него это действительно не очередная интрижка? Ободренная этой мыслью, женщина сделала шаг вперед, и робко коснулась его руки. Рамон посмотрел на нее с высоты своего роста. Без улыбки. Но в его синих глазах мгновенно разлился жидкий металл.

— Я приготовил для тебя подходящий костюм. Чтобы ты могла сесть в седло, — сказал он.

— Я с удовольствием переоденусь.

Он на мгновение закрыл глаза. Офелия воспользовалась моментом, чтобы приблизиться и положить вторую ладонь на его сложенные на груди руки. Рамон чуть заметно вздрогнул, но не отстранился.

— Это означает?

— Я принимаю правила игры.

Рамон тонко улыбнулся. Он освободился, подал ей локоть и зашагал в сторону выхода, когда она взяла его под руку. Офелии было странно и одновременно естественно находиться рядом с ним вот так. После этой недели, после эмоциональных ссор и примирений, после танца ей казалось, что она прожила целую жизнь. Жизнь длиною в вечность. Для того, чтобы сейчас идти с ним, целомудренно и учтиво держа его под руку и наслаждаясь этим простым прикосновением. Ощущения обострились. Она чувствовала его напряжение, подавляемые эмоции. Даже борьбу. Мужчина на нее не смотрел. Он то и дело касался свободной рукой ее пальчиков, лежащих на его локте, будто проверял, что она

действительно рядом. Размышления о природе любви поглотили ее настолько, что Лоусон вынырнула из себя только в маленькой комнате, куда он ее привел. По стеллажам лежала свернутая форма. Пара деревянных скамей, куча крючков на стенах, чтобы можно было повесить упряжь или трость.

— Нам обоим нужно переодеться, — просто сказал он с несмелой улыбкой.

Офелия отстранилась. Села на скамью и сбросила туфли с ног. Он тихо рассмеялся и молча вышел, прикрыв за собой дверь. Видимо, сам он переодеваться собрался в другом месте. Так даже лучше.

Так даже лучше.

Он подобрал для нее великолепную черную форму с серебряным шитьем. Лосины и рубашка, плотная куртка и шлем. Сапоги, плотно облегающие голень. Никаких шпор. Офелии понравилось это, она не любила насилия над лошадьми. Она любила этих благородных животных и тосковала по ним. После войны ни разу не сидела в седле. Он не мог об этом знать. О ее тайной страсти. Просто угадал?

Полностью переодевшись, она в последний раз оглянулась на аккуратно сложенный костюм на скамейке и подумала о том, как это символично. За этой дверью начиналась новая жизнь.

Час спустя

Лошади оказались великолепными. Высокие, ухоженные, разных цветов и характеров. Рамон предложил Офелии молодую вороную кобылку с необычным для данной породы добрым нравом, а сам выбрал золотого жеребца. Ахал-Теке, метр шестьдесят в холке, гордый и своенравный, встретил гостей протяжным ржанием, но присмирел при виде Рамона. Между этими двумя определенно была связь. Было приятно и волнительно видеть, как мужчина разбирается с упряжью. Конюх испарился, стоило им переступить порог конюшни. Рамон велел ему прийти через час. И вот сейчас они сами возвращались после длинной прогулки по весеннему лесу. Они говорили ни о чем. Вернее, обо всем. Обсуждали свои светлые жизни. Играли. Или примерялись, а можно ли снять маску. Рамон то и дело говорил что-то такое, что выдавало его тысячелетний возраст, и тогда Офелии становилось не по себе. Но через мгновение он задавал вопрос про больницу или образование, и беседа снова возвращалась на круги своя.

— А ты знакома с темной медициной? — неожиданно спросил он, когда лошади вышли на прямую тропинку, ведущую обратно к резиденции.

— Отдельно ее не изучала. Но смогу оказать первую помощь любому.

— А операцию?

Она удивилась.

— Не слышала, чтобы кто-то из вампиров или темных эльфов жаловался на больное сердце. Или чтобы операция была способна что-то исправить. Да и как оперировать без наркоза? Это пытка.

Он тихонько рассмеялся и наклонился вперед, чтобы огладить изящную шею жеребца рукой, затянутой в тонкую черную кожу перчатки ручной работы.

— Больное сердце вряд ли. А вот огнестрел... Темные существа также могут погибнуть от потери крови, как обычный человек.

— Знаю, — кивнула женщина, придерживая кобылку, имя которой не запомнила. — И,

в отличие от людей, им можно вливать любую группу крови. Но повышаются требования к донору. Никакой химии.

— Надо ввести закон, по которому переливать в темных существ можно будет кровь только от психологически устойчивых доноров.

Офелия рассмеялась.

— Эмоциональный шлейф минимальный побочный эффект за возможность сохранить бессмертную жизнь.

Он кивнул, бросив на нее заинтересованный взгляд.

— Среди твоих коллег есть те, кто разбираются в темной медицине?

— А почему тебя это интересует?

Он пожал плечами.

— В наше время приятно знать, что в случае чего тебе самому или кому-то из твоих друзей спасут жизнь.

— Твоя работа настолько опасна?

В темно-синих глазах скользнула молния.

— Ты даже не представляешь, — ответил он и направил жеребца вперед. Далеко впереди уже показалась резиденция, освещенная десятками фонарей. Окончательно стемнело, и Офелия могла следовать лишь за его силуэтом, полагаясь на чутье лошади.

Немолодой конюх ждал их у конюшни. Он с учтивым поклоном принял обоих лошадей и увел их в денник, где собирался снять амуницию и хорошенько почистить. А потом укрыть весенними попонами и оставить на ночь в тишине и покое. Животные переговаривались тихим бормотанием, а Офелия с Рамоном остались одни. Она чувствовала себя так, будто ее лишили не лошади, а одежды. Он смотрел, не отводя глаз, ей в лицо, кажется, затаив дыхание. Одна рука свободно лежит на невысокой калитке. Ноги скрещены, спина прямая, а выражение лица сложно трактовать. Офелия медленно сняла перчатки и сжала их, чтобы хоть что-то держать.

— В гостиной приготовили чай. Если ты хочешь согреться.

— Я хочу переодеться.

— Могу я предложить тебе другой наряд на вечер?

Он протянул ей руку, и она осторожно ответила, позволив сократить расстояние между ними. Волнение разбежалось по телу ледяными иглами, дыхание перехватило. Все чувства вытолкнули разом, она будто получила удар в солнечное сплетение, когда Рамон поднял руку и поправил выбившуюся из наспех собранного хвоста прядку.

— Ты останешься?

Она хотела сказать, что это слишком для первого ужина. Что ей надо домой и лучше они встретятся вновь. Что ей нужно выспаться, восстановиться после потери пациента, принять решение об интернах и понять, как дальше работать с Дональдом. Что она должна побыть одна и выкинуть всю романтическую чушь из головы. Но вместо этого она сделала то, что не ожидала сама от себя. Она шагнула вперед, поднялась на цыпочки и прикоснулась к его губам. Он отреагировал мгновенно, притянув ее к себе. И снова руки на ее талии, терпкий, полный горечи и огня поцелуй. И ощущение, будто они летят в пропасть. Вместе.

— Откуда ты взялась, — чуть слышно проговорил Эверетт, оторвавшись от ее губ. Он выглядел почти злым. Он явно хотел сказать что-то еще, но передумал.

— Покажи наряд, — прошептала она.

— Я отпускаю Анри? — неожиданно повелительным тоном спросил мужчина.

— Да, — после мучительно длительной паузы произнесла она. — Так это происходит в твоём мире? Незнакомцам не нужно длительных прелюдий? Ухаживаний? Вы просто сходитесь и ... и все?

Рамон, который уже повернулся, чтобы сообщить водителю, что тот может ехать, остановился. Медленно развернулся к ней.

— Обычно это просто секс в отеле, Офелия. Перекус.

— То есть, сейчас...

Глухо зарывчав, он в два шага оказался рядом с ней, толкнул ее и прижал спиной к дому. Она замолчала. Синие глаза снова загорелись недобрым, почти суровым огнем.

— Великая Тьма знает, что ты делаешь со мной, — сообщил ей Рамон без улыбки. — Я говорил, что не смогу тебя отпустить. И чем дольше ты рядом...

Он оборвал фразу, отстранился и выпрямился.

— Наряд лежит там же, где ты нашла этот. Дай мне пару минут. Я скоро вернусь.

Глава девятая. Андреас Ли

14 марта, вторник, поздний вечер

Клуб «Алая мантия»

— Она просто выставила меня за дверь. И в субботу, и в понедельник, и сегодня. А я как полный идиот стою перед шефом и говорю: «У меня нет новой информации. Да, выжившая пришла в себя, но злой доктор меня к ней не пускает». Эй. Рамон, ты слушаешь меня?

— Что?

Друг оторвался от бокала, в который смотрел последние несколько минут, и поднял затуманенный взгляд на Ли. Андреас никогда не видел Эверетта в таком состоянии. Тем более, если тот находился в клубе. Обычно он сиял улыбкой и искал, с кем бы скоротать вечерок. А сейчас даже не реагировал на симпатичных гостей «Алой мантии», лучшего места в городе с отменной музыкой, мини-отелем и невероятным баром, где можно было найти все. От классического человеческого алкоголя до крови светлых эльфиек, так дурманящей вампиров, крови вакханок, которая справедливо считалась лучшим афродизиаком, и прочей дури. Они приходили сюда нечасто, но сегодня Рамон пригласил, а Ли откликнулся, потому что застой в деле начал сводить его с ума. А команда дрогнула, почувствовав беспомощность и ярость руководителя. Срочно нужна перезагрузка. Ничего лучше «Алой мантии» для такого случая не существовало. И сначала все шло неплохо. Они заняли круглый столик в аккуратной нише, с которой было хорошо видно сцену, но куда почти не заглядывали посторонние.

— В каких облаках ты витаешь?

— Личное, — обронил Рамон и осушил бокал. Показал знак официанту, чтобы тот повторил напиток. Что там он пил? Кажется, обычный виски.

— Я тебя таким не видел.

— Все бывает в первый раз, Ли. Отстань, — огрызнулся Рамон. — Что там у тебя стряслось?

— Поссорились с Офелией.

Выражение лица Эверетта мгновенно изменилось. Мужчина выпрямился и даже не обратил внимание на официанта, который принес напиток. Синие глаза внимательнее посмотрели в лицо друга. Но прочитать их выражение тот, как всегда, не смог. Гнев и насмешка, напряжение и интерес. Все смешалось в холодных глазах Незнакомца, но Ли взгляда не отвел.

— С Офелией? По какому поводу?

— Она не пускает меня к своему пациенту.

— А, — Рамон ощутимо расслабился и даже улыбнулся. — Я бы тоже не пустил тебя к своему свидетелю. Одного ты уже уморил.

— Но ты решил проблему?

Рамон пригубил виски и кивнул.

— Да. Развернул дело по-другому, готовлюсь к слушаниям. В связи с гибелью важного свидетеля нам дали отсрочку в два месяца. Ты, кстати, придешь? Процесс года. Ваш отдел борьбы с наркотиками — или как он там называется — соберется в полном составе. В тщетной надежде, что прокурору удастся меня переиграть.

— Когда слушание? Поставлю себе заметку в перекидной календарь.

Рамон рассмеялся.

— Семнадцатого мая. В два часа пополудни. Чуть больше полутора месяцев осталось.

Целая вечность.

Ли фыркнул и в свою очередь допил коктейль. Ром с колой приятно будоражили мозг. Официант тут же принес добавку.

— Что-то не густо. Я думал, на лето сразу сдвинут. Раз такое дело. Серьезное.

— Видимо, решили, что такому адвокату, как я, не нужно много времени, — проговорил Эверетт. — Тебе надо развеяться и перестать дуться на доктора Лоусон. Она делает свою работу, а ты займись своей.

— У меня тухляк, Рамон, — после секундной паузы сказал Ли. — Единственная радость, Хоул прислал краткую характеристику Стрелка с миллионом оговорок, что она может не на сто процентов соответствовать истине. Мы прошерстили все. Кто и как принес мальчишке записку с датой, мы не установили. Отпечатков нет, свидетелей, как ты понимаешь, тоже нет. Только Милена. Он ни с кем не общался, кроме одноклассников. После того, как мы объявили награду за полезные сведения о Томми Уилсоне, управление завалили дебильными звонками и сообщениями. И даже те, кто встречал его вне школы, ничего полезного не сказали. Обычный школьник. Учеба, студия восточных единоборств. Раньше рисовал, потом бросил...

— Кажется, ты потерял нюх, — прервал его Рамон, сделав рукой неопределенный жест. То ли посылая кого-то, то ли показывая, что весь мир у Андреаса под ногами, и тот мается дурью — Тебе точно надо отдохнуть. Чтобы капитан Ли нес полную околесицу о том, что у него нет зацепок? Ты распутывал ниточки даже там, где их действительно не было. А тут... тут может и не быть дела, поэтому ощущение тухляка. С чего ты вообще взял, что парнем кто-то управлял? Хоул это подтвердил?

— Он это не опроверг.

— То есть, не получив «нет», ты тут же решил, что это замаскированное «да»? Слушай, а не поэтому ли ты так злишься на доктора Лоусон? Она тебе не сказала «нет», ты решил, что это «да», но не получив этого самого «да» не понимаешь, как так вышло, если «нет» не было?

— Я запутался в твоей логике.

— Логика простая. Оставь доктора Лоусон в покое, дружок.

Рамон снова изменился. Лицо помрачнело и замкнулось, в глазах вспыхнул знакомый Андреасу гневный огонек.

— Тебе-то что? Ты спишь с половиной Треверберга.

— Неправильный ответ, — констатировал Эверетт, допивая напиток. — Но это моя вина. Как жаль, рядом нет одного замечательного человека, который смог бы решить твою проблему в два щелчка, но я тоже что-нибудь постараюсь сделать. Я немного разбираюсь в женщинах.

— «Немного»? — расхохотался Ли.

— Немного, — кивнул Рамон. — Поверь мне. Но вот та леди рядом с баром влюбится в тебя с первого взгляда, гарантирую.

Андреас обернулся. Платиновая блондинка с длинными волнистыми волосами, слишком нежными и мягкими на вид для такого цвета, облаченная в короткое платье, изящно наклонилась вперед к бармену, видимо, разводя его на бесплатный коктейль. Он

отметил ее тонкую талию, длинные ноги, музыкальные руки. Она держала мундштук и казалась женщиной из другого мира. Из другого пространства и времени.

— Кто это?

— Мередит Гейбл, популярная радиоведущая. Под ее сладкий голосок ты каждый день едешь на работу.

— Я не слушаю радио, — машинально бросил Ли, с трудом отрывая взгляд от женщины.

— Врешь, — беззлобно проговорил Эверетт, к которому вернулось хорошее настроение.

Официант обновил напитки и принес каждому по салату. Зелень, лосось, оливковое масло, пряности. И никакого чеснока. Мужчины молча перекусили. Рамон вновь погрузился в себя, а Ли занялся поисками того самого внутреннего ресурса, который позволит ему либо отпустить это дело, сбросить его в «глухари» или признаться, что дела нет. Либо заметить что-то такое, на что он по глупости своей внимания не обращал.

Он десятки раз убеждал себя в том, что улик нет. И пора выйти на откровенный разговор с шефом. А потом что-то происходило. Сначала подтверждение ужасного детства, домашнего насилия. Сначала он думал, речь о психологическом давлении. Допрос Хоула вскрыл такое, что Ли потом долго стоял под душем, чтобы горячая вода выбила из головы и тела каждое слово и каждую представленную сцену. Сходилось все. Кроме записки. Да, экспертиза подтвердила, что написал ее сам Томас. Но почему он положил ее в конверт? Почему... На самом деле Эверетт прав. Ли устал и становился профнепригодным. С этим надо что-то делать.

Рамон подозвал официанта, что-то прошептал ему на ухо и дал несколько купюр. Андреас вопросительно посмотрел на друга. Алкоголь наконец пробил крепкую оборону организма темного эльфа, и сознание чуть замутилось. Или в ром добавили что-то еще. Что-то, способное подействовать на темное существо.

— И все же. Какое тебе дело до моих отношений с доктором Лоусон? — чуть заплетающимся языком спросил Ли, не до конца осознавая, что лезет в бутылку. Во-первых, Эверетт ненавидел что-либо объяснять, комментируя, что он достаточно это делает на работе, и в личном общении не обязан. Во-вторых, он никогда никого не предупреждал о своих действиях. И мгновенно выходил из себя, если кто-то наваливался с вопросами.

— А у тебя уже есть с ней отношения? — глухо спросил Рамон, откидываясь на спинку кресла.

— Она мне нравится.

— Эта женщина пользуется популярностью. Сначала Астер. Теперь ты.

— Я не понимаю, Рамон.

— Я уже говорил, Ли. Не лезь к ней. Ты с ней не справишься. Не заставляй меня забыть о нашей дружбе и вытряхивать из тебя дурь менее приятными способами, чем беседа в клубе за бокалом.

Ли разозлился.

— У тебя что, монополия на всех женщин?

Ответить Рамон не успел. К ним подошла та самая блондинка.

— Милый мальчик официант передал мне коктейль от вас двоих, — сказала она, и Ли действительно узнал ее голос. — Спасибо. Вкусный. Я решила поблагодарить лично.

— Это все он, — улыбнулся Рамон, вставая. — Мне уже пора, а мой друг будет счастлив познакомиться с такой великолепной женщиной. Сама Мередит Гейбл. Кто бы мог подумать?

— Приятно. Но я ничего не знаю о вас.

— Я — Рамон Эверетт, — адвокат поцеловал ей руку. — Это мой друг Андреас Ли. Он капитан полиции.

— О!

Женщина больше ничего не сказала. Но по выражению ее глаз Ли понял, что она знает их обоих. Не лично. Но знает. Немудрено. Они часто становились персонажами новостей. Рамон протянул ему руку.

— Мы продолжим в другой раз. Мисс Гейбл, очарован.

Друг испарился, прихватив с собой пальто и оставив на столе несколько купюр, а Мередит заняла его место. Она была пьяна, но не настолько, чтобы это стало проблемой. Легкий флер коктейлей, дорогие духи, откровенное платье и вызывающая поза. Она пришла в клуб с определенной целью, и Эверетт это считал без особого труда. Полицейскому стало почти обидно за то, что он сам не обратил никакого внимания на то, что хочет женщина.

Несколько часов спустя

Андреас Ли глубоко вздохнул, вздрогнул и открыл глаза. Он находился в незнакомой светлой комнате с высокими потолками. Стены были бежевыми. Окно было открыто, и комнату наполнял прохладный утренний воздух. Полицейский безошибочно узнал это время — последние минуты ночи. Скоро рассветет. А это значит, что после клуба домой он не попал. И где же он? Полицейский повернул голову. Женщина из клуба спокойно спала, положив обе руки под щеку. Она казалась настолько спокойной и счастливой, что Андреасу стало не по себе. Память медленно возвращалась. Мередит, так ее звали. Популярная радиоведущая. Рамон приманил ее и исчез. А измученный Ли впервые за много лет пошел за инстинктами. Но как он мог уснуть в чужой постели? Раньше такого не случалось.

Капитан аккуратно сел на постели, распрямляя спину. Мышцы немного болели от непривычного матраса. Кровь побежала по венам, разгоняя ночную скованность.

— Проснулся?

Мелодичный голос Мередит вырвал его из глубокого средоточия. Андреас оглянулся и улыбнулся.

— Мне пора.

— Мне тоже. Будильник зазвенит через пятнадцать минут. Шоу в семь.

— Хочешь еще встретиться или мне исчезнуть? — зачем-то спросил он. Неторопливо выбрался из постели, нашел свои вещи и принялся одеваться.

— У меня есть парень, — сказала Мер, нахмурившись. — Я решу эту проблему и сама тебя найду.

Ли тихо рассмеялся. Появилось желание ее поцеловать, но он сдержался.

— Главное, реши эту проблему так, чтобы мне не пришлось вызывать тебя на допрос.

— Оу! Допрос. Это так сексуально. Особенно, если ты проведешь его лично. С пристрастием. Снимем какой-нибудь отель с не такой нежной обстановкой. Я буду упираться, а ты сладкими пытками добиваться признания. Как тебе такое?

— Звучит заманчиво, — кивнул Ли, уже полностью одетый.

— Тогда до встречи? — негромко спросила Мер.

Ли кивнул.

— До встречи. Когда бы она ни была.

Свою кожаную куртку он нашел спокойно лежащей на полке в коридоре. Влез в ботинки, вызвал такси, воспользовавшись телефонным аппаратом Мередит, и, перекинув куртку через руку, вышел в подъезд. Машину подождать лучше на улице. Можно покурить, подумать, проанализировать происходящее, определить, как распланировать предстоящий день. И проснуться. Мередит, соскочив с кровати, подбежала к двери, чтобы закрыть ее. Посмотрела на Андреаса. Улыбнулась. Потянулась к нему и легко прикоснулась к губам.

— Это было шикарно, — проговорила она и закрыла за собой дверь.

Но Ли услышал скрежет не одного замка, а сразу двух. Стараясь не смотреть на дверь квартиры напротив, он повернулся к лестнице и пошел вниз. Даже не зная, на каком этаже находится. В подъезде приятно пахло цветами и чем-то еще. Было спокойно и тихо. Ему понравился дом, планировка квартиры, большие окна. Оказавшись на улице, он достал сигареты из внутреннего кармана пиджака и закурил.

— Если бы я не видела, как вы вышли из квартиры моей подруги, то решила бы, что вы сошли с ума и решили меня преследовать.

Ли чуть не выронил сигарету. Развернулся. Офелия, облаченная в элегантное бежевого цвета пальто французского кроя держала маленькую сумочку на сгибе локтя, а в руках, затянутых в тонкие перчатки — ключи от машины.

— Вас подвезти? — спросила она с мягкой улыбкой.

Полицейский почувствовал, как проваливается в уже знакомое ему липкое забытье. Но в этот раз он столкнулся не с мечтами о враче. Он вспомнил Эверетта, и мгновенно остыл.

— Я вызвал машину.

Он хотел сказать что-то еще. «Не знал, что вы с Мередит подруги». «Рад вас видеть». «Но я могу отменить такси и поехать с вами». И еще километры ненужной чуши, но не смог произнести ни слова. Женщина стояла рядом, улыбаясь почти надменно. Ее волнистые медовые волосы рассыпались по плечам, еле заметная сеть морщинок вокруг глаз придавала выражение величавой насмешки ее красивому лицу. Но в зеленых глазах он прочитал что-то новое. Очень похожее на то, что вчера увидел в Эверетте. Осознание медленно затопило его.

— Но скорее всего я получу приказ вернуться в больницу и допросить Милену.

Офелия помрачнела.

— Милена вряд ли сможет ответить на ваши вопросы. Приезжайте к одиннадцати. Я все расскажу.

Шесть утра, 15 марта

Харри Хикс встретил друга самой надменной из всего арсенала физиономией. Глава криминалистического отдела, судя по всему, до утра проверял отчеты подчиненных и готовил документы для передачи ребятам Ли, поэтому не выспался, был зол, но выглядел воодушевленным. Андреас не стал заезжать домой. Он направился прямо в Управление в надежде посидеть в тишине в кабинете, пока к нему не пристала Андерсон или другие из команды. Но вместо того, чтобы подняться к себе, он спустился к криминалистам, будто почувствовав, что кого-то из них застанет на месте. Конечно, этим кем-то мог оказаться только Харри.

— Десять! — торжественно сообщил криминалист вошедшему капитану. — Ровно

десять. Все три отчета я лично перепроверил десять раз. Ошибки нет. И тебе это не понравится.

— Начни с самого неважного.

— Беарн умер от жировой эмболии. Повлиять на это не мог никто, мужику следовало более внимательно относиться к своему здоровью. Сначала я думал, что это яд, который подмешали в лекарства, а потом еще расстреляли. Согласись, Эверетт бы прыгал от счастья от такого комбо-удара. Но нет. Всего лишь печальное стечение обстоятельств. Кстати, Ли, твоя докторесса все сделала правильно. Мы проверили даже операционные швы — они идеальны.

— Передам ей при случае. Теперь второе по значимости, — улыбнулся Ли, усаживаясь напротив Харри, который развалился в кресле за огромным столом.

Папки с отчетами громоздились огромными кучами, перекрывая криминалисту обзор. Но когда секретарша или кто-то из сотрудников порывался их разобрать, Харри превращался в сущего демона. Он говорил, что так обеспечивает себе уютный скромный уголок в огромном открытом помещении криминалистического отдела. Шеф управления недолго думал, когда размещал своих сотрудников. Криминалистов посадили на цокольный этаж вместе с лабораторией и микро-моргом, где хранились тела до перевоза их в госпиталь имени Люси Тревер. Но Хикс уже поднял разговор о том, что его десять человек лучших в регионе специалистов теряют мотивацию, находясь в подвале. И что им тоже нужен воздух и свет. Решения пока не поступало, но, зная начальника, Ли предполагал, что скоро ходатайство удовлетворят. Может даже город выделит для этого отдельное здание. Почему, собственно, и нет. Рядом с административным можно было насчитать с десятков подходящих до конца не освоенных и до сих пор не восстановленных после войны одно- и двухэтажных построек.

Было бы круто, если бы они еще сделали спортивный зал, душевые, бассейн...

— Тело твоего Томаса Уилсона тоже чистое.

— Чистое?

— Никакого химического воздействия. Образцовый школьник. Я не нашел даже грамма алкоголя. Не говоря уже о наркоте.

— Какая-нибудь синтетическая дрянь, которая при попадании в кровь мутирует и не ловится твоими химикатами?

Хикс улыбнулся с видом оскорбленного достоинства.

— Наука такого еще не видела.

— У всех ли возможных ученых ты спросил?

— Я, конечно, должен быть вхож во все науки, — усмехнулся Хикс, — но ты-то ближе к той, на которую намекаешь. Давай я дам тебе имя подходящего кандидата, а ты сам с ним поговоришь?

Проблема полукровок заключалась в том, что в конечном счете стать «своими» они могли только в мире людей. Для темных существ они всегда существовали на правах бастардов. Тех, кто портит расу и кровь. И Ли не встречал случаев, чтобы полукровку приняли. Даже семьи одного из родителей. Если бы он сам женился на женщине-человеке, и отец был бы еще жив, то он либо умер бы от удара, либо убил бы сына. Ну или невесту. Позор.

Темный мир традиционен до оскомины.

— Давай имя.

— Так. Ученый. Химик и медик. Есть один товарищ. Я с ним пересекался, и мне хватило. Он руководит одной из лабораторий Астера. Как его. Оскар Мун. Добрейшей души... эльф? Вру, он тоже полукровка, но с детства интересовался темной медициной. И если в Ордене изобрели дурь, которая может изменить сознание и полностью раствориться в крови, он знает.

— А что вы не поделили? — думать об Ордене, могущественной организации, под чью дудку до сих пор плясал весь Темный мир и все темные существа, помимо тех, кто оказался за бортом, не хотелось. Такие, как он, относились как раз к выпавшему из гнезда птенцам, которые каким-то чудом выжили. Ли не принадлежал своей семье (и даже сменил чудесную итальянскую фамилию), Ли не считал себя принадлежавшим к Темному миру как сообществу. Поэтому он и приехал в Треверберг. Треверберг приютил всех их. Чистокровных и полукровок, застрявших на границе миров.

Хикс снова усмехнулся. Взял из маленькой металлической коробочки кусочек жевательного табака и отправил его в рот.

— Бабу. Давно это было. Еще до войны. Я был молод и свеж. Он, кстати, не особо стареет. Если верить газетам.

— А по какому поводу он попал в газеты? — поинтересовался Андреас.

— Ну как. Лаборатория-то взлетела на воздух. А он руководил.

— Хорошо, Харри, я с ним поговорю. На тебя ссылаться не буду.

— Ага, лучше не надо. Они поженились, она родила ему сыночка. Ты, наверное, в курсе? Самуэль Мун — молодой художник. Он сейчас в Вене. Учится у какого-то профессора своей магне.

— А ты маньяк, — после паузы сказал Ли. — Но зато я теперь знаю причину твоего вечно отвратительного настроения. Давай пункт три. Добей меня. И с чистой душой я отправлюсь работать.

— А я спать. Записка. Я велел своим бойцам принести все пишущие предметы, которые найдутся в доме Уилсонов.

— Так.

Капитан Ли наклонился вперед, чтобы не пропустить ни единого слова.

— Я нашел, чем парень ее написал. Вот, — он с видом фокусника-дилетанта выхватил со стола пластиковый пакет с обычной ручкой. — А вот тут, — во второй руке еще один пакет, — чернила, которым это написали. Больше этой ручкой он ничего не писал, берег перо. В основном работал карандашом. А записку с датой намазюкал.

— Ты уверен, что сам?

— Уверен. И тут есть тема для разговора с Себастьяном Хоулом. Записка была запечатана в конверт, на котором обнаружилась пыль и кирпичная крошка. Крошка соответствует кирпичу, который использовался при строительстве административных зданий города. Ну ты знаешь, красный добротный кирпич, из него строили еще в девятнадцатом. Только вот дом Уилсонов из другого материала. Наличие дорожной пыли, кирпича и остатков плесени доказывает, что конверт находился вне дома. Я подозреваю, что его положили в тайник. А потом достали. И вскрыли дома. Но я уверен, что записка была написана дома. То есть, он ее написал. Отнес куда-то. Потом забрал. Судя по состоянию бумаги, пролежала она там как минимум неделю. Но скорее всего дольше, если стена для тайника внутренняя, укрытая от дождя.

— Вещества на записке и конверте могут нам подсказать, где именно находился

тайник?

— Вполне. Вам нужны дома из красного кирпича с известью на яичном белке. Старые дома. Первые городские постройки.

— Где-то между домом и школой.

Хикс пожал плечами.

— Принеси мне примеры крошки с разных зданий в этом периметре. Я тебе точно скажу, на каком искать тайник.

Ли почувствовал себя так, будто выиграл в лотерею. Эйфория ударила в голову и ему пришлось закрыть глаза. Хотя какая-то ниточка. Слабенькая, тоненькая, но настоящая! Найти тайник, понять траекторию перемещений. Иголлка в стоге сена лучше, чем поле с травой без иголлки.

Одиннадцать утра, госпиталь имени Люси Тревер

Проведя шумную планерку и отправив команду на сбор кирпичной крошки, Ли отправился в госпиталь. Команда повозмушалась. Потом догадалась позвонить в краеведческий музей, установить здания, при строительстве которых использовалось яйцо, ограничить список до двадцати зданий (дьявольски повезло) и с радостными впервые со дня расстрела лицами отправиться на улицы. У Ли настроение не испортилось. Пока что. Припарковав автомобиль около здания госпиталя, он на мгновение задумался о том, что лучше ему ничего не знать. Ни о том, что умерли пациенты. Ни о том, что Милена не может ничего рассказать, потому что... сошла с ума. Или тоже внезапно умерла. Ему не нужны плохие новости.

После ночи с Мер что-то изменилось. Дурацкое лекарство Рамона Эверетта сработало. Ли чувствовал себя лучше, почти восстановившимся. А открытия Харри дали надежду. Хотя Андреас и злился на друга за то, что тому понадобилось целых десять дней, чтобы найти мельчайшие частицы кирпича. Он действительно перепроверял все сделанные опыты и тесты. Искал ошибку. Нашел ее. Скорее всего, уволил одного из сотрудников за халатность. Или поставил на самые неприятные тесты. В любом случае разговор с ним дал две ниточки. Дурацкую надежду на то, что в крови Томми Уилсона мог быть наркотик, который обычное оборудование определить не может. И вполне ощутимую информацию про кирпич.

Не стоит говорить Эверетту о том, что он оказался прав. Зазнается, задерет нос. И станет еще невыносимее, чем был.

Себастьян Хоул и Офелия Лоусон встретили полицейского в просторном холле. Психиатр выглядел потрясенным, Лоусон — подавленной. Она собрала волосы в строгую прическу, не нанесла на лицо косметику и казалась совершенно беззащитной. Ли видел ее такой только в ту ночь, когда ее отстранили от операций.

— Мы потеряли вашего свидетеля, — горько сказал Хоул вместо приветствия. — Я не смог ее удержать. Черт возьми, подобное я вижу впервые. Это все было обычной психогенной амнезией. Должно было пройти. Все должно было восстановиться. А вместо этого мы потеряли ее.

— Да что случилось?

— Фуга, — сказала Офелия.

— Фуга?

— Фуга, — повторил Хоул. — Я впервые вижу эту штуку в реальности. У нас нет исследований, нет толковых данных. С подобным диссоциативным расстройством специалисты сталкивались, но редко.

— В чем суть-то? — начал злиться Ли.

— Она пыталась сбежать. Ее задержали охранники, — негромко проговорила Офелия. — Но когда ее вернули в палату, она не узнала ни палату, ни родителей, ни меня, ни Хоула. Теперь она именуется Аркой Уилсон — не спрашивайте — говорит, что должна срочно вернуться на работу в Рим, что подписала контракт и не может оставаться в больнице ни минуты.

Ли медленно сел на скамейку у стены.

— Фуга — это тип диссоциативного расстройства, при котором человек теряет предыдущую личность, получает новую и забывает о так называемой прошлой жизни. Уверен, что все мифы и легенды о переселении душ связан с этим диагнозом, — пояснил Хоул.

— Я все равно ничего не понял. Я полицейский. Не врач.

— Когда человек переживает травмирующее событие, оно может запустить защитную реакцию, сила которой ломает психику и буквально расщепляет личность. В зависимости от сценария, состояния психики, обстоятельств и еще тысяч факторов оно может проявлять себя по-разному. Одно из самых редких явлений — fuga.

— Это все похоже на бред сумасшедшего.

Хоул медленно кивнул.

— Психологи упоминают в своих работах эти расстройства. Но почти никто из них не сталкивался с ними вживую. Мне страшно повезло. И если бы диссоциация была предметом моих исследований, я почувствовал бы себя счастливым. Но сейчас я испытываю лишь одно чувство. И оно деструктивно.

— Вы не виноваты, Себастьян, — Офелия положила ему руку на плечо и тепло улыбнулась.

Ли следил за ними без каких-либо эмоций. Он никак не мог уложить в голове то, что ему сказали. Но понял одно. Двух хороших новостей с него достаточно. Есть одна плохая. Может, найдется что-то еще.

— Хоул, вы можете разговорить ее родителей? Мне нужен дневник.

— Я уже спрашивала про дневник, они не знают, — сказала Офелия, бросив на Андреаса усталый взгляд.

— Поэтому я прошу сделать это Себастьяна. Он психиатр. Он работал с Миленой. Вместе с ее родителями он сможет понять, где она его хранила. И найти его.

Себастьян кивнул.

— Ладно. Займусь.

— Доктор Лоусон.

— Да?

— А что с другими выжившими? Прошло десять дней. Неужели никого?..

Офелия снова помрачнела. Медленно покачала головой.

— За это время умерло еще двое. У нас осталось двое, но они не приходили в себя. Состояние стабильное, но тяжелое. Парень и девушка. Вам описать повреждения?

— Боже упаси, — отмахнулся Ли. — Скажите только, есть ли какой-то шанс, что они придут в себя и смогут что-то рассказать?

— Шанс есть всегда, капитан. Мы делаем все, что в наших силах. Прошу извинить. Оставляю вас с Себастьяном. Меня ждут пациенты.

Глава десятая. Офелия Лоусон

16 марта, вечер четверга

Квартира доктора Лоусон, Треверберг

Мерedit впервые не пила и сидела не на подоконнике, не на столе, а на стуле, изящно скрестив щиколотки. Она грызла кусочек яблока и с мечтательным видом смотрела в потолок.

— Да, я так и сказала. «С добрым утром, Треверберг. А если вы, как и я, этой ночью встретили любовь всей своей жизни, следующая композиция для вас».

Офелия покачала головой и улыбнулась. Она видела подругу в разных состояниях на всех полюсах эмоционального маятника, но никогда Мерedit не светилась изнутри. И никогда не была столь спокойной и трезвой. Она отказалась от вина, попросила чай и фруктов и уже почти час каждой новой фразой приводила доктора попеременно то в восторг, то в недоумение.

— Потом, конечно, приехал Мигель. Я ему сказала, что все кончено. А Андреас не позвонил!

— Не думаю, что он слушает твоё шоу, милая, — улыбнулась Лия. — У него сложное расследование. И скорее всего после тебя он поехал сразу в участок. Не обижайся раньше времени. О чем вы договорились?

— Что я сама его найду. Я думала, что через радио это проще всего! Ведь только идиот бы не понял...

— Тебе помочь?

— Лучше расскажи наконец, как провела выходные.

Офелия поперхнулась вином. Она поставила бокал на стол, откинулась на спинку кресла и помрачнела. Как она провела выходные. Волшебно. Лучше всех. И вместе с тем странно! Рамон пугал ее и манил, и внутри себя она приняла решение, что примет все, что он бы ей не предложил. В эти два дня. Ведь она осталась. Водитель уехал. Она осталась, хотя почти все внутри противилось такому скорому развитию отношений. А он... Ничего не было. Она не провоцировала, а он и не стремился. Они разговаривали. О прошлом, об искусстве, о войне. О том, как она вытаскивала раненных с поля боя. Как впервые столкнулась с тем, что даже высший вампир, питающийся эмоциями, может умереть от потери крови. Как не спала неделями и исколесила всю Европу. Он говорил о своем опыте, об ученых, изобретениях, о вечном поиске и экспериментах, углубляться в которые не стал. Через несколько часов они переместились на шкуру медведя, материализовавшуюся у камина. И там наконец он позволил себе ее обнять. И только. Офелия еще помнила это сладкое ощущение его рук на своих плечах. Его дыхания в волосах. Как простая близость Рамона сняла напряжение, сомнения. Только в этот момент она смогла полностью расслабиться. И уснуть. Она уснула прямо там, на шкуре, согретая теплом мужчины и огня. Уснула глубоко, впервые за долгое время спала без снов и тревог. И, проснувшись, обнаружила, что Эверетт перенес ее в спальню. Но самого его рядом не было.

Они встретились за завтраком. Рамон в глаза не смотрел. Он встретил ее приветливо и вежливо, но Офелия почувствовала, что он отгородился. Бой был проигран. Что-то пошло не так. Она что-то сделала не так, и он решил, что больше не хочет иметь с ней дела. Прощаясь,

он обещал, что придет, как только появится минутка, что неделя предстоит загруженная, и он не может все бросить. Но Лия чувствовала себя так, будто с ней прощаются. И она не понимала, куда делись его пылкость и напор. Она ненавидела его вежливость. И поняла только то, что для нее ничего не изменилось. Она пропала в тот момент, когда губы Незнакомца впервые нашли ее. Когда соприкоснулись их руки, тела и, как она, наивная молодая дурочка, думала, души. Не могла же она нафантазировать себе все это? Офелия хорошо считывала любые эмоции и редко в них ошибалась. Но никогда не имела дел с Незнакомцами. Может, у них все иначе? Может, его пылкость была лишь злостью, а потом он решил, что игра не стоит свеч? Она явно ему не понравилась. Когда мужчине нравится женщина, он не бережет ее, он ее берет или хотя бы пытается. Тем более, когда для этого созданы все условия.

На глаза навернулись слезы.

— Думаю, что он больше не появится.

— Я видела его. Я тебе говорила? Он сидел в «Алой мантии» вместе с Ли.

Офелия посмотрела на подругу, сомневаясь между желанием откусить ей голову и прижать к себе. Говорить о Рамоне было мучительно больно. И сладко.

— Вот видишь. Ходит по клубам, наслаждается жизнью.

— Он не выглядел так, будто наслаждался с жизнью. О чем-то спорил с Андреасом, потом купил для меня коктейль и сказал, что это Ли. Я думаю, они говорили о тебе. И думаю, что твой адвокат дал понять моему полицейскому, что с тобой ему ничего не светит.

Лоусон слабо улыбнулась, допила вино и налила еще.

— Ты просто меня утешаешь. Спасибо, Мер.

— Нет, не утешаю. Ты же знаешь, у меня хороший слух. Да и они особо не скрывались. Эверетт конкретно сказал полицейскому тебя не трогать, я слышала. Ты думаешь, я не узнала их? Узнала. И поэтому не ушла из этого скучного клуба сразу же. Мне стало интересно. Мы с тобой редко говорим о мужчинах, тем более, сразу о двух. А тут такое. Кто бы мог подумать, что мистер Эверетт обеспечит мне такую шикарную ночь. Ты, кстати, не против, что я ...

Лия рассмеялась.

— Все уже сделано. Ли твой. Не претендую. Да и... — она поболтала вино в бокале. — Я не знаю, что мне делать, Мер. Закрывая глаза, я вижу его лицо. Я чувствую его руки на своих плечах. Когда он обнимал меня, сидя на шкуре, я думала, что в этот миг могла бы умереть. Умереть без страха и сожаления. Это было так чудесно. Это было так... невероятно. Я не могу тебе объяснить...

— Ты просто влюбилась, — улыбнулась подруга. — Как чудесно, Лия. Я уж не мечтала, что когда-нибудь увижу тебя такой. Влюбленная Офелия Лоусон. Боже мой. Приходи на мое шоу! Покажем тебя, как диковинку. Ты знаменитость. Страдающая знаменитость — это успех.

Лоусон отмахнулась. Она не умела злиться на подругу. Хоть Мередит была радиоведущей, а не журналисткой, чувством такта она не обладала. И порой ее поддержка выглядела как самое настоящее издевательство, но до сего момента подобное Офелию не трогало.

— Я хочу его увидеть, — чуть слышно проговорила она. Одинокая слезинка скатилась по носу и упала в вино. — Посмотреть в глаза. И понять, что это было. И что будет дальше.

— А ты не думала о том, что он просто тебя уважает? И решил не тащить в постель

сразу, а дать вам обоим время?

Офелия передернула плечами.

— Мне страшно в такое поверить, это было бы слишком хорошо. Любой на его месте...

— Это Рамон Эверетт, детка. Это не твои больные на всю голову доктора, которые женщин видят только на операционном столе. Налей-ка мне. Не могу видеть, как лучшая подруга спивается в одиночестве.

17 марта, пятница

Госпиталь имени Люси Тревер

Доктор Лоусон приехала на работу на сорок пять минут позже. После ужина с Мередит она уснула мертвым удушливым сном и не услышала будильник. Мысли билась о черепную коробку, не давая расслабиться. Она чувствовала себя маленькой девочкой, слабой и глупой, у которой нет никакого житейского опыта, и она пасует перед первыми отношениями. И к позднему вечеру пришла к выводу, что, в общем-то, оно так и было. Те случайные отношения, которые врывались в ее жизнь, не шли ни в какое сравнение. Там было знакомство с телом, с миром чувственных удовольствий. А сейчас впервые кто-то прикоснулся к душе. И если бы ей задали вопрос, что именно в Рамоне так перевернуло ее состояние, Лоусон бы не ответила. Это произошло не на уровне разума. И даже не на уровне чувств. Он был подобен вирусу, который проник в организм, миновал все барьеры, и теперь почувствовал себя королем. Она не могла расшифровать геном, не могла выработать антитела. Она заболела им и не имела никаких средств защиты. Не единого шанса уклониться.

А что если она права? Если она никогда больше...

Сомнения, вихрь мыслей удалось утихомирить горячим душем. Забравшись в постель, она приняла лошадиную дозу снотворного, которая убила бы человека, но оказалась недостаточно мощной для Незнакомки. Офелия надеялась, что сон, как всегда, смоем сомнения и боль, но первой мыслью по пробуждении оставалась мысль о Рамоне Эверетте. О его глазах, словах, руках и том волшебном ощущении покоя, которое он ей подарил. В те блаженные минуты на границе сна и яви Офелия вновь во всех деталях увидела загородную резиденцию. Огромную шкуру, расстеленную на деревянном полу. И двоих. Она лежала, положив голову ему на колени. Он сидел на полу, прислонившись спиной к дивану. Его длинные пальцы перебирали ее волосы, спокойные глаза смотрели в огонь. Он выглядел таким... родным. Сколько они так пролежали? Как быстро она уснула? Если бы она верила в богов, если бы знала, кому молиться, она молилась бы о том, чтобы вернуть это мгновение и остаться в нем навсегда.

В чувства ее привел звонок телефона. С трудом открыв глаза, Лоусон взглянула на часы и замерла. Она опоздала. Ответить на звонок не успела, включился автоответчик. Неприятный в такой час голос Гекаты сообщил, что одна из жертв стрелка пришла в себя. А Милену отправили в психиатрическое отделение. Что Офелию ждет Генри Аркенсон, который дежурил в ночь и перенес одну из операций на утро, чтобы провести ее вместе с начальницей. И что она, Геката, очень хочет ассистировать. И все это в пять тридцать утра! Операция назначена на семь. Времени на сборы, эмоции и сомнения не осталось. Подумав, Офелия вызвала такси и прыгнула в душ.

Она врач. Хирург. Она не имеет права терять ресурс из-за чувств. От нее зависят жизни.

Аркенсон нервно курил, стоя на служебной лестнице. Офелия наспех переоделась и пошла к нему, прекрасно зная его дурацкую привычку травиться перед сложной операцией.

— Разошелся мой шов в груди одной из жертв, — врач намеренно не называл имя парня, которого предстояло оперировать. В это мгновение ему было проще обезличить его, сделать куском мяса, но выполнить свою работу. — Я, старый идиот, не обратил внимание на то, кого оперирую. Было слишком много операций. Непростительная ошибка. А парень чертов полукровка. Или четвертькровка. Нужно было взять другие нити. А эти его организм сожрал до того, как ткани срослись.

— Генри, вы не виноваты.

— Виноват. — Аркенсон посмотрел ей в глаза и нахмурился. — Это первая ошибка такого масштаба. Надеюсь, что последняя. И я даже ни с кем не могу поговорить, кроме вас. В этой больнице темных существ меньше, чем в полиции. Доктор Лоусон, вы просто обязаны с этого момента брать на работу только их. Иначе как мы будем работать? Треверберг — город темных существ ровно в той же степени, сколь и людей. А медицина разная. Вы когда-нибудь вытаскивали из груди вампира пули из храмового серебра?

— Брр, — Офелия протянула руку и ловко выхватила сигарету из пачки, торчащей из нагрудного кармана его халата. Аркенсон молча помог ей закурить. — Я только видела, как они умирают от потери крови. И это было двадцать лет назад. Я никогда не оперировала темное существо и не представляю, что делать.

— Ну в целом все то же самое. За тем лишь исключением, что ни одна человеческая анестезия на них не действует. А другой здесь нет. Как неудобно-то, когда главврач — человек.

— Почему вы не откроете отдельную клинику для темных существ? — выдохнув дым, спросила Лоусон.

Аркенсон посмотрел на нее с немым удивлением. Он молчал почти минуту прежде, чем ответить.

— Я не думал об этом. Да и странно будет. Как мы отфильтруем людей? Все эти секреты и странности меня утомили. Почему мы просто не можем действовать открыто? Говорить, как думаем, работать в полную силу? Почему мы должны их защищать от правды?

— Потому что в конечном счете мы защищаем себя? — спросила Офелия. — Пойдемте залатаем мальчика.

— Психика человека слишком хрупка, доктор Лоусон, — с горькой усмешкой проговорил хирург. — Девка сбежала в фугу. Где гарантия того, что остальные выжившие не поедут крышей?

— Может, как раз наш четвертькровка окажется стойким солдатиком?

Офелия мягко потрепала высокого врача по плечу и ободряюще улыбнулась ему. Она надеялась, что ни в этой жизни, ни в следующей, ей не придется вытаскивать пули из груди темного существа. Когда не знаешь, что лучше, его чудовищная боль, потому что снять ее не может ни одна доступная в больнице химия, или беспомощность, за которым следует смерть.

Геката уже ждала их в стерильной комнате, полностью готовая. Аркенсон с удивлением посмотрел на Лоусон.

— Вы позвали ординатора? Зачем?

— Я не звала.

— Но я давно не оперировала. Я старший ординатор, и меня завалили бумажной работой! Позвольте мне остаться!

Геката сделала жест, напоминающий попытку сложить руки в молитвенном жесте, но ладони друг к другу не прикоснулись — она помнила про стерильность. Аркенсон поджал губы и молча пошел к раковинам, чтобы отмыть руки и подготовиться к операции. Офелия вздохнула.

— Оставайтесь, но к столу подойдете только если ваша помощь действительно понадобится. А это определит доктор Аркенсон, это его операция.

Генри обернулся и бросил на Офелию благодарный взгляд.

— Раньше мы учились, не приближаясь к пациенту. Нам разрешали только смотреть. Посмотрите, доктор Штиль, как работают профессионалы. И учитесь. Если что-то случится вы обязательно поучаствуете.

Подумать о том, с чего вдруг между этими двумя пробежала черная кошка, Лоусон не успела. Ее мысли уже были заняты предстоящей операцией. Сердце стучало размеренно и мощно, плечи распрямились, а откуда-то из глубины поднялось мрачное спокойствие хирурга.

Вечер того же дня

Госпиталь имени Люси Тревер

Три операции за двенадцать часов нельзя было назвать рекордом для Офелии. Но с учетом ее состояния и преследований со стороны журналистов и полиции, это можно было назвать серьезным результатом. Аркенсон провел только первую, на нее ушло ровно три часа. Швы действительно разошлись, открылось опасное кровотечение, сердце не справлялось, и мальчика пришлось «завести», но сейчас он уже был вне опасности. Лоусон не озвучивала, но думала, что вскоре он придет в себя. Гекату Штиль, которая во время операции вела себя превосходно и во всем старалась угодить то одному хирургу, то другому, доктор Лоусон допустила до следующих операций. А Аркенсон, проведший на ногах более сорока часов без передышки, уехал домой отсыпаться. Несмотря на то, что они работали вместе уже несколько лет, Офелия понятия не имела ничего о его личной жизни, он никогда не говорил ни о семье, ни об увлечениях. Единственное, что она знала точно: Генри был темным эльфом. А это значит, что и лет ему скорее всего не сорок пять, и зовут его по-другому. Его слова о необходимости действовать открыто, женщину озадачили. Она никогда не думала об этом в таком ключе. Но мысль о том, что госпиталю и врачам было бы намного проще, если бы главврачом стал не Дональд Астер, а кто-то, прекрасно видящий и понимающий оба мира, казалась правильной.

Мысли о Дональде удовольствия не принесли, и Офелия нырнула с головой в следующую операцию. А потом — еще в одну. С мальчиком оставили сиделку до утра. Остальные прооперированные пациенты отправились в реанимацию до возвращения в сознание, а Лоусон закрылась в кабинете и не могла найти в себе сил, чтобы отправиться домой. Нужно было вызвать такси, выкинуть букет Рамона, который тот подарил на прошлой неделе. Разобрать бумаги. Подбить истории болезни и просмотреть программу интернатуры. Дел было много, а сил почти не осталось. Офелия поняла, что прошедшая неделя измотала ее окончательно. Она стала плохо спать, почти не восстанавливалась. Эмоции людей казались тлетворно кислыми, а мысли, куда бы она их ни направляла, возвращались к выходным. На самом деле она герой. Целых пять дней прошло. А она ничем не выдала своего состояния. Только Мередит знала, что на самом деле она чувствовала.

Подумав, она решила, что административную работу возьмет в понедельник, а сегодня нужно заехать домой, купить вкусной еды, принять горячую ванну и хорошенько выспаться. На выходные можно уехать. Например, в Прагу. Почему бы и нет, она там давно не была. Офелия позвонила на ресепшн и попросила медсестер вызвать ей такси, переделалась в гражданское, взяла сумку, выключила свет и вышла из кабинета под белые лампы больничного коридора. Она спустилась на первый этаж и остановилась у стойки администратора. Сегодня дежурила Диана, молодая женщина лет тридцати с добрым круглым лицом и спокойным нравом.

— Доктор Лоусон, машина еще не приехала. У них там какие-то накладки. Сделать вам чай?

— Нет, спасибо, я подожду.

— У нас все спокойно, — продолжила администратор. — Травм сегодня немного, цейтнота у приемного отделения нет. Все успокоилось по сравнению с тем, что творилось... ну, вы помните.

Офелия улыбнулась, положив руки на стойку и полностью развернувшись к Диане, которой явно хотелось с кем-то поговорить.

— Здесь так всегда. То тихо и спокойно, то все бегают и не знают, за что братья.

— Доктор Астер запретил пускать журналистов, — грустно сказала Диана. — Только сегодня выдворили пятерых. Они как-то проню... прознали про то, что случилось с мисс Огневич. И пытаются получить эксклюзив. Доктор Хоул сильно ругался, когда к нему на парковке пристали телевизионщики.

Офелия изогнула бровь.

— Не думала, что все настолько серьезно.

И не думала, что Себастьян способен «сильно ругаться».

— Доктор Астер велел вас не беспокоить, даже если искали бы лично вас. Он сказал, что вы заняты. И на журналистов времени нет.

Какая забота.

— Если кто-то будет спрашивать меня, отправляйте к Марте. Вдруг за мишурой шумихи вокруг расстрела появится кто-то из интересных изданий и с интересным запросом...

— Мне тоже стоит записаться на прием через вашу ассистентку?

Диана охнула, а Офелия похолодела. Ее тело будто сковало чужой волей, сердце остановилось, она перестала дышать. Медленно, слишком медленно она повернула голову и увидела Рамона, который остановился справа от нее. Мужчина был одет в строгий темно-синий костюм, белая рубашка, верхние пуговицы расстегнуты, галстука нет. Волосы небрежно падали на лицо, сегодня он их не зачесал, но под синими глазами залегли тени.

— Смотря по какому вопросу вы хотите со мной поговорить, мистер адвокат, — собрав волю в кулак, спокойно ответила она.

— У меня очень важный вопрос. И если вы освободились, я позволю себе наглость предложить переговорить прямо сейчас.

Офелия посмотрела на Диану с надеждой, что та изобретет срочное дело и нужно будет уйти. Но женщина неправильно истолковала этот взгляд. Улыбнувшись и смерив Эверетта плотоядным взглядом, она подняла трубку телефона.

— Я отменю такси, доктор Лоусон. Хороших выходных!

Офелия вернула ей улыбку, кивнула и развернулась к Эверетту. Тот выглядел уставшим. Таким же уставшим, как она сама. Он поднял локоть, безмолвно предлагая ей взять его под

руку. Подумав, она перекинула сумку на другую сторону и положила ладонь ему на предплечье, пропустив руку в образовавшееся кольцо. Рамон тут же прижал ее к своему боку и чуть заметно улыбнулся. Они молча вышли из больницы. Офелия чувствовала на себе взгляды пациентов и сотрудников. Внешность, рост и манера адвоката держаться мгновенно приковывали к нему внимание. И сейчас от этого ей стало неуютно. Выбравшись на воздух, Эверетт посмотрел на нее. Они отошли в сторону от входа, чтобы никому не мешать. Он отпустил ее руку, сделал шаг, чтобы выровнять дистанцию и иметь возможность спокойно смотреть ей в лицо.

— Ты голодна?

Она молча кивнула.

— Поужинаешь со мной?

Снова кивнула, стараясь не анализировать происходящее, а просто позволить ему развиваться.

Он снова подал ей руку и направился через парковку к аккуратно стоявшей в стороне машине жемчужно-белого цвета. Не без удивления Офелия увидела фигурку ягуара на капоте и улыбнулась. Рамон открыл ей дверь возле пассажирского сидения, помог сесть, обогнул автомобиль и занял водительское кресло. Завел мотор. В салоне приятно пахло деревом, табаком и чем-то еще. Офелия поставила сумку на колени, жалея, что она такая маленькая, пристегнулась и машинально отодвинулась ближе к двери. Если Рамон и заметил этот жест, то ничего не сказал. Он снял машину с ручного тормоза, переключил передачи и мягко вырулил с места, огибая нестройные ряды автомобилей. Через минуту они оказались на шоссе, примыкающем к госпиталю, и мужчина направил автомобиль в сторону старой части города. В автомобиле было тихо и спокойно. Хотя, наверное, дело не в автомобиле. Офелия старалась сдерживать дыхание, чтобы он не понял, насколько она взволнована. Старалась держать дистанцию, чтобы он не увидел, как сильно ей хочется к нему прикоснуться. Тысячи глупых мыслей теснились в ее голове. Но по мере того, как автомобиль удалялся от больницы, Офелия расслаблялась.

— Я выбрал ресторан в старой части. Им владеет мой добрый знакомый. Там отменно кормят и есть прекрасные закрытые комнаты, где никто не будет нам мешать, и мы сможем спокойно поговорить.

— О чем ты хочешь поговорить?

Рамон притормозил на светофоре и внимательно посмотрел на нее.

— О нас.

— Вот как.

Зажегся зеленый, и адвокату пришлось оторвать взгляд от ее лица и перевести на дорогу. Он пригладил волосы нервным движением, вернул правую руку на руль, а левую положил себе на колено. В кресле он сидел чуть откинувшись назад, положив затылок на сидение и смотря на дорогу сверху вниз. Он выглядел расслабленным и спокойным, но Офелия чувствовала, что это не так. Он тоже переживает и волнуется, и тоже инстинктивно отгораживается от нее. Он закрылся рукой вместо того, чтобы сделать такой же жест, но зеркально. Костяшки пальцев на руле побелели. Нужно было войти в крутой поворот, и Рамон взял руль левой рукой, переложил правую на рычаг переключения коробки передач, сбросил скорость, вырулил на новую траекторию и снова успокоился, разогнав машину до четвертой скорости. По прямой.

— Неделя была сложной во всех отношениях, — через некоторое время снова заговорил

он. — Я должен извиниться.

— Это входит у тебя в привычку.

Его губы дрогнули в грустной улыбке. Он на мгновение прикрыл глаза, но к ней не повернулся.

— Когда ты уснула там, у камина, я смотрел на тебя, гладил по волосам и думал о том, что не хочу повторить сценарий, к которому привык. Я не хочу коротких и ярких встреч, не хочу сменить тебя на другую на следующий день. Я думал о том, что происходит странное. Непонятное и непривычное мне. И, как я увидел, и тебе тоже. То, что требует времени. Скажи мне, Лия, что почувствовала ты?

От того, что он не смотрел на нее, вынужденный следить за дорогой, Офелия ощутила себя на сеансе психоаналитика. Обнаженная, беззащитная, она должна была так сходу рассказать о своих чувствах. Стало жарко. Она спустила сумку под ноги, поняла, что это не удобно, повернулась в кресле, положила ее на заднее сидение и воспользовалась моментом, чтобы посмотреть на него. Изучить его профиль. Прямой и гладкий лоб, волнистые волосы, чуть прикрывавшие уши. Она видела аккуратную мочку, четко очерченную скулу и линию подбородка и губы, которые сейчас были упрямо сжаты. Плечи опущены, взгляд собран. Руки на руле чуть дрожат. Снова нужно было сбросить скорость, и он отточенным жестом положил ладонь на рычаг коробки, почти коснувшись ее.

Офелия отпрянула и улыбнулась, понимая, насколько комично смотрится ее реакция сейчас.

— Там у камина, — чуть сиплым от волнения голосом начала она. — Я чувствовала себя самой счастливой.

Он улыбнулся. Из ниоткуда вынырнуло старинное здание с деревянной вывеской. Об этом ресторане Офелия слышала. Дорогое заведение «для своих». Рамон припарковал машину, молча вышел из нее. Снова обошел перед капотом, открыл пассажирскую дверь и протянул руку. Женщина вложила свою ладонь в его и оказалась рядом. Мужчина не отстранился. Свободной рукой он поправил прядки ее волос, упавшие на лицо, мимолетно коснулся щеки и улыбнулся.

— Это правда? То, что ты сказала.

Она медленно кивнула, не отводя от него глаз.

— Поужинаем?

Снова кивок. Рамон отдал ключи от автомобиля швейцару, пропустил даму вперед и вошел в ресторан. Хостесс расплылась в улыбке, проводила их в вип-комнату, что-то оживленно щебеча. Эверетт разговора не поддержал, чем, кажется, обидел девушку, а Офелия даже не слышала, что та говорит. Она заняла свое место за небольшим деревянным столом и вздохнула спокойно только тогда, когда дверь закрылась.

Стол был сервирован. Адвокат помог ей сесть, опустился напротив. Разлил по бокалам легкое вино.

— Я отослал официантов. Не хочу, чтобы на мешали, — проговорил он, открывая крышки блюд, над некоторыми из которых поднялся пар. Видимо, их только что приготовили и принесли сюда. — Есть несколько правил, которые я не нарушаю уже многие сотни лет. И которые хотел бы сохранить.

«Многие сотни лет». Офелия спокойно следила за тем, как он положил в ее тарелку брускетту с лососем, подняла бокал с вином и замерла, ожидая, пока он закончит фразу. Рамон в свою очередь взял напиток.

— Но прежде, чем мы их обсудим... спасибо, что согласилась со мной поужинать.

Она ответила улыбкой. Слов не было. Ей и в голову не пришло отказаться. Она извела себя гаданием, что случилось. И, кажется, он ответил на этот вопрос. Или нет? Как бы там ни было, сегодня решится все. Ей стало предельно спокойно.

Они сделали по глотку вина, опустили бокалы на стол. И принялись за ужин. Несколько долгих минут они ели в молчании. Каждый думал о своем, каждый готовился к разговору. Но это молчание не было напряженным или тревожащим. Просто диалог. Просто обсуждение деталей.

— Ты хотел рассказать про правила, — некоторое время спустя, разделавшись с брускеттой и салатом, напомнила Офелия.

Они переставили пустую посуду на вспомогательный столик, и Рамон откинулся на спинку кресла, в котором сидел.

— Я стараюсь есть в одно и тоже время и только качественную пищу. Во-первых, она мне нравится, во-вторых, она меня насыщает. Как и многое другое.

— Режим.

— Именно. Во-вторых, я всегда сплю на полу. На тонком матрасе. Поэтому ты проснулась одна. Не только поэтому, — поправился он, — но и поэтому тоже.

— Как солдат?

Он слабо улыбнулся.

— Когда-то я был воином и много путешествовал. Привык спать на земле, в шатрах. Перины ничего, кроме дискомфорта мне не приносят. Так сформировалось это правило. И оно стало одной из основ моей теперешней жизни.

Она пожала плечами.

— Хорошо.

— Я не воспользовался тем, что ты оказалась в моей власти, — на этих словах Офелия вспыхнула, — потому что это было бы неуважительно. Этот шаг бы лишил нас будущего. Когда я звал тебя туда, думал иначе. Проведя с тобой весь день, понял, что не смогу.

— Не сможешь что, Рамон?

Его синие глаза остановились на ее лице.

— Обесценить все происходящее.

— А что происходит?

— Ты специально? — усмехнулся он. — Заставляешь меня проговаривать то, что уже давно поняла. Это месть?

Она улыбнулась. Примирительно подняла руки.

— Когда ты отправил меня домой, я решила, что сделала что-то не так. Что тебе что-то не понравилось. И испугалась, что больше никогда тебя не увижу.

Побледнев, он поднялся с места, подошел к ней и заставил встать, взяв за руку. Офелия медленно поднялась и остановилась, замерев. Он положил руки ей на плечи, тихонько сжав их, наклонился вперед, но не поцеловал. Вместо этого привлек к себе и запустил пальцы в ее волосы, окончательно разрушая и без того потрепанную прическу.

— Я не знаю, что произошло между нами, — чуть слышно проговорил он. — Но я больше тебя не оставлю.

Она закрыла глаза, растворяясь в его силе. А потом чуть отстранилась, поднялась на цыпочки и поцеловала в щеку, с наслаждением прижавшись губами к его гладковыбритой коже. Рамон подался вперед. Нашел губами ее губы. Отпустил. Улыбнулся, заглянув в глаза.

Поцеловал снова.

Офелия молчала. Она почувствовала, что в уголках глаз собрались слезы. Облегчения ли. Радости ли. Или, может быть, невыраженного напряжения. Руки мужчины поднялись к ее лицу. Большими пальцами он убрал слезинки и, наклонившись, поцеловал. Уже по-другому. Нежно и трепетно, будто держал в руках редкий цветок.

— Просто будь честен со мной, — получив свободу, сказала она. — Честность во всем — мое единственное правило.

Он улыбнулся.

— Я пропал не потому, что мне что-то не понравилось. Мне нужно было время, чтобы разобраться в том, что я чувствую. Решить, что делать. И было очень много работы. Как и у тебя.

— Разобрался?

— Иначе бы не приехал.

— И что ты решил?

— Что мне чертовски хочется уехать с тобой на эти выходные. Но не в резиденцию или в рестораны. Я хочу уехать из города и разделить с тобой другой мир.

Лия рассмеялась.

— Куда же мы поедем?

— Я давно не был в Париже. А ты?

Она потрясенно отстранилась.

— Париж? Нам хватит выходных?

— Верну тебя в целостности и сохранности в понедельник, обещаю.

Глава одиннадцатая. Офелия Лоусон

18 марта, воскресенье

Париж

— Я тебя обманул, — улыбнулся Рамон, заглядывая в бокал с рубиновым вином.

Офелия ответила на улыбку. Они сидели в ресторане, уставшие после долгой прогулки, но довольные друг другом и городом. Суббота пролетела незаметно, в отеле мужчина снова оставил ее в одиночестве, учтиво и вежливо поцеловав на ночь, но теперь эта игра доставляла удовольствие. Ведь она знала, что он специально, возможно, из последних сил, оттягивает момент, когда позволит себе все. Да и вчера она явно не была готова... ни к чему. Из Треверберга они доехали до аэропорта в Праге за четыре часа. Рекорд для местных дорог. Билеты в бизнес-класс уже были куплены. Лоусон даже не удивилась, что адвокат достал все необходимые для этого данные. И знал о ее привычке носить паспорт с собой. Он вообще много о ней знал. Таких вещей, о которых обычно не распространяются. Ее не удивил бизнес-класс. И то, что в отсеке, помимо них и юноши-стюарда, никого не было. Рамон следил за каждым ее движением. Он был немногословен и собран. Через тридцать минут после взлета извинился, сказал, что у них есть еще час, и он должен поработать, а потом достал из откуда-то взявшегося дипломата бумаги и углубился в их изучение. Офелия, растревоженная этим путешествием и предвкушением, через некоторое время успокоилась и задремала. Проснулась она уже от прикосновения стюарда, который сообщил, что самолет садится. Эверетт сидел в своем кресле напротив нее и изучал небо в иллюминатор. Его взгляд был мрачен и мглист, но заметив, что Офелия смотрит на него, он смягчился.

Из аэропорта их привезли в огромный отель, похожий, скорее, на средневековый замок, где Эверетт снял президентский люкс, в котором легко могло разместиться десять человек. Выделил для себя небольшую комнату, куда Офелия заглядывать не стала. Ее оставил в спальне. Она не решилась сказать, что тоже не может спать на мягком, поэтому дождалась, пока он отправится к себе, изучила строение своего матраса и с наслаждением убрала перину, которая оказалась просто накладкой. Аккуратно ее свернув, спрятала в шкаф, который находился тут же, застелила простыню. Эксперимент не привел к желанному результату, но спать в отеле на полу ей показалось странным, и наутро она мучилась от боли в спине.

Дальше был великолепный завтрак, Лувр, «Мулен Руж», ужин и снова сон. Они много разговаривали, постепенно узнавая друг друга получше, и женщина ловила себя на мысли, что не может поверить в происходящее. Еще тяжелее было довериться собственным ощущениям. Будучи ученым, пусть и врачом, доктор Лоусон не верила в любовь с первого взгляда и в целом не стремилась к изучению материи любви. Она понимала, насколько хрестоматийны ее чувства. Сначала ненависть на грани презрения, потом ужас и страх, потом влечение и наконец то, что она испытывала сейчас: абсолютную гармонию. Будто они всегда друг друга знали. Рамон по-прежнему ее пугал. Особенно, в моменты, когда уходил в себя или общался с кем-то другим. С обслуживающим персоналом или случайными знакомыми. Он менялся, показывая другое лицо. То лицо, с которым ей пришлось столкнуться, когда умер свидетель. Лицо существа, которое не копит обиды. Оно просто убивает обидчика. И что-то подсказывало, что это не метафора. Хотя сейчас, когда он сидел

напротив нее в белой рубашке с аккуратно расчесанными волнистыми волосами цвета горячего шоколада, она могла думать только о том, как он красив и как, черт возьми, рядом с ним спокойно. Потому что она в его периметре. А он — в ее.

— Обманул? — повторила она, чтобы заставить его продолжить.

Адвокат пригубил вино, поставил бокал на стол и серьезно посмотрел ей в глаза.

— Мы прилетели сюда не только, чтобы оторваться от мира и побыть друг с другом. У меня назначена важная встреча. В этом ресторане. Через десять минут. Наверное, стоило тебя предупредить. Но я подумал, что лучше...

— Все хорошо, — улыбнулась Лия. — Мне кажется, я прекрасно понимаю, с кем связываюсь. У меня с собой черновик статьи для «Ланцета». Я тоже с удовольствием поработаю.

Рамон неожиданно встал. Обогнул стол, наклонился к ней и поцеловал. Она вздрогнула от неожиданности и положила руки на его, сжавшие ее плечи, пальцы.

— Почему ты не достала этот черновик раньше? — прошептал он, не отстраняясь и глядя ей в глаза.

— Не было возможности. Но это не значит, что мне не удалось уделить ему несколько минут. Или чуть больше.

Эверетт медленно выпрямился. Хотел сказать что-то еще, но не успел. Судя по тому, как изменилось его лицо, в ресторан вошел кто-то еще. Офелия прикрыла глаза, наслаждаясь этим коротким мгновением близости. Она обманывала сама себя. Легкость и естественность нахождения рядом с ним — маска. Под которой пряталась буря. Дикая буря эмоций, которую она магическим образом загнала в это ощущение «родства». Когда он наклонился к ней и поцеловал, ее не прострелило, как это произошло на дне рождения Дональда. Случилось другое. Ее окутал его эмоциональный запах. И это ощущение нельзя притупить. Она уже переживала такое. И тогда, в кабинете, после комиссии, когда он извинялся. И она еще не знала, как быстро переменится ее мнение о наглом адвокате. И во время танца. И даже в пятницу, когда он материализовался в клинике будто бы из ниоткуда. И сейчас. Ей хотелось коснуться его. Но нет. Настроение изменилось. Даже запах изменился. Рамон бросил на нее короткий, но полный обещания и, кажется, благодарности, взгляд. Поправил манжеты рубашки.

— Добрый вечер, — поприветствовал он кого-то. Офелия не видела его, но почувствовала спиной присутствие еще одного Незнакомца. Времени осознать, что же он из себя представляет, Рамон ей не дал. Он жестом пригласил мужчину пройти в вип-залу, которую оставили специально для них, а сам вернулся к Лие.

— Тридцать минут, — сказал он. — И у тебя есть право на одно желание.

Она улыбнулась. Как легко и естественно улыбаться в ответ на его слова. Или действия. И приятно смотреть в глаза. Даже сейчас, когда они снова холодны и собраны.

— Я буду здесь.

Рамон коротко кивнул, подхватил со стола бумаги и мягкой походкой ушел. Офелия не обернулась ему вслед. Она действительно достала из сумки черновик статьи, остро заточенный карандаш и принялась за работу, не до конца осознавая, что просто читает текст и не понимает его содержания. «Ланцет» запросил у нее статью о последних наработках в области кардиохирургии еще полгода назад, но доктор предпочитала оперировать, а не сидеть в кабинете, поэтому за шесть месяцев у нее родился только подробный план. Она даже думала привлечь Гекату Штиль к соавторству, сказать, что писать и делегировать само

написание, но после последних разговоров о ней с Астером передумала. Лия до конца не понимала, что чувствует по отношению к излишне активной Гекате, но желание давать ей фору или позволять пользоваться ее именем для построения собственной карьеры отпало. К тому же Штиль не проявляла таланта в научных изысканиях. В операционной она была хороша. Но если попадался случай, с которым они раньше не сталкивались и который не был описан в учебниках, Геката впадала в ступор. Она не готова как идти в науку, так и выпускаться из ординатуры.

Но ничего. Административная работа отнимает у нее слишком много времени. Надо поговорить с ней и спросить, чего она хочет. Руководить в клинике. Или оперировать. Сочетать практически невозможно. Сама Офелия неплохо справлялась с управлением людьми, но все, что касалось бюрократии, приводило ее в бешенство.

Лоусон с трудом поборол желание пересесть, чтобы видеть дверь вип-залы, куда удалились мужчины. Она и так вычерпала лимит проявления женской глупости. Или как это называется. Заказав официанту крепкий кофе, женщина сосредоточилась на статье.

Она очнулась только тогда, когда Рамон прикоснулся к ее плечу.

— Позволь представить тебе, — с улыбкой проговорил он, завладев ее вниманием. — Мой друг Филипп Орле. Филипп дипломат, живет в Париже уже много лет. Мы давно не виделись, и я взял на себя смелость включить в наше путешествие встречу с ним. Филипп, это доктор Офелия Лоусон.

Офелия подняла глаза на обоих. Позволила месье Орле поцеловать ей руку, сопровождала этот жест вежливой улыбкой, ловя себя на мысли, что она будто бы знает его. Стойкое ощущение дежа-вю затопило ее с головой, когда он поднял глаза и оглядел ее лицо. Она точно не видела таких глаз. Никогда. Янтарно-волчьих, холодных, как у любого бессмертного существа, но с такой внутренней бездной, которую не у каждого встретишь. Волосы то ли каштанового, то ли медного цвета. Но волосы любой Незнакомец может сменить. А вот глаза — нет. Знакомым было что-то другое. Жесты? Взгляд? Какие-то черты лица? Совпадение на подкорке. Она точно никогда с ним не встречалась.

В этой жизни.

Мужчина отпустил ее руку ровно в тот момент, когда этого требовал этикет. Рамон не двигался, стоя рядом с ней и смотря на месье Орле.

— Рад знакомству, — проговорил он. — Рамон сказал, что у вас остался всего один вечер в Париже, поэтому не буду вам мешать наслаждаться городом.

Он говорил по-французски безупречно. Но с чуть традиционной манерой. Будто учился на академической литературе. Будто... сколько ему лет? Он ощущался вроде бы моложе Рамона, но глаза говорили об обратном. В них отражалась настоящая вечность, будто перед ней стояло существо, которое видело момент сотворения мира. Внезапно перед внутренним взором встали обрывки снов, которые мучили ее последнее время. Пришла странная мысль. Это человек из сна?

Еще более странная мысль. Это существо из прошлой жизни?

Наваждение прошло, когда Рамон нежно коснулся ее плеча. Только в этот момент она поняла, насколько напряжена и как внимательно и остро смотрит на Орле.

— Был рад увидеться. Ждем в гости в Треверберг.

Мужчины обменялись рукопожатием, а Офелия замерла, глядя в пустую чашку из-под кофе. Почему она подумала о прошлой жизни? Почему вспомнила про сны? Что с ней происходит? Она не заметила, как Рамон опустил на свое место, подозвал официанта,

расплатился, оставив щедрые чаевые, и теперь смотрел на нее с выражением вежливого любопытства и озабоченности на лице.

— Я обещал тебе желание, — проговорил он, заметив, что она смотрит на него в упор.

— Пройдемся?

Он кивнул, подал ей руку. Офелия молча приняла ее, оглядела стол, убедившись, что черновики статьи спрятаны в сумку, а сумка висит на сгибе свободной руки. Попыталась улыбнуться, но не получилось. Она будто подобралась к очередной загадке внутри самой себя. Что-то заметила. Такое, что не бросалось в глаза, что казалось неважным. Она впервые задумалась о том, что ровным счетом ничего не помнит ни про то, как ее обратили, ни про то, как выживала. Она появилась будто сразу с определенным опытом и историей.

Рамон коснулся ее щеки.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

— Сложная статья, — ушла от ответа Лия. Она не может ему рассказать ничего, пока не поймет происходящее с ней сама. — Малоинвазивная кардиохирургия сейчас кажется чудом. А я верю, что это не просто возможно. Через пятьдесят лет это станет нормой. Нужно просто чуточку разогнать технологии. Диагностику. Операционные. Уверена, что в Отделе Наук в Ордене уже умеют делать такие операции. Но мы здесь не можем пользоваться магией.

Если Рамон и не поверил ей, то виду не подал. Они дошли до швейцара, получили верхнюю одежду. Адвокат помог ей справиться с пальто, оделся сам. Они вышли на странный парижский воздух, и Офелии стало немного легче. Тревога улеглась. Со снами надо разбираться с психоаналитиком. Интересно, а есть ли психоаналитики-Незнакомцы. По идее они слишком не сдержаны и неспособны вести такую деятельность. Но, с другой стороны, есть же вампиры-эмпаты. Довольно стабильные и любопытные, кто мог бы обратить свой взор на феномен психики темного существа. Воистину, не будь она хирургом, стоило пойти в психологию или психиатрию.

Они брели в сторону гостиницы, где остановились. Офелия держала Рамона под руку и думала о своем. Он молчал, тоже погруженный, как она понимала, в рабочие дела. Встреча с Орле хоть и была короткой, определенно стала емкой, и мужчине нужно было подумать. Как и ей. Они шли по Парижу так, будто прожили вместе целую жизнь. От этой мысли снова стало трудно дышать. Офелия улыбнулась, и в нее потоком хлынули все чувства, которые померкли в присутствии Орле. Она резко остановилась, заставив Эверетта сделать то же самое. Тот удивленно посмотрел на нее, но ничего не сказал. Офелия положила руки ему на ворот пальто, приподнялась на цыпочки. Разгадав нехитрый маневр, Рамон наклонился, позволив себя поцеловать, обнял ее за талию и привлек к себе.

— Пойдем в гостиницу, — шепнула она ему на ухо. И опустила на каблуки. — Может, такси?

В отеле Рамон первым делом отнес дипломат с бумагами в свою комнату. Потом убедился, что Лия уютно устроилась на диване и взяла книгу и ушел в ванну. Офелия, которая за время их недолгого путешествия успела понять, что же все-таки она хочет от этого вечера, выдержала несколько минут, убедилась, что он дверь за собой не закрыл, наспех скинула лишнюю одежду, убрав ее в шкаф, распустила волосы, взяла мягкий халат и замерла около входа в ванную комнату. Сердце стучало, как у восемнадцатилетней девушки, которая впервые осталась с мужчиной наедине. С учетом того, что она Незнакомка, ее опыт

в амурных делах вряд ли был более богат. В любом случае она никогда не испытывала такой сложной гаммы чувств, как с Рамоном. И она никогда не делала первый шаг. Тем более такого характера, как собиралась сделать сейчас.

Мягко толкнув дверь, она проскользнула в ванную. Рамон лежал в воде, положив голову на мягкую подушечку. Тонкие нервные руки на резных перилах. Над водой поднимался пар. Рядом с огромной, рассчитанной как минимум на двоих, ванной из белого мрамора стоял стул с подлокотниками. Небрежно брошенный Рамоном халат свисал с высокой спинки, касаясь мраморного пола. Офелия закрыла за собой дверь. Та тихо щелкнула. Пальцы адвоката вздрогнули, но головы он не повернул. Женщина замерла, не понимая, сбежать ей лучше или остаться. Она жалела, что не догадалась выпить вина или чего-то такого, что пробьет защиту бессмертного существа, снимет страх. С другой стороны, чего ей бояться. Что он...

Оборвав мысли, Офелия поспешно подошла к ванной и села в кресло, не решаясь поднять на него глаза. По телу пробежала долгая и горячая волна, когда он прикоснулся влажной рукой к ее пальцам, судорожно теребившим халат. Послышался плеск воды. Рамон сел в ванной и теперь смотрел на нее. С каким чувством он на нее смотрит? Офелия поняла, что краснеет. Ей не хватало воздуха, а тут было нечем дышать. Устроил настоящий хамам!

Он протянул руку, коснулся подбородка и заставил ее посмотреть ему в лицо. Женщина покорилась, но глаза не открыла. До нее донесся тихий смех, но Рамон по-прежнему ничего не говорил. Он провел большим пальцем по ее губам, скуле, убрал со лба прилипшие от влаги локоны. Скользнул по шее ниже. Сдвинул в бок халат, прочертив линию ключицы. Офелия прерывисто дышала, наконец решила открыть глаза и посмотреть на него.

Темно-синий, почти черный в таком освещении (или просто настолько расширились зрачки?) взгляд, бледное, несмотря на горячую воду лицо. Спокойное, почти безмятежное. Она невольно обратила внимание на широкие плечи и стройный, подтянутый торс, наполовину выступающий из воды. Он был прекрасно сложен. Высокий, сильный и гибкий. Она видела очертания мышц, как они напрягались и расслаблялись, когда он возился с халатом. Блеснула улыбка. Рамон поднял вторую руку и бережно раскрыл халат и спустил его по плечам. Офелия замерла, мучительно краснея, но эта мука была странной. В ней заключалось столько трепета и предвкушения, что несмотря ни на что она готова была остаться в этом мгновении надолго. Ее тело пронзила молния, а голова закружилась, когда руки Рамона легли на обнаженные плечи. Он заставил ее освободиться от халата полностью. Бесстыдно рассматривал, но в этом взгляд не было ничего такого, что могло бы ее оскорбить или испугать. Она видела только две вещи в нем: искреннее восхищение и сумасшедшее возбуждение, которое он уже не мог скрывать. Рамон с трудом оторвал от нее руки, одной взялся за ручку ванной, а другую раскрыл ладонью вверх. Приглашение.

Офелия встала, вложила пальцы в его руку и, воспользовавшись специальной ступенькой, залезла в воду. Он чуть сместился, чтобы она могла сесть напротив. Прислонился спиной к стене ванной. Его пальцы опустились под воду и прикоснулись к ее ногам. Сначала колени. Мягко, нежно поглаживая, он дошел до ступней. Все это происходило в абсолютной тишине, но ей казалось, будто он разговаривает с ней. Через прикосновения. Через горячую воду. Он взял ее за руку и потянул на себя, заставляя поменять положение. Развернул к себе спиной. Она повиновалась, стараясь не обращать внимания на мучительно бьющееся в груди сердце. Хотя скорее оно билось уже в горле. Ее прострелило от макушки до пят, когда он потянул ее на себя, заставив прислониться всем

телом. Ее спина касалась его груди. Вода укрывала их по пояс, одновременно оставляя незримую преграду и создавая единое пространство, которое их объединило. С тихим вздохом Офелия расслабилась, откинулась назад, положив голову ему на плечо и закрыла глаза. Его руки отреагировали сразу. Одна накрыла грудь, другая легла на шею. Мягким и властным движением он заставил ее повернуть голову, чтобы он мог наклониться к уху и в следующее мгновение она почувствовала его губы на мочке.

— Так ты решила? — он сжал ее грудь, одновременно держа за шею. — Я чувствую, как бьется твое сердце, — палец мужчины лег на сонную артерию.

Она хотела повернуть голову и что-то сказать, но он не позволил. Он изменился. От его рук шел жар, дыхание на ухе и шее тоже опаляло. Офелия хотела, чтобы он прекратил эту пытку. Чтобы действовал решительнее, но он играл. Тянул время, повышая градус с каждой прожитой минутой. Она вывернулась и смогла поцеловать его в шею. С наслаждением почувствовала вкус его кожи. И что-то еще. Эмоциональный запах, который менялся вместе с атмосферой. Рамон не сдался. Его руки по-прежнему сковывали ее, лаская и удерживая одновременно. На поцелуй он отреагировал тихой усмешкой.

— Смеешься надо мной? — хрипло спросила она.

— Нет. Над собой.

Он отпустил ее, мягким движением подтолкнул вперед, отстраняясь, потом встал и заставил ее подняться следом. Она надеялась, что он обнимет ее или даст полотенце или сделает что-то еще, но несколько бесконечно долгих секунд он удерживал ее на расстоянии вытянутой руки, внимательно рассматривая. Потом легко вышел из ванной. Подал ей руки, помог сойти по ступенькам. И как только она ступила на пол, впился в ее губы с таким яростным поцелуем, что она обязательно упала бы, если бы он не держал ее так крепко.

На мгновение из нее выбило дух. Мокрые и горячие тела будто слились в одно, его руки блуждали по ее спине и шее, пока наконец одна не остановилась на затылке в привычном жесте. Поцелуй стал еще глубже, и Офелия почувствовала, что теряет сознание. Неожиданно он оторвался от нее, подхватил на руки и пинком открыл дверь.

Они лежали в спальне на полу, прижавшись друг к другу, утомленные и счастливые. Рамон то ли забылся сном, то ли провалился в беспамятство, на его лице играла неопределенная улыбка. Офелия лежала у него на груди, то и дело вздрагивая всем телом от пережитого нового и острого, как самый отточенный в двух мирах нож, наслаждения. Не осталось ни единого промежутка кожи, которому мужчина не уделил бы внимание. За эти несколько часов он перевернул не только ее представление о том, какой может быть близость между двумя, но, кажется, и о самой близости в корне. Без сомнений и раздумий Лия отдалась в его власть без права и без надежды на спасение. Сейчас она лежала, закрыв глаза и сжав пальцы на гладкой поверхности его худощавой, но мускулистой груди, то и дело поднимая руку, чтобы коснуться шеи или кончиков уже давно высохших вьющихся волос. Его дыхания почти не было слышно, но она чувствовала, как бьется сердце мужчины. Не тяжело и быстро, как час назад, а неторопливо и увесисто, как огромный мотор с безграничным запасом мощности.

Одну руку Рамон положил себе под голову вместо подушки, второй держал женщину за талию, то и дело напрягая и расслабляя пальцы и невольно (или намеренно) напоминая ей о

том, что они пережили и что будут — она точно это знала теперь — переживать каждый раз, касаясь друг друга. Возбуждение еще не выветрилось из ее головы и тела, несмотря на достижение критической точки усталости. Она настолько боялась, что, стоит ей заснуть и проснуться, и магия этой ночи растворится, что тянулась к нему подобно лишенному воды путнику в пустыне.

Рамон открыл глаза и медленно повернул голову, глядя на нее с мягкой улыбкой. Его взгляд тоже затуманен. Губы припухли от бесчисленных поцелуев. И сейчас, обнаженный, но не беззащитный, он раскрылся для нее с другой-стороны. Она перестала видеть в нем древнее и опасное существо, которое притягивает за счет силы и власти. Она увидела красивого мужчину, который дал ей возможность взглянуть по-другому на саму себя. Открыть в себе что-то новое, добраться до наглухо замурованных до этого момента глубин.

— Мы опоздали на самолет, — шепнула она, не зная, о чем еще говорить.

— Пусть катится к чертям, — отреагировал он, высвободив руку из-под головы и коснувшись ее растрепавшихся волос. — Как ты красива.

Она не ответила. Было странно говорить мужчине, что его внешность сводит ее с ума. Заставляет чувствовать себя героиней волшебной сказки. Прекрасный принц, живущий вечно, открывшийся ей. Конечно, в отличие от этих героинь, ее не мучил вопрос «почему он выбрал меня». Скорее она пыталась понять, почему она выбрала именно его. Или не так. Как так вообще случилось, что они выбрали друг друга?

— Переезжай ко мне, — неожиданно серьезно сказал он. — Как только вернемся в Треверберг.

— Но ты же спишь...

— Переезжай ко мне, — прервал он. — Переедешь?

— Да, Рамон. Хорошо. И ты мне объяснишь правила нашей совместной жизни?

Он тихо рассмеялся и с трудом сел, бережно отстранив ее.

— О правилах мы обязательно поговорим. И я готов выслушать твои. Обращаю твое внимание, что обычно мне плевать на чужие правила.

— Я согласна.

Интерлюдия третья. Найя Сонг

27 апреля, четверг

Треверберг

Найя Сонг положил голову на сложенные на руле руки. У него кружилась голова. Идея именно сегодня стать донором была глупой. Но ему показалось, что раз появилось желание, нужно его сразу воплощать. Ему хотелось оставить что-то полезное. Да и давно пора было пройти обследование, на работе уже косо смотрели. Он работал на молочном заводе старшим технологом, и много времени проводил в непосредственной близости от продуктов питания. Они проходили медицинскую комиссию каждые три месяца, но в этот раз мужчина взял отпуск и теперь тянул с походом в клинику. Скучно одному, да и времени жалко. От завода до госпиталя имени Люси Тревер нужно было полтора часа ехать по узким дорогам Треверберга.

Ему пригрозили штрафом, и Найя решил, что раз уж он едет в такую даль, нужно совместить необходимое с полезным. И записался в доноры. Обследование, как всегда, прошло быстро. Просветили легкие, взяли кровь на анализ, вкололи какую-то прививку или витамины, он не стал вдаваться в подробности, а молоденькая пышногрудая медсестра, ворковавшая с вакцинами, была столь восхитительна, что немолодой уже мужчина, проживший с одной женщиной двадцать лет, забыл, как его зовут. Спросил только, не помешает ли ему укол стать донором, получил уверенное «нет».

Силы закончились, когда он дошел до машины. Он просто сел, завел двигатель и упал на руль, пытаясь справиться с головокружением. Вот бы вместо стакана томатного сока и шоколадки эти горе-врачи давали рюмку коньяка. Или виски, на худой конец. Хотя Сонг виски не любил, ему не нравился привкус то ли яблока, то ли бочки. Вот другое дело — благородный французский коньяк. Он навсегда запомнил вкус напитка, который попробовал во время свадебного путешествия во Францию. Изабелла была похожа на богиню, а он на — смертного, которому повезло с женой. Их семейная жизнь была настолько легкой, почти идеальной, что он до сих пор не верил своему счастью. А поэтому не до конца осознал всю глубину потери, когда Изабелла Сонг скончалась от рака три года назад.

— Не надо было мне сюда возвращаться, — проговорил мужчина, тряхнув головой и ударившись о руль. — Здесь умерла Изи. И зачем я брал отпуск?

В голове постепенно прояснилось. Он включил радио погромче. Месяц назад его любимая утренняя радиоведущая Мередит Гейбл запустила дневное шоу, на которое приглашала разных гостей. Шоу, конечно же, было посвящено любви. Найя отправил ей несколько писем с рассказом о своей жене, чтобы увековечить ее имя. Он надеялся, что трогательная история понравится жителям, и те посетят скромную могилку Изи, затерянную в самом дальнем углу кладбища. И, может быть, принесут ей цветы. Он сам ходить туда боялся. Слишком много боли.

Слишком много боли.

Может, бросить все и вернуться домой? Открыть коньяк. Помянуть жену. Он взглянул на календарь, закрепленный на торпеде. 27 апреля 1967 года. Ровно три года назад ее не стало. При этой мысли из самого мрачного уголка его души поднялось воспоминание о клятве, которую он сгоряча дал, стоя над могилой под проливным дождем в день похорон.

«Я приду за тобой. Не позднее, чем через три года».

Это все сданная кровь. И боль. В нем слишком много боли. Мужчина с трудом выпрямился, завел неожиданно заглухший мотор. Снял машину с ручного тормоза и вырулил с парковки, чуть не сбив жемчужный «ягуар». Оттормозился, ошалело смотря на осторожно припаркованную машину. перевел взгляд на значок «форд» на руле, глубоко вздохнул, и подумал о том, что благодаря ему завод увеличил объем производимой продукции на треть. Может, пора попросить премию?

Он рассмеялся. Обреченно и зло. И выехал на дорогу. Он просто потерял много крови, а их дурацкий томатный сок, который он ненавидел с детства, не помогает. Нужно поесть или поспать. Но нет. Он поедет на работу, свершать великие дела. В нем поднимался гнев. Он зло просигналил девчужке, которая собиралась перейти дорогу по пешеходному переходу. Подождет, коза малолетняя! Ишь ты, разбежалась. Он едет. Машина старая, ей эти ваши газ-тормоз не подходят. Девчонка подпрыгнула от неожиданности и вернулась на тротуар так быстро, как только смогла. Найя пронесся мимо нее, чудом не обдав грязной водой из большой лужи, как всегда, собравшейся после дождя. Он выключил радио, услышав, что мисс Гейбл опять не взяла его историю в эфир. Скинул с торпеды календарь. Чуть не въехал в остановившуюся на светофоре «тойоту», посигналил и ей. Импозантный мужчина в кожаной куртке высунулся из окна, постучал кулаком по голове, мол, куда ты, дебил, летишь. Найя показал ему язык, откинулся на спинку сидения и с удивлением обнаружил, что по лбу катятся капли пота. Он открыл окно. Закрыл окно, когда встречная машина окатила грязью его самого. Почувствовал себя маленьким и беспомощным. Стартовал чуть позже остальных, за что получил порцию ненависти от собравшейся маленькой «пробки».

Как он ненавидит людей! Он приближался к главному стадиону Треверберга. У пешеходного перехода стояло человек пятьдесят, не меньше. Сегодня была какая-то игра. Футбол? Он вдруг подумал о том, что в этой жизни нет ничего важного. Нет ничего значимого. У него нет ничего. Даже работы, потому что там его держат ввиду былых заслуг. Изи умерла. И он умер вместе с ней, а сейчас осталась только оболочка. Гребанная больница. Гребанный Треверберг. Да горите вы все в аду.

Резким движением крутанув руль вправо, он направил автомобиль к фонарному столбу, стоявшему в пяти метрах от дорожного полотна. За пешеходным переходом. Он не сигнализировал. Люди не поверили, что машина несется на них. Первого человека он просто не заметил, тот оказался под колесами. Все равно, что проехать по яме или кочке. Его глаза налились кровью, нога затекла на педали газа. Он давил и давил. На педаль. Наконец толпа поняла, что это не шутки и не сказки. Что машина какого-то психа уже внутри. Он улыбнулся, повернув голову и глядя на испуганные лица людей. Через несколько секунд автомобиль остановился, влетев в столб. Тело Найи Сонга вырвало из водительского кресла и бросило вперед. Только чудом он обогнул столб и упал на газон. Удар выбил из него дух. Но прежде, чем отключиться, он подумал о двух вещах. О том, что наконец-то будет с Изи. И о том, что это было правильно. Уйти не одному. Спасти так много жизней, которые непонятно, как проходят и непонятно, куда ведут. Ведь впереди только тьма.

*Некоторое время спустя
Госпиталь имени Люси Тревер*

— Здравствуйте. Мое имя доктор Генрих Аркенсон, я ваш врач. Это доктор Себастьян Хоул. Как вы себя чувствуете?

Неприятный свет резанул глаза. Мужчина инстинктивно попытался зажмуриться и отвернуться, но не смог. Кто-то держал его голову, оттягивая веки. Он застонал, протестуя.

— Вы помните, как вас зовут?

— Найя... Найя Сонг, — с трудом прохрипел он.

Наконец мерзкий свет исчез. Вместо этого кто-то приложил что-то холодное к его груди. Мужчина возмущенно засопел, но сил пошевелиться не было.

— Вы помните, что случилось?

— Я... нет.

— Мистер Сонг, — начал второй врач. Голос у него был спокойный, как у покойника. Господи, ну что за бред. Найя закрыл глаза, чтобы не смотреть на белые халаты и белые стены. Почему он в больнице? Как он мог попасть в больницу? Он ненавидел больницы.

— Мистер Сонг, — повторил доктор... как его? Хоул? — Расскажите, последнее, что вы помните.

— Я был здесь. Медицинский осмотр... я технолог... нужно каждый квартал... а, черт, как больно.

— Доктор Штиль, — повелительно проговорил первый врач.

Найя уловил резкий запах духов. Через несколько мгновений вспышка боли исчезла. Укола он даже не почувствовал.

— Что было после того, как вы уехали?

— Я видел машину... белую, на парковке. Я что, разбил чужой «ягуар»? — Он подскочил на койке, но тут же упал обратно с пронзительным стоном. Тело отозвалось такой чудовищной болью, что он на мгновение потерял сознание.

— Поцарапали, ее уже отремонтировали, — вернул его из забытья голос второго врача. Как там его. — Мистер Сонг, вы принимали какие-то препараты после больницы?

— Нет. А что, собственно, случилось?

Найя Сонг наконец-то понял, что резкие движения ему противопоказаны. Он очень медленно и осторожно открыл глаза. Чьи-то заботливые руки помогли справиться с подушкой, и подняли койку, чтобы он оказался в полусидячем положении. Два врача стояли перед ним. Один повыше, темноволосый и темноглазый, кожа смуглая, но не слишком, чтобы принять его за чужестранца. Гладко выбритый, лицо странное. Такое обычно видишь в телевизоре или на концертах, но не в больнице. Какое-то... в голову пришло определение «аристократ», и Сонгу стало мерзко. Второй врач на полголовы ниже первого, светловолосый со странными глазами. «Прозрачный» здесь подошло бы идеально. То ли голубые, то ли серые. Очень спокойные и магнетические. Сонг застрял в них. И в них же прочитал свой приговор. Он сотворил что-то ужасное. Но он ничего не помнил!

— У вас сломано четыре ребра, серьезное сотрясение мозга и разрыв части внутренних органов, не буду утруждать деталями, — проговорил «аристократ». — Мы провели четыре операции и два дня назад перевели вас сюда. Угроза жизни по-прежнему сохраняется, мы оцениваем ваше состояние как «тяжелое», но вы пришли в себя, и это радует. Здесь полиция, которая хочет с вами поговорить.

— Но сначала с вами поговорю я, — вмешался светловолосый. — И если пойму, что визит друзей в погонах не причинит вам серьезного вреда, то впусу их.

— Да что случилось?

— Что вы помните? — спросил врач с прозрачными глазами.

— Белый «ягуар». Потом... девчонка перебежала дорогу. Но я ей посигналил. Я же не сбил ребенка?!

Он снова дернулся на постели. Тело отозвалось болью, но он не позволил этой боли завладеть его сознанием.

Врачи обменялись взглядами, которые Сонгу не понравились. Потом «аристократ» кивнул и вышел из палаты. Следом за ним упорхнула смуглокожая ... медсестра? Хоул остался.

— Давайте начнем с начала, — предложил он. — Мое имя доктор Себастьян Хоул. Я психиатр и психоаналитик. А также медиатор полиции. Я работаю в этой больнице и веду переговоры с людьми, которые преступили закон. Нам нужно определить, что вы помните о произошедшем.

— Я сказал все, что знал! Но почему вы не отвечаете на мои вопросы? Да что я мог сотворить! Я ехал на работу. Ах, как больно.

— Повышать уровень морфия нельзя. Мистер Сонг, что вы делали после того, как выехали отсюда?

— Поехал на работу.

— О чем вы думали?

Найя закрыл глаза.

— Изи... была годовщина смерти моей жены. И я... я очень скучаю по ней.

— Вы хотели уйти из жизни?

— Я обещал ей.

— Но не могли сделать это в одиночестве?

— Что вы такое говорите?

От спокойных слов врача по коже пробежал мороз. Сонг вцепился в простыню. Он уже понимал, что Хоул расскажет ему о нем самом нечто ужасное. Настолько мерзкое, что он с этим не справится. В груди нарастала боль. Но он в больнице. Они не дадут ему уйти. Он ответит за все, что сотворил.

— Мистер Сонг, — тихо, слишком тихо начал Хоул. — Вы протаранили толпу на пешеходном переходе. Свидетели рассказали, что вы ехали в среднем ряду в потоке. Потом резко бросили автомобиль вправо. Врезались в толпу. А потом в столб. Вас выбросило из автомобиля, вы проломили телом лобовое стекло, несколько раз перевернулись в воздухе и упали на газон.

Сонг почувствовал, что по щекам потекли слезы.

— Я этого не делал. Нет. Вы лжете.

— К сожалению, нет. Помогите мне разобраться, что с вами произошло.

— Я не помню! Не знаю, это неправда!..

Мужчина забился в постели. Хоул нажал на кнопку на стене и через мгновение в палате появились санитары. Он встал. И спокойно смотрел за тем, как Найю Сонга умиряют. Вкалывают ему лекарства. Как ангел смерти.

Изи, пожалуйста, забери меня из этого мира.

Часть вторая. Суд Интерлюдия четвертая. Теодор Новак

9 мая, вторник

Отдел пожарно-технической экспертизы при МЧС Треверберга

Мужчина сидел очень прямо, вытянувшись на неудобном стуле и смотрел в документы, которые ему принесли. Папка росла с каждой минутой. Приемный день. Он ненавидел приемные дни. Вторник. Кто придумал вторники? Раз в неделю ему приносили сторонние дела. В основном, от вконец обнаглевших страховых компаний, которые готовы на что угодно, лишь бы не выплачивать погорельцам компенсацию. Доказать, что это поджог или халатность. Найти любой предлог, чтобы снизить сумму. Обесценить человеческое горе. Теодор Новак уже десять лет служил главным экспертом отдела пожарно-технической экспертизы. Как и многие его коллеги он начинал в качестве обычного пожарного. А до этого прошел войну, прошагав всю Европу до Берлина и обратно. Ему исполнилось пятьдесят, он готовился к пенсии. Но оттягивал момент принятия решения. Не столько ради денег, сколько ради того, чтобы чувствовать себя живым. Работа возвращала ему равновесие, которого не было в разоренном несчастьем мире.

Мужчина скрутил сигарету, помял ее в пальцах, чиркнул спичкой и затянулся. Комнату, полную бумаг и чужих историй, затянуло кольцами дыма. Папки с делами с различными от «секретно» до «совершенно секретно» перемещивались с названием страховых «Тревербергстрах», «Треверберг гарантии», «Страховая номер один», «Тре-стахование» и прочих. Из этих всех компаний он не любил ни одну. Он в целом не обязан кого-то любить, его задача — проверить уже проведенные экспертизы и дать финальную оценку. Причина пожара. Место пожара. Варианты, если они есть. Он превращался в следователя, чья задача — восстановить картину преступления, где самым опасным и неуловимым преступником было пламя.

Взяв со стола верхнюю папку, он погрузился в чтение. Очередной частный дом, короткое замыкание. Кто виноват? Городские сети или проводка. В этот раз определенно проводка. Жильцы получают на тридцать процентов меньше, чем могли бы. Теодора это не трогало. Справедливость. Вот, в чем сила. Вот, в чем смысл. Справедливость в этом несправедливом, диком и неприятном мире. Мужчина вздохнул. Следующий документ. А потом — еще один. Вердикт за вердиктом. Он как судья. Как бог, который руководит чужими жизнями. Определяет их. А на самом деле он просто честный профессионал, который не может себе позволить обмануть. Самого себя.

Его имя не было известно массам. Его берегли, скрывали. Как и его коллег. Чтобы исключить попытки подкупа. Чтобы сделать экспертизу непредвзятой. Получилось. Новак не ошибался. Его коллеги почти не ошибались. Они просто читали данные. Просто проверяли выводы младших специалистов. Иногда в режиме строгой секретности выезжали на объекты, чтобы проверить гипотезы. Они просто воссоздавали картину распространения огня. И его зарождения.

Теодору нравилось, как министерство чрезвычайных ситуаций, к которому относился его отдел, выстроило работу. Была публичная приемная, куда мог прийти каждый. У каждой страховой — свой личный менеджер, обладающий правами проводить консультации и обучения, а также скреплять экспертизы печатью. Туда обычно шли те, кто стремился к

власти с минимальной долей ответственности. Хотя ответственность, конечно, была. Не такая, как у самого Новака. Но повыше, чем у какого-нибудь врача. Или преподавателя. Да даже полицейского. Эти молодчики давали интервью, светились на телевидении и в газетах и обсуждали причины того или иного крупного пожара. Теодор помнил шумиху, когда загорелись здания теле-радио центра Треверберга. Сколько было шума! Пресса не могла утихнуть почти месяц. А в итоге он, Новак, обратил внимание на незначительную деталь — чуть заметные отсветы дыма на стене шахты лифта, которая помогла установить истинную причину пожара и наказать виновных.

И, как иллюстрирует именно этот пример, главными в этой иерархии оставались бойцы невидимого фронта. А чтобы им было не так обидно, что публичную славу себе забирают другие, министр выделил им тройное жалование. Новак, привыкший к аскетичному образу жизни, который лишь усилился после смерти дочери и ухода жены, тратил половину стандартного жалования. Остальное клал на счет и пока не понимал, что с этим счетом делать. Отдавать на благотворительность жалко. Каждый сам за себя. В конечном счете они все — дети войны в том или ином плане, а он лишился родителей задолго до. И знал, что даже сирота имеет все шансы стать полноценным гражданином. А близких у него не осталось. Наверное, деньги стоит направить в какое-то дело. Чтобы они жили. И дело жило. Но он не имел права на коммерческую деятельность. Либо госслужба, либо бизнес. И они лежали. Уже четыре года и три месяца прирастая от месяца к месяцу. Сейчас он спокойно мог купить себе квартиру побольше, или дом, или машину. Но у него не было своих желаний.

Новак снял очки, протер глаза сухими пальцами и водрузил очки на место. Как бы ему ни было грустно и тяжело (а ему всегда становилось грустно накануне дня памяти Альды), надо работать. Он успел разобраться с делами прошлого вторника. Как раз вчера закончил последнее. Нельзя расслабляться. Ждут люди. Ждут страховые. Ждет пламя. Единственная стихия, которую невозможно покорить.

Он бросил короткий взгляд на календарь. Девятое мая. Пережить еще две недели — и отпуск. Он поедет к морю. Пересечет всю Европу, возьмет лодку и отправится на Сицилию. И целых пять дней будет лежать на пляже, вспоминая дочь, свою счастливую жизнь и не думая о пламени, которое сжигает жизни, судьбы и будущее. Беспощадное и прекрасное пламя, которое человек так и не смог покорить.

Улыбнувшись этой мысли, мужчина подхватил первую папку сверху. На ней красовалась эмблема «Тревербергстрах», первой страховой фирмы города. Новак ее не любил. Очень не любил. Там сидел большой штат юристов, которые придирались к мелочам. У них была одна задача: не выплатить страховую премию. Ни при каких условиях. И поэтому они почти каждый случай отправляли в апелляционном порядке. МЧС научился такие случаи фильтровать, и Теодор давно не видел ненавистной эмблемы. Он справился с желанием положить папку вниз, вместо этого раскрыл ее, аккуратно разместил документы и удивленно замер. «Вспомогательная лаборатория имени Люси Тревер, госпиталь, 3 марта 1967 года». Волосы на загривке встали дыбом. Лучше бы на воздух взлетел сам госпиталь во главе со своим лощеным предводителем. Эти недоучки не смогли спасти его девочку. Их некомпетентность и халатность виновата в том, что Альда умерла! И только так. Мужчина поднял глаза к некрасивому потолку, будто благодаря небо. Наконец-то он получил возможность отомстить.

Отомстить? Или восстановить справедливость? Новак усмехнулся. Он еще не вчитался в документы, но уже видел нестыковки. Уже видел, что кто-то из младших коллег плохо

сделал свою работу.

Боже, как он счастлив. Четыре года и три месяца он молился о том, чтобы получить шанс отомстить. Наказать тех, кто ничего не сделал для спасения его дочери. И вот он, шанс. Нужно просто правильно мечтать.

Как это будет приятно. Припереть Астера к стенке. Доказать, что его несравненная лаборатория взлетела на воздух из-за поджога. А дальше пусть полиция разбирается. Конечно, придется провести внутреннее расследование, наказать того, кто дал страховой неправильную экспертизу. Сразу видно, что в «Тревербергстрах» работают дилетанты. Как можно принять отчет с таким количеством нестыковок? Новак лично разберется с младшим специалистом. В зависимости от того, кем он окажется, устроит либо показательную порку, либо напишет докладную, и его уволят. А если докажут, что его подкупили... Ммм... как это приятно. Теодор положил папку на стол, потер руки, улыбнулся. Прежде, чем приступить к такому важному делу, нужно успокоиться. И подготовиться. Он сам не должен быть предвзят. Он должен написать честное заключение. И если действительно прошлый отчет — писулька, преподнести правду так, чтобы она превратилась в черное пятно на блестяще-белой биографии Астера. Даже если не он виноват, он руководитель. И все ниточки приведут к нему. Думать о том, что все это может оказаться обычной халатностью, совершенно не хотелось.

Новак встал. Коллеги удивленно оглянулись. Обычно он работал, не отлучаясь ни на минуту. Чай он наливал раз в день утром. Для этого носил с собой специальный термос. На перерывы выходил в строго определенное для этого время. Сначала над ним шутили, мол, робот, даже организм приучил, потом успокоились. Сейчас рабочий день только начался. Даже самые неусидчивые еще не стремились выйти покурить, а Теодор Новак, старожил отдела, встал. Он окинул всех свирепым взглядом серо-голубых глаз, ухмыльнулся и снова потер руки.

— В карму верите? — громко спросил он.

Весь отдел поднял головы от столов и посмотрел на него. Знакомые взгляды людей, с которыми он редко разговаривал, не дружил и даже не помнил их по именам. Но сейчас они казались ему семьей.

— Нет, — проговорила молодая женщина с приятным лицом и большой грудью. — Мы сами творим свою судьбу.

Новак ухмыльнулся. Коллеги начали улыбаться.

— А я вот верю, — сказал он. — У меня тут занимательная папочка на столе. Если развитие событий подтвердит мои предположения, я проставляюсь. У нас много поводов вместе выпить, не так ли?

Послышались одобрительные хлопки и комментарии. Адам Солнер, руководитель отдела, в котором работал Новак, встал и похлопал его по плечу. Когда-то они дружили. И довольно близко. Это было до смерти Альды.

— Я знал, распределяя дела, — сказал он. — Пусть это принесет тебе успокоение, а нам вернет нашего Теодора.

Новак кивнул.

— Да. Определенно. Так и будет, шеф.

Несколько часов спустя

Эйфория схлынула, когда Теодор Новак погрузился в работу. По первичному заключению причиной возгорания стала неисправность проводки, но автор, некто Питер Сальдо, не проверил согласованные схемы здания, в которых была указана такая защита от скачков напряжения, что не снилась и некоторым промышленным объектам. Было видно, что при строительстве лаборатории учли все. И отсюда следовало два варианта. Либо оборудование было неисправно, либо роль сыграл человеческий фактор. Оборудование стояло на балансе у пожарных и те в телефонном разговоре опровергли предположение, сообщив, что техническое обслуживание проводилось за несколько дней до пожара. Никаких обращений о неисправности после не поступало. Поэтому, получив иск от страховой, они посмотрели на причину возгорания, написали возражения, и в итоге папка попала в отдел пожарно-технической экспертизы. Новак попробовал дозвониться до Питера Сальдо, но попал на его начальника. Сначала наехал, а потом был вынужден замолчать, извиниться и исчезнуть: выяснилось, что Сальдо погиб несколько дней назад. Его сбил автомобиль. Теодор что-то слышал о сумасшедшем водителе со странным именем, которое совместило в себе Европу и Азию. Найя Сонг. Мужик просто протаранил людей на пешеходном переходе.

Из факта смерти эксперта следовало сразу две вещи. Во-первых, полиции вряд ли удастся установить факт подкупа. Если Сальдо не полный кретин, который получил деньги прямо на свой счет. И второе, сам Теодор не мог с ним поговорить, чтобы выяснить, чем он руководствовался. К Новаку попало обогащенное дополнительными деталями дело. Может, Питер получил другие документы. Не такие полные. Без комментариев пожарных и страховой. Он сделал официальный запрос шефу парня, чтобы тот поднял все записи по делу и передал их ему через Адама. Ответа пока не поступило, но Новак знал, выхода у них нет. Придется ковыряться в процессах двухмесячной давности. А что они хотели. Если работаешь с «Тревербергстрах», протоколируй все. Даже время, когда вышел покурить или в туалет. Пригодится.

Рабочий телефон зазвонил. Новак вздохнул и взял трубку.

— Это Мадлен, — сообщил приятный женский голос. Администратор контакт-центра. — Меня замучили из «Тревербергстрах». Говорят, прислали нам документы по лаборатории три дня назад, а до сих пор не получили ответа от вашего отдела. И что если бы они знали, кто именно разбирается с этим, то...

— Можешь не продолжать, — улыбнулся Новак. — Спасибо, что держишь оборону. Если еще раз позвонят, скажи, что ты нарушила все протоколы и смогла связаться с отделом. Официальные документы еще в работе. Но можешь передать этим негодьям, что им нужно собирать документы и подавать в суд.

— В суд?

— Мошенничество.

— И они должны из этого все понять?

— Поверь мне, если ты так скажешь, на следующий день обнаружишь у себя на столе букет цветов или что поприятнее. Они именно на это надеются.

Мадлен рассмеялась.

— Спорим? Если не они, то букет с тебя.

Теодор вздохнул.

— Спорим. Официальный ответ я отправлю им завтра.

Мадлен положила трубку, а Новак замер, озадаченный. Официальный ответ был почти

готов. В нем по пунктам доказывалось, что прошлые выкладки недействительны. Он призвал «Тревербергстрах» возбудить уголовное дело, а также запросить дополнительную проверку объекта, который стоял опечатанным. Согласно условиям страховки туда нельзя заходить и нельзя его трогать, пока не будет официального документа, разрешающего ремонт. Так что Астер оказался связан. Мало того, он лишился мощностей лаборатории, которая обслуживала полгорода, так еще и не мог ликвидировать последствия пожара. Новак удержался от желания ему позвонить. Перечитал отчет еще раз. Поставил свою подпись, закрыл папку и положил ее на угол стола. Вдохнул. И взял следующую. Не так интересно.

Спи спокойно, Альда. Все, кто причастен к твоей смерти, будут наказаны.

Глава первая. Андреас Ли

10 мая, среда

Управление полиции Треверберга

Капитан Андреас Ли поставил свою размашистую подпись на докладной, согласно которой дело «Стрелка» уедет в архив с грифом «раскрыто». За два месяца плотной работы им удалось восстановить картину мира полностью. Вздохнув, он посмотрел на подчиненных, которые в кое-веки собрались в конференц-зале, куда с минуты на минуту влетят представители других отделов и руководство. Сначала они презентуют результаты расследования здесь. Получат одобрение шефа. После этого пресс-центр созовет журналистов, и уже завтра во всех изданиях появится история стрелка. Грустная, даже горькая, поучительная история подростка, который так устал от жизни, бедности и беспросветной мглы, что решил уйти из жизни, забрав за собой всех, кого смог.

Доктор Себастьян Хоул, получивший официальный допуск ко всем делам отдела Ли, следил за капитаном своими странными прозрачными глазами, которые все больше напоминали стекло. Психиатр составил характеристику Томми Уилсона, не забыв указать, что она может быть неточной, так как писалась по остаточным данным. Хикс посмеивался в углу, довольный результатами работы своего отдела. Его находка с кирпичной крошкой позволила группе найти неопровержимые доказательства того, что за Томми никто не стоял. И это чудовищное преступление было спланировано и осуществлено им в одиночку.

Рамон Эверетт, которого здесь не было, негласно сделал свой вклад. Он помог выйти на торговца оружием. Толстый турок, который работал на Самсона Шивали, раскололся в два счета. Да, парень приходил, да, я продал ему калаш. «Ну а что такого, я думал, он старше, я думал, он работает в банде». Турка посадили. Доказательств его связи с Шивали не нашли, но Андреасу пришлось встретиться с темнокожим богом криминального мира Треверберга, и вспоминать сейчас эту встречу не хотелось. Шивали заинтересовал полицейского, и он пообещал обязательно встретиться с Дрейком, чья звезда должна взойти в момент, когда Эверетт проиграет дело. Ведь до него никому не удавалось посадить криминального авторитета Треверберга. А Шивали был не просто авторитетом.

Ли бессознательно барабанил по папке с документами, ожидая, пока зал наполнится. Его команда заняла первый ряд. Все четверо выглядели уставшими, но довольными. Они не любили подобных дел, когда преступник известен изначально, и тебе нужно воссоздать картину. Больше похоже на игру в археологию, чем на классическое расследование. Но и здесь установить все за два месяца смог бы не каждый. Андреас гордился каждым из них. И жалел о том, что будто бы отделился от них, ушел в свои переживания и в работу. Нужно проводить с ними больше времени вне управления. Общаться. Кажется, Равилье развелся, а Лоурден вышла замуж. Грегор Штейн с женой ждали второго ребенка. Лишь у Андерсон все оставалось по-прежнему. Она втайне вздыхала по Ли, но работала с самоотверженностью психа.

Ли ни по кому не вздыхал. Иногда он вспоминал чудесную ночь с радиоведущей, но они договорились, Мередит сама его найдет. Ему говорили, что она упоминала какую-то «любовь всей жизни» на шоу, но на вопрос «а раньше как это было» никто ответить не смог, и полицейский решил, что это просто ее визитная карточка. Недоступная влюбленная и прекрасная, она бредила умами. Видимо, так повышала рейтинг своих шоу. За два месяца он

пару раз посетил «Алую мантию» в бессознательной надежде встретить там либо Гейбл, либо Эверетта, но не вышло. Возвращался домой под утро нетрезвый и одинокий. Ли дал себе время, чтобы закончить дело Стрелка. Он мог взять новое, сбросив на сотрудников бюрократическую мишуру, но вместо этого решил, что должен отдать дань жертвам. Выжили двое. Мисс Огневич потеряла дееспособность. Юноша Миколас Мюррей перенес пять или шесть операций, но выжил. Некоторое время назад его лечащий врач доктор Генри Аркенсон позволил полиции с ним поговорить. Мальчик рассказал, что стрельба началась после того, как учительница вызвала Томми к доске, тот отказался, и она влепила ему «двойку».

«Двойка» стала последней каплей, и парень начал убивать. Миколас рассказал также, что Томми не любил выходить к доске. Он предпочитал готовить ответы письменно, но мало кто из учителей шел на это. Учительница физики мальчика не любила. Она считала, что каждый ученик обязан уметь отвечать у доски, решая задачи под пристальным наблюдением всего класса. Она была резкой и в школе ее прозвали «линейкой» за дурацкую привычку бить учеников по рукам в случаях, если они отвлекались или «тупили».

Хоул тут же составил рекомендательное письмо в Министерство образования и науки Треверберга, в котором тактично, но жестковато расписал необходимость психоаналитической терапии для учителей, а также ввод этических норм и правил взаимодействия учителей с учениками. На письмо ответа пока не получили, но произошла утечка в СМИ, и все понимали, что бюрократам не удастся отсидеться в кабинетах. Им придется что-то менять.

Наконец в залу вошел шеф и руководители других отделов. Рядовых сотрудников не позвали, но им передадут. Полицейские не были дружны. И над капитаном Ли подшучивали. Дело без дела. Пустая трата времени. Суета ради славы. Лицо Андреаса и правда не сходило с первых полос все эти два месяца. Брошенный на амбразуру шефом, он был вынужден периодически отбиваться от журналистов и сообщать им о ходе расследования. Он надеялся, что вместе с закрытием дела закончится и эта вынужденная работа пресс-секретарем.

— Что ж, — начал Ли, выпрямляясь в кресле за столом. Зал одобрительно загудел. — Все собрались, и я могу начинать?

Шеф повелительно махнул рукой, мол, давай.

— Утром в десять сорок три 5 марта 1967 года из Тревербергской четвертой Гимназии поступил звонок в службу МЧС. В учебном заведении слышались выстрелы. Оператор передал информацию многоуважаемому шефу, тот — мне, и через семнадцать минут мы с командой оказались на месте. Опасения подтвердились. Школьник по имени Томми Уилсон пришел в школу с самодельной модификацией автомата Калашникова и вытащенным у отца, мистера Уилсона, пистолетом. Как установили оперативно-следственные мероприятия, стрельба началась после того, как учительница физики, которая вела урок, поставила мистеру Уилсону «двойку» за отказ выйти к доске. В результате стрельбы больше двадцати человек погибло на месте. Десять было доставлено в госпиталь имени Люси Тревер. На данный момент из них живы двое. Мисс Милена Огневич страдает от психиатрического заболевания «фуга», являющегося редкой формой диссоциативного расстройства личности, она не помнит свою личность и, соответственно, не помнит ничего о Томми. Второй выживший по имени Миколас Мюррей позволил нам в деталях восстановить события того урока и подтвердить наши опасения, что Томми действовал один. В начале расследования мы обнаружили записку с датой расстрела. Графологическая

экспертиза показала, что автор записки — сам Томми. Далее офицер Харри Хикс нашел ручку, которой была написана записка. И также установил, что на ней осталась крошка от редкого кирпича, из которого строили старый Треверберг. Это открытие позволило нам установить местоположение тайника. В данном тайнике мы нашли еще девять аналогичных записок с разными датами. Доктор Себастьян Хоул, психиатр, психоаналитик и медиатор в характеристике, которую он написал мистеру Уилсону, известному также как «Стрелок», упоминает, что вероятнее всего школьник написал себе десять возможных дат. Все эти даты были так или иначе связаны с его семьей: даты обследований, свадьбы матери с отчимом, мистером Уилсоном, переезда, прихода в новую школу. Мы установили связь почти всех. Соответственно, в очередной раз поссорившись с отчимом, Томми отправился в тайник, вытащил бумажку. На ней было написано пятое марта. Известно также, что оружие он купил за некоторое время до этого. Оружие куплено у турка, мелкого торговца. Он уже арестован и отбывает наказание в тюрьме общего режима. Для описания психологического состояния Томми Уилсона я приглашаю доктора Себастьяна Хоула.

Доктор Хоул неторопливо поднялся с кресла, где сидел. Встал за трибуну. В отличие от Ли, он предпочитал отделять себя от зала. То ли привычка преподавателя, то ли способ подчеркнуть важность того, что он собирается говорить. Зал зашуршал, пока доктор занимал свое место. Полицейские переглядывались. Все понимали, что Ли сжал рассказ до минимума, опустил детали. Обычно на таких встречах детали не опускались. Но каждый из присутствующих видел фотографии с места преступления. Желания быть в этом даже ради завершения дела не хотелось никому. И в какой-то мере все были благодарны Ли за то, что он решил сберечь их чувства.

— На базе этого дела разработаны и отправлены на утверждение в соответствующие органы регламенты, связанные с образовательным процессом в тревербергских школах. А также отдельный документ относительно условий содержания детей, — спокойно начал Хоул, мгновенно завладев вниманием полицейских, которые, кажется, даже перестали дышать. — Я не могу поставить диагноз, не имея в доступе пациента, поэтому не буду заниматься профанацией. Но могу сказать следующее. Томми Уилсон был обычным ребенком, чья жизнь оказалась сложнее, чем он мог вынести. Систематическое угнетение сенсоров в процессе воспитания привело к депрессии, из которой родилось желание уйти из жизни. При этом он не мог сделать это сам. Одному умирать страшно и непонятно. Поэтому он забрал с собой столько людей, сколько смог. Я считаю, что «двойка» стала спусковым крючком, но, имея дату, он ждал этого крючка. Можно предположить, что к уроку, на котором произошла стрельба, он уже изрядно измотался и искал повода, чтобы закончить. При этом он еще был контактен. Он начал со мной диалог, но не справился с напряжением. Если я начну перечислять факторы, которые повлияли на его психику, вы уснете от тоски. Но важное я хочу отметить. Томми оторвали как от матери, так и от отчима, и в конечном счете выселили за пределы дома. С раннего детства, когда его мама вышла замуж за Уилсона, он оказался за пределами системы семьи. Он жил на чердаке. И в какой-то день отчим, желавший проучить, а по сути попросту полностью контролировать парня, закрасил единственное окно черной краской, погрузив его в вечную ночь. Отсутствие солнечного света пагубно влияет на психику. Тем более, на расшатанную психику никому не нужного ребенка. Можно ли было предотвратить катастрофу? Да. Можно было. Но для этого как родители, так и окружение должны были иметь образование психолога, а лучше — психоаналитика.

— Какой системный вывод мы можем сделать из этого? — спросил шеф.

Хоул посмотрел на него, не торопясь отвечать. Ли понимал, что доктор сканирует полицейского. Как это делал всегда и со всеми.

— Выводов много. Во-первых, открываются новые психопатологии. Я скажу больше. У меня на лечении сейчас находится мужчина, который убил с десяток человек, протаранив их на автомобиле. Не из-за сломанных тормозов. Не из-за мести. А в состоянии аффекта. Количество суицидальных пациентов за последний год увеличилось вдвое. Патологии трансформируются и углубляются. И если вы хотите услышать мое профессиональное мнение, это только начало. Это похоже на эпидемию. Только люди не умирают, а теряют связь с супер-эго.

Полицейские рассеянно переглянулись.

— С чем?

Хоул покачал головой.

— Я прошу прощения. Увлекся. Супер-эго. Составляющая психики, которая отвечает за морально-нравственные стороны. Это как взрослый, который следит за ребенком. Если его убрать, человек начинает действовать из аффекта.

— Что нам делать? — спросил Ли.

Себастьян обернулся на него.

— Пока только наблюдать.

Они проговорили еще почти час, разбирая те или иные детали. В итоге шеф подписал приказ о закрытии дела и поручил созвать пресс-конференцию. Ли уговорил его взять общение с журналистами на себя, пообещав, что будет рядом, и ушел в спортзал, чтобы сбросить напряжение.

Все это казалось странным, а слова Хоула не шли из головы. «Это похоже на эпидемию». Может, все-таки Томми часть этой эпидемии? Вынырнув из бассейна, он почти бегом отправился в душ, наскоро оделся и вернулся в участок, надеясь, что психиатр еще не ушел. Хоул сидел в фойе на мягком диване и читал газету. Он также ждал пресс-конференцию. Услышав приближение полицейского, доктор поднял голову. Слабо улыбнулся и подвинулся, чтобы Ли мог сесть. Тот засомневался, но наконец опустился на диван, чувствуя, что сердце сейчас выпрыгнет из груди.

— Вы сказали одну фразу, которая не дает мне покоя.

— Я вижу, — с улыбкой прокомментировал Себастьян.

— «Это похоже на эпидемию», — проигнорировав сарказм продолжил Ли. — Доктор Хоул. А если это действительно эпидемия?

— Что вы имеете в виду? На уровне тела влиять на супер-эго невозможно.

— Или мы думаем, что невозможно. Может все-таки доедем до Оскара Муна? Я как-то упустил из поля зрения его кандидатуру. Оснований на допрос не было.

— То есть, сейчас вы хотите обратиться к нему как частное лицо? — психиатр отложил газету. Растревоженного Ли бесила его манера держать себя в руках и говорить медленно и спокойно. Они с Хоулом обсуждали возможность приехать к Муну, которого перевели в первую лабораторию и выделили там кабинет. Но шеф не одобрил растраты ресурсов полицейских на проверку несущественной гипотезы. Сейчас же эта мысль раскрылась по-новому.

— Вы можете поделиться со мной статистикой? — с трудом успокаиваясь, спросил Андреас. — Подозрительные убийства, самоубийства. То, что обходит полицию. Или не

попадает ко мне.

— Я организовал сбор данных, но их слишком много. Треверберг — город неуравновешенных людей.

— Помогите мне сформулировать запрос. Я переверну управление. Если мы установим, что при всей вероятности статистической погрешности присутствует очевидный рост случаев...

— Поймите, капитан, — мягко, но уверенно прервал Хоул. — Вы думаете, что можете просто определить критерии и получить красивую картинку, которая подтвердит ваше предположение. Наше предположение, — поправил он, заметив, как изменился взгляд Ли. — Но это не так. Нет ни волшебной таблетки, ни волшебных инструментов. Особенно, в том, что касается психического. Под категорию, которая чисто теоретически могла быть подвержена влиянию «вируса», поставим его пока в кавычки, так как это может быть совсем не вирус, а может быть вообще ничего, итак, под категорию, которая чисто теоретически могла быть подвержена влиянию «вируса», подходит слишком много когорт. Одно дело — странные убийства или происшествия, информация о которых не сходит с первых полос СМИ. Томми Уилсон. Найя Сонг. Другое дело — суицидники. Третье — домашние тираны. Четвертое — пограничники, которые пустились во все тяжкие, никак не связанные со смертью или насилием. Даже если предположить — всего лишь предположить, так как поверить в это мой мозг ученого пока не может — что кто-то создал вирус, способный блокировать влияние супер-эго, то мы должны углубиться в психоанализ и понять, что у каждого свои аффекты. То есть, если мы убираем нормы и правила, все ограничения, один пойдет и прыгнет с крыши, другой ворвется в школу или переедет людей на пешеходном переходе, а третий пойдет в ближайший бар и снимет первого встречного, чего никогда не делал.

— Сделаю вид, что я понял, что вы сейчас сказали, — вздохнул Ли.

— Как раз насчет этого. Мы подписали контракт с вашим шефом и с университетом. Я прочту курс по судебной психиатрии и дам психоаналитическую базу. Быть обязательно. Аттестация будет жесткой.

Ли покачал головой и ничего не сказал. Учиться? Сейчас? Ну в целом почему бы и нет, но такие новости он хотел бы слышать от руководства. Впрочем, плевать. Капитан выдохнул. Несколько секунд посидел, не позволяя себе набрать воздуха. Нужно было успокоить сердце.

— Нам нужен план, — наконец сказал он. — Конкретный план. С конкретными действиями.

— Простите, что отвлекаю. Мередит Гейбл, я здесь от имени «Треверберг Таймс». Где находится конференц-зал?

Ли очень медленно поднял голову. Женщина стояла перед ним, ослепительно улыбаясь. На ней был строгий костюм, волосы собраны в пучок. От нее так сладко пахло, что у него закружилась голова. Хоул поздоровался, представился и ретировался, безошибочно определив, что он лишний. Андреас молча указал на диван. Мередит села рядом.

— «Треверберг Таймс»?

— В течение двух месяцев я каждый день оставляла для тебя послание в своем шоу. Но ты не появился. Я решила, что ты про меня забыл, но Офелия убедила меня в том, что ты просто не слушаешь радио в это время. И я устроилась в «Треверберг Таймс», зная, что рано или поздно вы созовете пресс-конференцию. И мы сможем встретиться.

— Почему просто не позвонила?

Она пожалала красивыми плечами.

— Это было бы глупо. А я не люблю выглядеть глупой. Мы договорись, я тебя найду сама. И вот я здесь. Хочешь выслушать, почему? Если передумал быть со мной, так и скажи. Два месяца прошло, а ты красавчик, я пойму.

Он улыбнулся. Мысли об эпидемии, Хоуле и Муне выветрились. Осталась только она. И тело, предательски отозвавшееся на ее присутствие.

— Я слушаю.

— Суровый капитан Ли, — рассмеялась Мередит. — Я устранила все препятствия. Ни с кем не встречаюсь. Сменила замки. Правда, теперь работаю на двух работах и времени у меня мало. Но это же к лучшему, раз ты капитан полиции? Что еще. Иногда захожу к Лии и поливаю цветы.

— А где она?

— Ты не в курсе? Переехала к своему красавчику. Он же твой друг. Не рассказал? Ай ай ай...

Андреас посмотрел на нее внимательнее. На его памяти никто к Рамону Эверетту не переезжал. Адвокат с удовольствием трахал все, что движется (может, у него тоже супер-эго отрубилось?), но не сближался. Отели, тусовки, клубы. Один раз даже была съемная квартира, но его хватило на пару недель, и он там не ночевал. Но чтобы пригласить женщину к себе? Серьезный шаг. Ли пока не понимал, что чувствует по этому поводу.

— Мы почти не общались. Он очень занят. Через неделю важное судебное заседание, его клиент... Ты же в курсе всего, не так ли?

Мередит улыбнулась.

— Конечно, теперь, когда я работаю в «Треверберг таймс» криминальным репортером, я в курсе всего. Мистер Самсон Шивали в непростой ситуации. Народ начал делать ставки. Пока мнения разделились, но с каждым днем все больше людей считает, что Эверетту не удастся вытащить своего клиента из капкана. Слишком слажено сработало следствие и прокуратура. Слишком круто собрали дело.

— Недооценивать господина Эверетта опасно.

— А он счастлив. Его любит лучшая женщина. У него лучший друг. Ну так что будем делать, Андреас?

Последнюю фразу она выдохнула ему на ухо, подавшись вперед. Ли прикрыл глаза. Только сейчас он понял, что искренне соскучился по ней. И по тому, как чувствовал себя рядом с ней. Чертова пресс-конференция!

— Тебе нужно работать. И мне тоже.

— Ты будешь там? — Она распахнула глаза, изображая удивление.

— Буду. А потом мне нужно доехать кое-куда и кое с кем поговорить. Я освобожусь в семь. Что ты делаешь сегодня вечером?

— Готовлюсь к нашему первому свиданию.

Андреас наклонился и с неожиданной для самого себя нежностью припал к ее губам с поцелуем. Они оказались мягкими, нежными и вкусно пахли. Он не заметил, как запустил пальцы в ее волосы, наслаждаясь от прикосновения и от ощущения, что она отдала бы все на свете, чтобы отдаться ему прямо здесь. И прямо сейчас. Эта мысль заставила его отстраниться и взглянуть на женщину с улыбкой, которую она так от него ждала.

— Тогда готовься хорошо. Позволишь угостить тебя ужином?

— Давай закажем еду. Мне по нраву другое блюдо, и я не хочу тратить два часа на

походы в ресторан.

Лаборатория № 1

Госпиталь имени Люси Тревер

Андреас Ли чувствовал себя неудобно. Люди в белых халатах и масках, закрытые кабинеты, десять уровней защиты, закрытые зоны. Лаборатория в корне отличалась от того, к чему он привык в больнице. Другие порядки, другие люди, другой дух. Оскар Мун не удивился звонку и согласился переговорить с полицией. Он даже не выразил удивления по поводу того, что выбор пал именно на его кандидатуру, хотя любой другой на его месте бы засомневался. И как минимум начал бы переживать. Доктор Мун оказался моложавым мужчиной лет пятидесяти с острым взглядом темных глаз и еще черными волосами. Он чуть горбился и пытался выглядеть старше, чем был, скорее отдавая дань стереотипам и поддерживая образ ученого, чем потому, что того требовало тело.

Доктор Мун, оставшийся без своей лаборатории, ютился в небольшом кабинете. Большинство его сотрудников пришлось отправить в отпуск без содержания, и он явно чувствовал себя неудобно.

— Мне рекомендовали вас как ученого, способного смотреть сильно глубже привычной научной теории, — издали начал Ли. — Я принес результаты вскрытия и анализов одного человека. Я хотел бы, чтобы вы посмотрели и подумали. Возможно ли такое, что этот человек был отравлен самоустраняющимся или модифицирующимся веществом, которое сподвигло его на серьезные противозаконные и противоестественные действия?

— Доктор Хоул предупредил меня, что вы придете, капитан Ли, — мягко с легким акцентом, природу которого Андреас установить не смог, начал Мун. — Что будете спрашивать о веществах, разработанных темными существами. Не буду скрывать, такие есть. И их много. Темная медицина серьезно отличается от того, что мы видим здесь. Но вирус, который блокирует супер-эго? Я такого не видел.

— Не будем говорить сразу о вирусе. У каждого препарата есть побочное влияние на организм и даже на психику, — Ли понял, что говорить нужно крайне осторожно. Он будто ступал по минному полю. — Даже действие обычных лекарств до конца не изучено. А что говорить про все остальные?

Мун чуть нахмурился.

— Тут я не могу выразить какую-то определенную позицию. Возможно, вы правы. Может быть, ошибаетесь.

Ли откинулся на спинку кресла и посмотрел на хозяина кабинета сверху вниз. Еще один полукровка на его голову. Только более погруженный в Темный мир и явно испытывающий интерес ко всему, с ним связанному. Что он скрывает? Природное чутье темного эльфа не могло сходу пробить защиту этого существа (человеком его назвать Андреас не мог и не хотел). Но он что-то явно скрывал. Или он просто привык прятать свои мысли и чувства от всего мира. А это он уже мог понять.

— Я не верю, что происходящее в Треверберге — простое совпадение. Вы слышали о Стрелке?

— Слышал. Как не слышать. Это же его документы? Я не вижу здесь ничего подозрительного. Конечно, если бы оставили немного тканей, которые я смог бы изучить, возможно, картина бы изменилась.

— Я могу обращаться к вам за помощью?

— Конечно, — неожиданно улыбнулся Мун. — Мне всегда было интересно поработать с полицией.

— Надеюсь, вам вернут вашу лабораторию.

Мужчина помрачнел.

— Уже не верю в это. Что-то все затянулось.

Вечер того же дня

Ли успел принять душ, переодеться, заскочить за букетом и примчаться в другой конец города. В окнах Мередит Гейбл горел свет. В квартире напротив — темно. Все-таки переехала. Мысль об этом на мгновение омрачила его настроение, но полицейский быстро взял себя в руки. Воспользовавшись тем, что кто-то из соседей выходил из подъезда, он проскользнул вовнутрь и взлетел по лестнице. Даже не запыхался. А хотелось. Нажал на кнопку звонка и замер перед дверью, держа аккуратный букет перед собой. Мередит открыла незамедлительно. Она тщательно приготовилась ко встрече. Белый пеньюар, под ним проглядывало красное белье. Ли переступил через порог, молча протянул ей букет. Женщина опустила его в приготовленную заранее вазу и улыбнулась так, как может улыбаться только она. Андреас закрыл за собой дверь, протянул к ней руки и, преодолев короткое сопротивление, прижал к себе. Она использовала другие духи, но не могла изменить того единственного, что, оказывается, было способно свести его с ума: свой эмоциональный запах и запах кожи. Настоящий. У нее явно в роду были вакханки, иначе как объяснить такой сумасшедший магнетизм?

Мередит расслабилась в его объятиях, стоило ему ее поцеловать. Она оказалась права. Ужин подождет.

Глава вторая. Самсон Шивали

10 мая, Треверберг

Самсон вскрикнул от неожиданности, когда его смуглокожая рабыня Гера надавила на болевую точку. Она уже час разминала затекшие мышцы своего господина, но то и дело находила очередной зажим и с ворчанием принималась за него. Кто бы мог подумать, что тело состоит из такого количества точек, которые могут свести с ума от боли, если на них неправильно воздействовать. Мужчина закусил губу и попытался расслабиться. Боль прострелила его от поясницы, где орудовала женщина, до кончиков пальцев, а потом ударила в голову. В глазах потемнело, и он их закрыл.

— Уезжать тебе надо, хозяин, — причитала Гера. — Здесь беда. Не жди этот треклятый суд. Возьми меня и уезжай.

— Я не маленький мальчик, чтобы убегать от опасности.

Он почувствовал, как напряглись ее пальцы.

— Здесь беда.

Женщина замолчала. Следующие тридцать минут она ничего не говорила, а Шивали думал о том, как интересно все переменялось за последние два месяца. Сейчас он готовился к, пожалуй, самой важной встрече. Королева криминального мира Треверберга вернулась в свое королевство, и назначила ему аудиенцию. Бессознательно он, наверное, надеялся, что она вмешается в дело с полицией. Ведь она знала, что он не торговец наркотиками. И что дело фальсифицировано. Но фальсифицировано слишком хорошо.

— Ты должен уехать, — неожиданно повторила Гера, прикрывая его спину белым теплым полотенцем. Она обошла койку и села так, чтобы он мог видеть ее лицо.

Самсон открыл глаза.

— Я не уеду. Через неделю я выиграю это треклятое дело. И все закончится.

— Через неделю действительно все закончится. Но... мне было видение. Ты не вернешься домой.

— Оставь свои видения себе, женщина, — вскипел Самсон, подскакивая на кушетке. — Продам тебя ко всем чертям. Надоела. Убирайся.

Гера не пошевелилась. Ее ладная фигура и тонкое лицо ему всегда нравились, но сейчас бесили своим совершенством. Будто греческая статуя ожила и теперь везде его сопровождала. Она смотрела на него своими миндалевидными глазами. Четкая линия черных бровей, безразличие к собственной судьбе и искренняя озабоченность делами господина. Он купил ее лет десять назад еще ребенком. Дал медицинское образование, оставил при себе в качестве личной медсестры и массажиста. Иногда она подсказывала ему решения в ситуациях, когда он сомневался. Иногда он спал с ней, если нуждался в спокойном принятии и ласке. А иногда гнал прочь, как шавку, которая мешается под ногами. Гера, которая не помнила себя свободной, принимала любое проявление воли господина, как благодать. Впервые за десять лет ему стало не по себе.

— Не уйдешь? — минуту спустя спросил он.

Гера покачала головой. Черные кудрявые волосы упали ей на плечи. Выразительные губы тронула насмешливая улыбка.

— Я знаю, как ты относишься к эзотерике, господин. Знаю, что ты не доверяешь моим снам. Но также знаю, что ты прекрасно видишь, к чему все ведет. Ты так и не установил

того, кто стоит за подставой. А между тем у полиции с каждым днем все больше доказательств. Они начали ковырять наркотики, но пришли к...

— Встреча с Рамоном у меня через несколько часов, — прервал он, сделав повелительный жест. — Не надо повторять то, что он мне и так скажет. Скажи, что хочешь ты.

— Я хочу, чтобы мой господин был свободен и счастлив.

Самсон поманил ее.

— Так сделай меня счастливым.

Несколько часов спустя

Клуб «Токио»

Самсон Шивали поправил пиджак, глянул на себя в зеркало при входе и смерил взглядом тонкокостного бледного мужчину, имени которого не знал. Судя по всему, он состоял в свите Железной Леди, королевы криминального мира Треверберга. Шивали встречался с боссом редко, но каждый раз этот похожий на смерть мужик был здесь. Он сверлил гостя черными, как сама ночь, глазами, будто кто-то встроил в них микроскопы. Рядом с ним было некомфортно. Но этот дискомфорт не шел ни в какое сравнение с тем, что ему предстоит испытать, как только королева до него снизойдет. Железная Леди была пунктуальна до одури. И если он приезжал раньше, приходилось ждать. Ее покои были устроены как кабинет хорошего психоаналитика: два входа. Прихожая и одна дверь для тех, кто ждал приема. И запасной выход для тех, кто ушел. Поэтому все участники ее империи не подозревали о наличии друг друга. Она не стремилась обогащать людей дополнительными связями, если того не требовали обстоятельства. Гера настроила мужчину на миролюбивый лад, и он почти подготовился ко встрече и почему-то был уверен, что диалог с королевой станет определяющим.

Сидеть он не мог, поэтому мерил шагами прихожую, стараясь не обращать внимание на молчаливого стража. Красоту этого места он тоже не воспринимал. Потому что его душе был чужд восток. Он никогда не видел королеву без маски. Да и никто не видел. Но, соглашаясь работать с ней, он почему-то решил, что уж ему-то она откроет лицо, но не тут-то было. Железная Леди, женщина без лица и имени, умело выстраивала границы, совершенно не переживая по поводу чувств своих подчиненных. Она делала то, что считает нужным. И Самсон видел результаты этой работы. Эту безошибочно работающую систему по контролю, весу и заработку денег. Только вот в случае с ним система дала сбой. Еще ни разу полиция не подбиралась так близко к верхушке. Самсон понимал, что даже в случае его ареста Железная Леди не потеряет ничего. Слишком разрозненная сеть, слишком мало внутренних связей. И от этой мысли стало пусто. В душе поднялась мысль, от которой он отказался с ужасом. Сначала поговорить с ней. Потом переживать! Или лучше вообще не переживать, пускай переживает Эверетт. Выигранный суд — его забота, в конце концов. Он за это неплохо получает.

Наконец охранник отделился от прохода, пересек прихожую и молча открыл дверь в покои королевы. Самсон смерил его подозрительным взглядом, потом кивнул в знак благодарности, наклонил голову, чтобы не удариться о низкий косяк, и очутился в знакомо-незнакомой зале. Железная Леди сидела в глубине покоев на диване, подогнув изящные ноги под себя. Традиционная японская маска гейши, полностью скрывающая лицо, распущенные

угольно-черные прямые волосы, красный кимоно. Хозяйка клуба полностью соответствовала ему. Интересно, почему за столько лет он даже не попытался узнать, на чье имя записан клуб «Токио»? Скорее всего, на этого щегла охранника. Она слишком осторожна, чтобы давать кому-то даже вымышленное имя. Скорее всего, этой женщины не существует на бумаге.

— Твои пятнадцать минут пошли, — спокойным голосом произнесла маска. — Какой у тебя план?

Самсон медленно набрал воздуха в грудь. Выдохнул. Потратил еще целую минуту, чтобы занять свое место в кресле напротив нее. Слишком далеко, чтобы включились иные, кроме зрения и слуха, органы чувств. Он мечтал оказаться ближе, зная, какое влияние оказывает на всех, кто попадает диаметр. Но Железная Леди не давала. Никогда. Она умела выстраивала границы, и не существовало силы, которая смогла бы их сломать или прогнуть. Как бы там ни было, она всегда была такой. И, соглашаясь с ней работать, Самсон знал, на что идет.

— Против меня сформировали дело. Я видел бумаги — это слитая, перемешанная информация.

— Ты нашел крысу?

— Занимаюсь этим.

— Ты за два месяца не нашел крысу? — уточнила она.

На маску смотреть было неприятно. Он не видел мимики. Это просто уточнение? Насмешка? Угроза? Все тот же ровный тон. Спокойно лежащие на коленях руки. Кажется, она даже не дышала. Самсон смотрел в этот суррогат лица и думал о том, что в настоящее мгновение, пожалуй, отдал бы жизнь за то, чтобы она поговорила с ним нормально. Ему казалось, что это все изменит.

— Нет, — сказал он так же спокойно. — Не нашел. Возможно, я его даже не знаю в лицо.

При этих словах маска дрогнула. Она подняла голову. Выглядела это так, будто человек вздернул подбородок. Эмоция? Неодобрение? Шивали безошибочно считывал эмоции людей. Но не этой женщины. Как неудобно.

— Мне странно, что моя правая рука пасует перед каким-то полицейским.

— Может, ты рано дала мне эту должность?

— Скорее всего ты прав, Шивали. У тебя неделя до процесса, реши проблему. Иначе в чем смысл твоего нахождения здесь? Если ты не можешь защитить самого себя, не сможешь принести пользу и нашему общему делу. Ступай.

— У меня еще десять минут, — взбунтовался он, поднимаясь.

Он стремительно пересек расстояние между ними и остановился в шаге от Железной Леди, которая не пошевелилась и, кажется, никак не отреагировала на это нарушение этикета. До него донесся тонкий аромат ее волос.

— Ты знала о процессе? — приглушенно спросил он.

— Конечно. О нем знает весь город.

— Ты поняла, что я имею в виду. Ты знала о процессе. Не из прессы или от меня. Ты знаешь больше, чем говоришь.

Железная Леди медленно поднялась. Она встала на расстоянии руки от него. Маленький рост ничуть не мешал ей сохранять независимый и почти суровый вид. Самсон невольно вздрогнул, когда она подняла ладонь и мягко ткнула его в солнечное сплетение.

— Я всегда знаю больше, чем говорю. А ты, будучи темнокожим богом, на которого

молится половина города, приполз ко мне и скулишь как девка. Если тебе нужна помощь, так и скажи. Если ты не способен решить задачку с полицией, так и скажи.

Он отступил, потрясенный тем, какая концентрированная ярость звучала в ее словах. Она даже не повысила тон, но из него будто выбили жизнь. Мужчина пришел в себя через несколько минут, когда прохладные пальцы Железной Леди коснулись его руки. И это прикосновение было приятным, ободряющим. Почти материнским.

— Ступай, — мягко сказала она. — И возвращайся победителем. Или не возвращайся вовсе.

Офис Самсона Шивали

Вечер того же дня

Шивали отослал прочь всех помощников и заперся в кабинете в ожидании адвоката. Он снова и снова прочитывал дело, подмечал доводы обвинения, вчитывался в строчки, которые казались ему вырванными из контекста, и думал над разговором с Железной Леди. Неужели так сложно было поймать крысу? Он пытался спихнуть ответственность на кого угодно, даже на адвоката, который не был в курсе всех его дел, а сегодня понял, что сам себя загнал в капкан. Послушай он Рамона сразу, откройся ему больше, чем того требовало конкретное дело, и вместе они бы успели найти утечку. А вместе с ней и выход из ситуации. Дело сшили, но у него не было доказательной базы. Размышления, разрозненные факты, которые Эверетт надеялся развалить в пеструю кучу ненужной информации. Их стратегия защиты строилась в первую очередь на нестыковках обвинения. Они не доказывали невиновность. Они не позволяли доказать вину. И Рамон планировал сыграть на присяжных. Он знал, как выбирать людей. Знал, кто нужен для такого дела. А в выборке всегда оказывались люди нужного психотипа.

Рассвирепев от круговерти мыслей, Шивали смахнул бумаги на пол и упал в кресло, схватившись за голову. Какой он к черту бог. Его душу раздирали страх. Впервые в жизни ему было страшно. Смерть — ерунда по сравнению с бессилием перед третьей стороной, на которую он так глупо не смог повлиять. С Дрейком диалога не получилось. К нему еще завалился Ли. Вспомнив о разговоре с капитаном, Самсон глухо зарычал. Вот еще одна тема для разговора с адвокатом. Эверетт не скрывал своей дружбы с Ли, и шпионам Шивали не составило труда заметить, что полицейский и адвокат встречаются чаще, чем того требовала работа. Как они вышли на турка? Самсон не верил в совпадения.

К моменту, когда в дверь постучали, он полностью заменил страх яростью, и встретил Рамона во всеоружии.

Он открыл дверь, молча отстранился, позволив адвокату проникнуть в кабинет, закрыл дверь и остановился, заложив руки за спину. Эверетт со спокойным видом прошел через кабинет к столу, скептически оглядел разбросанные бумаги и наконец поднял глаза на клиента. Самсону не понравилось выражение этих глаз. Очень не понравилось.

— Давай поговорим о твоём друге капитане Андреасе Ли.

Рамон изобразил удивление.

— Ты решил на это потратить свои два часа? За неделю до суда?

— Я же плачу тебе. Какая разница, о чем мы будем говорить. Я не рассказал тебе, что твой дружок примчался ко мне с обвинениями в торговле оружием.

— С обвинениями? Официальными?

— Нет.

— Тогда какое это имеет значение?

Самсон коротко выдохнул, чтобы сбросить напряжение. Распрямил плечи.

— Это ты вывел полицию на турка?

— Я похож на сотрудника полиции?

Спокойствие Эверетта казалось одновременно странным и вызывающим. Только синие глаза потемнели, а в комнате стало как-то холодно. Шивали поежился, но решимости у него это не убавило.

— Как они...

— Полиция вышла на твоего турка, потому что он идиот и продал пацану оружие, из которого тот убил почти тридцать человек, — прервал его Рамон. — И турок оказался так труслив, что выдал твое имя на первом же допросе. Вывод тут только один. Впредь внимательно подбирай людей и не пускай к себе тех, кто может дать слабину. Короля определяет свита, а твоя — с гнильцой.

— Как ты смеешь...

— Я твой адвокат. — Рамон поднял руку, заставляя его замолчать. — И я знаю тебя лучше остальных. И этот фарс с судом, с турком и со всеми остальными — тщательно спланированная акция. У тебя есть одна надежда. И она перед тобой. Так что заткнись и слушай. И через неделю мы встретимся накануне суда и еще раз прорепетируем то, чему я научу тебя сейчас. И не дай бог тебе отклониться от плана. Возражения?

Самсон покачал головой. Сел на диван и замер в ожидании. Парадоксально, но злость улетучилась. После того, как Эверетт съехался со своей докторшей, в нем что-то изменилось. Он то ли успокоился, то ли наоборот стал более подорванным. Более проявленным, так будет правильно сказать. Резким.

— Приступайте, месье адвокат. Я весь ваш.

Глава третья. Офелия Лоусон

Вечер 10го мая, среда

Офелия вздохнула, провела тыльной стороной руки по лбу и опустилась на диван. Обычно Рамон не опаздывал к ужину. Но сейчас его не было дома, а это значит, что либо он поест где-то еще, либо задержится, а это значит, настроение у него будет не самым миролюбивым. Мистер Эверетт вообще не отличался добрым нравом. Конечно, с ней он вел себя иначе, но со всем остальным миром оставался жестоким, прагматичным и несгибаемым. Однажды она уже попала под горячую руку адвоката, когда умер его свидетель, и поэтому осторожно прощупывала границы, чтобы определить для себя безопасную зону. Пока все было хорошо. Даже очень. Он дарил ей подарки, то и дело возил в рестораны и при этом не знакомил ни с кем, если того не требовали обстоятельства. Их замечали в ресторанах и театре, но в таких ситуациях Эверетт вел себя осмотрительно и вежливо сворачивал разговор, не позволяя ему толком начаться. Офелия играла по его правилам, не задумываясь о причинах их происхождения, пока не поняла, что и она сама не горит желанием представлять его кому-то из коллег. То, что происходило между ними, только их. Доступа туда не было даже тем, кто знал обоих. Не только негласные правила о невмешательстве появились в ее жизни. Но и вполне определенные законы, по которым жил Эверетт, и которые им пришлось обсудить и утвердить. Они договорились о границах.

Правило номер один. Ужин — это святое за исключением дней дежурств Офелии в больнице или судебных заседаний, назначенных на вечер. Если дела занимают вечер внезапно, один должен найти способ предупредить второго. Любым образом. Они отправляли нарочного с записками, звонили на рабочие номера. За два месяца подобные ситуации возникали два или три раза. То Офелию задерживали на операции, то кто-то из клиентов Рамона внезапно назначал встречу. Сегодня Эверетт опаздывал, не предупредив, впервые.

Правило номер два. Как бы не была великолепна близость и как бы ни хотелось ее продлить, адвокат всегда уходил спать в отдельную комнату. Сама комната была открыта, и он несколько раз звал Офелию туда, но Лоусон не стремилась проникать в это по-спартански оборудованное помещение. Он немало удивился, когда она попросила убрать матрас с постели в спальне, даже сначала воспринял это как манипуляцию, но через пару недель понял, что она тоже привыкла спать на жестком. Что не мешало ему каждый раз уходить к себе. Лоусон об этом не задумывалась. Сколько себя помнила, она жила одна. Она могла задремать рядом с Рамоном, как это произошло в резиденции с конюшней, но именно спать предпочитала одна. На жестком и обязательно с двумя одеялами. Одно пропускала между ног и дотягивала так, чтобы можно было положить его под голову, а другим укрывалась.

Правило номер три. Она не должна была расспрашивать его о работе. С одной стороны, она не стремилась, с другой — четко сформулированный регламент помогал не испытывать лишних мук любопытства. Впрочем, Офелия о работе тоже не говорила. Эверетт мало что понимал в хирургии, и поделиться с ним мыслями и наблюдениями она не могла, для этого существовали коллеги. А все остальное относилось к секретным данным пациентов, и разглашению не подлежало.

И они никогда не обсуждали мужчин и женщин, с которыми имели дело. Лоусон всеми силами убегала от настойчивого внимания Астера, стараясь сделать так, чтобы Рамон о нем не узнал (ну хотя бы не вспомнил). Инстинктивно она понимала, что Дональд проживет недолго, если переступит черту. Разговоры о бывших и тех, кто пытался влезть в их отношения, были табуированы. В остальном все урегулировалось само собой.

Офелия хорошо помнила тот день, когда такси перевезло ее с небольшим чемоданом в этот новый дом. Рамон ждал в квартире. Вещи на последний этаж поднимал портье. Офелия прошла в квартиру, еще до конца не понимая, что происходит, а адвокат стоял прямо напротив двери у огромного панорамного окна, заложив руки за спину, и смотрел на нее светящимися от радости глазами. Этот взгляд был настолько чист и светел, что отпечатался в ее сердце. Она видела его и позже. Почти каждый день. Но в тот вечер он дал нечто особенное. Особенный старт их отношениям, которые развивались слишком стремительно и, наверное, шаблонно.

Когда за портье закрылась дверь, в квартире наступила такая тишина, что ушам стало больно. Оба не шевелились, глядя друг на друга. Офелия чувствовала себя смущенной. Рамон не показывал ничего, кроме этой обезоруживающей, почти мальчишеской улыбки. И он был так прекрасен в этот момент, что единственное, о чем она мечтала: запомнить. И запомнила. Его лицо в мельчайших деталях, позу, в которой он стоял, неровно отогнутый ворот рубашки и складки пиджака на локтях. Солнечный свет в шоколадных волосах, чертинки в синеве глаз. И белозубую улыбку, которая стала совсем другой. Теплой. Родной. Она не понимала, как они за две или три недели смогли пробежать такой путь. Наверное, у бессмертных существ все в разы быстрее, чем у людей. Им отмеряна вечность, но они берегут каждую минуту. И каждую минуту стараются жить так, чтобы потом не жалеть о потерянном времени.

Офелия, погружившаяся в воспоминания, с тревогой взглянула на часы. Может, он передал записку, и ее просто не успели доставить? Она глянула на стол. Она редко готовила. Эверетт считал, что его женщина не должна его обслуживать и предпочитал водить ее в хорошие рестораны. Но после долгих разговоров понял, что для нее приготовление пищи не обязательство. И она делает это не потому, что должна. А потому, что нравится. Это медитативно в процессе и дьявольски приятно в конце, когда любимый мужчина блаженно жмурится, наслаждаясь. Наверное, именно этого ей хотелось сегодня. Увидеть, как медленно, но неотвратимо разглаживается его лицо, как взгляд проясняется и светлеет, как уходят морщинки. Как исчезают мысли о работе и на смену скандально известному адвокату приходит ее мужчина.

Она вздрогнула, вынырнув из размышлений. Скрежет ключа в замочной скважине. Дверь медленно открылась. Рамон молча показался на пороге. Увидев ее, стол, он бросил взгляд на часы и побледнел. Она невольно выдохнула. От облегчения.

— Лия, прости, — не раздеваясь, он пересек прихожую и заключил ее в объятия.

Лоусон покачала головой, не зная, что сказать. Она не могла говорить. Туча эмоций пронеслась в ее душе и улеглась, уступая место знакомой нежности. И этому сладкому чувству — находиться в его объятиях. Она в свою очередь обняла мужчину, погладила его по спине и отстранилась, заглянув в глаза.

— Голоден?

— Как стая диких оборотней, — проговорил он. — Задержался на сорок минут.

— Вино или воду?

— Вино и тебя, — улыбнулся он. Но улыбка получилась безрадостной. Офелия хотела спросить, как он, но вовремя прикусила язык. Очевидно же, что он только с работы. Встречался с кем-то из клиентов. В календаре на холодильнике некоторое время назад Рамон обвел красным семнадцатое число. Он коротко пояснил тогда, что это важное заседание, и ближе к нему он может стать очень неприятным. Почему она про это не вспомнила, когда придумала себе бог весть что?

— Сначала ужин, — отозвалась она, отбросив за плечо заплетенные в тугую косу волосы. — Дай мне пару минут.

— Пару минут на что? Стол выглядит великолепно, — проговорил Эверетт, проходя в ванную. Дверь за собой он не закрыл, и через мгновение Офелия услышала, как зажурчала вода. Он умывался.

— Налью вино.

Рамон выглянул из ванной. Посмотрел на нее. Впервые оказавшись в этой квартире, на первом этаже которой стены были только в ванной и туалете, Офелия не сразу поняла, как она себя здесь чувствует. Но с течением времени ощутила, насколько такая планировка удобна. Зонирование обеспечивалось мебелью и разным уровнем пола. Она никогда не видела подобного ремонта. Несколько капель упало с лица мужчины на плитку.

— Я снова перед тобой виноват. Это начинает бесить.

— Правила, — бросила Офелия через плечо. — Равны для нас обоих. Не предупредил — плати.

Его глаза хищно блеснули.

— Оплату в каком валюте предпочитает мадам?

— Мадемуазель, — поправила Офелия. — Я подумаю. Если готов, иди за стол. Я приготовила кое-что действительно вкусенькое.

Адвокат кивнул, на несколько секунд скрылся в ванной, чтобы вытереть лицо, и, вернувшись, опустился в добротный стул со спинкой. Пиджак он снял, оставшись в белой отглаженной рубашке, верхние три пуговицы которой расстегнул. Он подвернул рукава и прикоснулся кончиками пальцев к столешнице. Офелия колдовала с едой и напевала себе под нос какую-то мелодию. Она чувствовала, как постепенно комок напряжения растворяется в груди. Он дома. И в этом было что-то удивительное.

— Я хочу нанять повара, — неожиданно сказал он. — Ты чудесно готовишь, но ты не кухарка, чтобы тратить на это время. У меня всегда были повара. А тут как-то забыл... ел в ресторанах, в основном.

Офелия опустила голову напротив него и тронула волосы, снимая ленту. Начала разбирать шелковистую косу пальцами.

— Если ты оставишь за мной право готовить хотя бы изредка, не возражаю, — сказала она, не отводя глаз от его лица. — Приятного аппетита.

— Боги, женщина, где ты этому научилась? Это очень вкусно!

Утро 11 мая, четверг

Госпиталь имени Люси Тревер

Офелия уехала из дома затемно. После ужина они долго сидели на диване, обнявшись.

Молчали. Рамон думал о своем, и она понимала, что все мысли его заняты работой и предстоящим заседанием. А она ни о чем размышлять не хотела. Из-за ужинов ей пришлось существенно изменить подход к работе. Приезжать в клинику раньше, если смена дневная, позже, если вечерняя. Астер подписал все необходимые документы, не глядя ей в глаза. То был сложный разговор, но теперь она сама управляла своим временем, имея возможность в нужные часы уезжать домой. К счастью, Эверетт жил намного ближе к госпиталю, чем она сама.

Спать она ушла в полночь. Встала в четыре и через тридцать минут уже сидела в автомобиле. Ее ждало несколько чудеснейших операций с Генри Аркенсоном, в котором что-то изменилось после дела Стрелка, и он все чаще ставил свои смены так, чтобы пересечься с Офелией и пригласить ее на очередной сложный случай. А еще сегодня должны были привести первую партию инструментов для операций на темных существах, о поставке которых Аркенсон и Лоусон договорились за спиной у главврача с Филиппом Орле, чей контакт дал ей Рамон после случайно оброненной жалобы на тему того, что в госпитале работают темные существа, лечатся темные существа, но оборудование рассчитано только на людей. Астер — человек. И хрупкий баланс информирования о Темном мире не может быть нарушен. Лоусон увлеченно погрузилась в тему темной медицины, Аркенсон ее поддержал. А Эверетт внезапно решил проблему с оборудованием. Сначала он переговорил с Орле сам. А потом организовал встречу с ним, Офелией и доктором Генри. Тридцатиминутный разговор свелся к списку необходимого, который заранее составили хирурги. Орле подтвердил наличие, отказался от денег, сказав, что нет ничего ценнее толковых врачей, у которых под рукой есть все необходимое и которые в состоянии помочь тебе или твоим подчиненным.

Так было заключено молчаливое соглашение, по которому госпиталь имени Люси Тревер в лице Офелии и Генри Аркенсона обязывался тайно и быстро оказывать помощь темным существам. Без документов и очередей. Странные чувства, которые затопили Лоусон при первой встрече с Орле, вернулись, но у нее не было времени сконцентрироваться на них. Она старалась не смотреть незнакомцу в глаза и в целом доверила Аркенсону ведение переговоров. Мужчины быстро нашли общий язык, ударили по рукам и договорились поддерживать контакт. Офелия с удовольствием ушла из коммуникаций. А вечером рассказала Рамону, чем все закончилось.

Было странно ощущать вину в этот момент. Эверетт смотрел на нее с улыбкой, выслушивая рассказ о переговорах и достигнутом соглашении. А она чувствовала себя на приеме психиатра. Будто он видит намного больше, чем она сама. Видит то, что она еще не осознала. Тот вечер закончился чудесно, и Лия немного успокоилась. До сегодняшнего утра. Она знала, что Орле привезет первую партию оборудования лично. Возможно, ее нервозность была связана именно с этим. Паника перед встречей с существом, которое на нее странным образом влияло. Нет, она не сошла с ума. И речь шла совершенно не про чувства. Речь шла о том, что она о себе что-то не знает. Что-то потаенное, глубокое. И это как-то связано с ее снами. С прошлой жизнью. С той частью ее личности, которая погребена под именем Незнакомки. Лия осознала, что она совершенно не помнит себя до того, как ее обратили. Она даже не помнит самого обращения. Будто ее жизнь началась в момент, когда она выживала на улицах Парижа. Будто до этого ничего и не было.

Лия зло ударила по рулю. Она уже давно подъехала к госпиталю, выключила мотор, но не могла найти в себе сил, чтобы подняться. Тревога вперемишку с грустью от того, что в

последние дни они с Рамоном проводят меньше времени друг с другом, нехорошо на нее влияли.

В окно постучали. Она вздрогнула, машинально опустила стекло и только потом подняла глаза. Перед ней стоял Дональд Астер собственной персоной.

— Ты встала на мое место, Лоусон, — недовольно проговорил он.

Она бросила рассеянный взгляд на табличку и не удержалась от улыбки. Действительно.

— Видимо, это единственный способ заставить тебя со мной поговорить?

— А, то есть это я избегаю разговора и переехал к другой? — с вызовом бросил он. — Будь добра, убери свой автомобиль.

— Можешь занять мое место. От него ближе.

Дональд замер, будто удивленный этим предложением. Несколько долгих мгновений он сверлил ее взглядом без улыбки. А она не чувствовала ничего. Ни страха, ни смущения, ни тревоги. Человек-главный врач в единственной крупной клинике на территории такого города, как Треверберг. Ну не убогая ли идея? С этим надо что-то делать. Клинике нужен такой управленец, который сможет соблюсти баланс и при этом расширить знания о темной медицине среди персонала. Нужен филиал. Да. Филиал. Просто в другой части быстрого растущего города. Это не вызовет никаких вопросов. Конечно, люди будут приходить и туда, и туда, но если все работающие в системе здравоохранения темные существа будут знать о разделении, то спасенных жизней станет больше.

— Хорошо. Но мы идем за кофе вместе, и ты говоришь, что хотела. А я говорю, что я хотел. И пока мы не закончим, ты никуда не уходишь.

— У нас есть ровно тридцать минут. Потом у меня операция.

Астер покачал головой, но не ответил. Развернулся, сел в машину и лихо поставил ее на нужное место.

Офелия подхватила с сидения сумочку, вытащила ключ из замка зажигания. И какого черта она встала на его место? Так задумалась? Перепутать было несложно, некоторое время назад он выделил ей парковку рядом с собой. В другой жизни. В жизни без Рамона и без перспектив.

Лоусон закрыла глаза. Что с ней может случиться? Потеряет работу? Исключено. Будет вынуждена отбить очередной виток ухаживаний? Легко. Он всего лишь человек. Она боится, что Астер сорвет их планы по расширению профиля клиники? В крайнем случае она его зачарует, и он все забудет. Если сможет, конечно, раньше она ничего подобного не делала.

Она открыла дверцу, вышла на прохладный утренний воздух и заперла автомобиль. Почувствовав присутствие главврача за своей спиной, нарочито медленно развернулась. Астер смотрел на нее сверху вниз. Улыбка так и не вернулась на его лицо, и оно стало холодным и злым. Но что-то подсказывало ей: это его настоящий образ. Никаких наигранных улыбок и галантности, никакой вежливости на грани фола. Холодный и жестокий карьерист, который прекрасно осознает свои сильные и слабые стороны и умеет выбрать единственно верную линию поведения в любой ситуации. В нем что-то сломалось. Либо после взрыва в лаборатории, с которым он так до конца и не разобрался, либо после того, как она переехала к Эверетту. Но это глупо.

Астер не предложил ей руки. Он поправил добротный пиджак из английской шерсти, повернулся и неторопливо направился к клинике. Офелия шла, отставая на шаг. Ее мысли вернулись к предстоящей операции, внутри вновь поднялось волнение и предвкушение перед получением оборудования. Интересно, как выглядит скальпель с напылением из храмового

серебра? Он так же лежит в руке? Легче? Тяжелее? Ее руки настолько привыкли к инструментам, что придется переучиваться? Или инженеры учили все и сделали идентичные обычным инструментам? Что там будет еще, кроме скальпелей? Специальные нити? Нити у Аркенсона были, но он их использовал редко, берег. Теперь будет проще?

— Чему ты улыбаешься?

Холодный голос Астера вырвал ее из глубины размышлений. Офелия удивленно огляделась. Они уже пересекли парковку и теперь стояли около лифта. Она не заметила пути. Лоусон подняла глаза на главврача. Ее улыбка погасла, а лицо окаменело. Дональд побледнел, но не отступил.

— Что ты хотел обсудить?

— Я? — Он, видимо, удивился. — Это ты поставила автомобиль на мое место. Привлекла внимание. И вот мы говорим. Сколько там минут осталось? Двадцать пять?

Двери лифта открылись, врачи прошли внутрь, и Офелия нажала кнопку нужного этажа. Повернула голову и посмотрела на Астера снизу вверх.

— Что случилось, Дональд? — негромко поинтересовалась она. — Ты так ко мне относишься потому, что я выбрала другого?

— Я так к тебе отношусь, потому что ты меня предала.

— Я?!

— Я провел независимую экспертизу по лаборатории. И она обнаружила доказательства того, что ты была там непосредственно перед взрывом. Что ты там делала? Специалисты считают, что перед взрывом отключили оборудование, отвечающее за стабильность сети.

Офелия нажала на большую красную кнопку экстренной остановки, и лифт встал, не успев доехать до нужного этажа.

— Что за бред ты несешь? Рамон видел эти «доказательства»?

— Нет, конечно. Он будет тебя защищать.

— Тогда покажи их мне.

— С чего бы. Я жду официальной бумаги. Мне уже сообщили, что страховая разворачивает иск против меня. Мистер Эверетт мой адвокат. А это значит, что он не сможет быть и твоим адвокатом. Так что удачи. Но какого черта, Офелия? Зачем ты это сделала?

Он схватил ее за плечи. Женщина была так удивлена, что даже не отстранилась.

— У меня такой же вопрос. Ты так легко поверил в сфабрикованную чушь. После всех лет совместной работы.

— Там нашли твои перчатки.

— Которые уцелели в пожаре?!

Он отскочил в сторону.

— Как они вообще там оказались?

— Ты не думаешь, что кто-то пытается подставить нас обоих? Что еще там нашли? Давай позовем Рамона и все обсудим. Единственное, в чем я могла тебя разочаровать, так это в том, что полюбила другого мужчину. Но я никогда бы не стала взрывать лабораторию, чтобы... чтобы что?

— Занять мое место?

— Чушь. Я ненавижу бюрократию.

Офелия тронула панель управления лифтом, и он снова заскользил вверх. Через несколько секунд створки открылись, и врачи оказались на нужном этаже. Лоусон

направилась в кабинет, Астер пошел за ней, не обращая внимания на вскочившую навстречу начальнице ассистентку. Марта не успела ничего сказать, Офелия скрылась в своем кабинете. Дональд прошел за ней. Закрыл за собой дверь и посмотрел на нее. На его лице читалось недоверие вперемешку с раскаянием.

— Звонить Рамону? — спокойным голосом, несмотря на внутреннее напряжение, спросила она. — Сколько у нас есть времени?

— Он просил его не беспокоить без надобности до семнадцатого числа, — бесцветным голосом сказал Астер. — Да и спешки нет. Я получил документы вчера, у официальных структур их еще нет. Городская экспертиза работает медленнее частной.

— Что именно содержится в документах?

Главврач покачал головой.

— Давай обсудим это позже.

— Дональд, ты обвинил меня в тяжком преступлении. И сказал, что есть какие-то доказательства. Почему не хочешь посветить в детали?

Мужчина провел тонкими слегка дрожащими пальцами по лбу. Ему явно было не по себе от разговора, и он уже жалел о том, что сказал несколько минут назад. Жалел о том, что так просто поверил в виновность Лоусон. Даже не поговорив с ней. Даже не проанализировав факты. Что с ним случилось? Так громок голос ревности? Красный туман застилал глаза?

— Я звоню Рамону. А ты берешь трубку и объясняешь, что за хрень тут творится.

Офелия подошла к столу, набрала номер. Диск возвращался на исходную позицию после каждой выбранной цифры. Главврач завороченно следил за пальцем хирурга, отключившись от реальности. А Лоусон надеялась, что ее мужчина добрался до офиса и не сильно занят. Наконец номер был набран. Женщина замерла, затаив дыхание. Она не сводила с Астера жесткого взгляда, в глубине души понимая, что просто недоразумением это не ограничится. Они тронули нарыв, и он вот-вот взорвется.

— Рамон Эверетт, — ожила трубка искаженным, но все же родным голосом адвоката.

Офелия медленно выдохнула.

— Это я, Офелия, — сказала она. — У тебя есть минут десять для разговора?

— Тебе не хватило сегодняшней ночи, и ты звонишь, чтобы назначить мне свидание?

Она с трудом удержалась от того, чтобы прикрыть глаза и погрузиться в воспоминания и мечты одновременно. Астер, напряженно следивший за ней, помрачнел. Мысли читать он, конечно же не умел. Зато прекрасно воспринимал невербалку.

— Конечно. Но, к сожалению, я по делу. Господин Астер сообщил мне, что у него есть доказательства моей причастности к взрыву лаборатории.

На том конце провода повисла тягостная тишина. Офелия представила, как нахмурился Рамон, как пролегли морщинки на лбу, добавляя его безупречности пару десятков лет. Как налился свинцом взгляд и остановился, выбрав объект для изучения.

— В переговоры не вступай. Он рядом?

— Да. Я знаю, что тебя не следует отвлекать, но...

— Женщина, даже если бы я ждал Судного дня и готовился к нему, угроза твоему благополучию важнее, — резко прервал он. — Дай трубку Астеру. Немедленно. И без меня ни с кем не говори на эту тему. Поняла?

— Да. Дональд, — она обратилась к главврачу. Тот недовольно нахмурился, но приблизился, и принял из ее рук трубку телефона.

Офелия опустила в свое кресло, поставила локти на столешницу и запустила пальцы в волосы. Только сейчас она поняла, насколько потрясена.

— Да. Вещественные. Проверил. Несколько раз. Да. Частная. Да откуда мне знать? Понимаю. Хорошо. Доктор Лоусон, во сколько вы освободитесь?

— Не раньше пяти, — бесцветным голосом ответила она.

— Отменить или перенести операции нельзя?

— Нет. К сожалению.

— Ты слышал, Рамон. В пять. Да. Хорошо, жду.

Он повесил трубку и посмотрел на хирурга. Та выдержала его взгляд без особенного напряжения. Ей было все равно.

— Эверетт придет сюда в пять.

— Хорошо.

Астер молча вышел из кабинета, не закрыв за собой дверь. Офелия встретила взглядом с испуганной Мартой и отвернулась. Как бы там ни было, нет времени растекаться. Скоро придет Орле. Скоро придет Аркенсон. Важный день, которого они так долго ждали. Нужно сосредоточиться на насущном. А лаборатория... Она не верила в то, что Рамон не сможет или откажется защищать ее в суде. Если дело дойдет до слушания, конечно. Что-нибудь придумает. Выкрутится. Он не оставит ее один на один с этим безумием.

Несколько часов спустя

Филипп Орле отличался от всех, с кем она общалась сейчас и ранее, своим мощным телосложением. Он обладал высоким ростом, широкими плечами и сейчас, когда сменил деловой костюм на джинсы и рубашку, подчеркнув тем самым торс, стало понятно, что он напрочь лишен утонченности. Его фигура странно контрастировала со строгим холодным лицом. При виде его ее опять сковало странными ощущениями, и она снова удивилась тому, как причудливо может преломиться реальность. Орле на нее не смотрел. Он говорил с Аркенсоном, который внимательно проверял инструменты и слушал о составе каждого. Через слово звучало «храмовое серебро», Офелия не вслушивалась и не понимала нюансов. Намного важнее было то, что эти инструменты позволяли оперировать темных существ. Эффективнее, чем обычная медицинская сталь.

— У меня есть еще кое-что, — негромко продолжал Орле. — Самое сложное в темной медицине — вопрос анестезии. Мы кое-как придумали, как совладать с устойчивостью к ней всевозможных необращенных. Не в обиду вам, Генрих, будет сказано, — кивнул он в сторону Аркенсона. — Но даже с темными эльфами проще, чем с любым из обращенных. С временем вампиры и Незнакомцы вырождаются. И они вполне могут сойти с ума от болевого шока. Не умереть. А серьезно так сойти с ума и случайно уничтожить больницу. Я наблюдал несколько подобных вспышек.

— Вы изобрели анестезию для темных существ, Орле? — удивился Генри. — Для обращенных? Это либо невозможно, либо неэффективно, либо крайне опасно.

— Последнее, — кивнул Филипп. При этом несколько прядей его медно-металлического цвета волос упали на лицо. — Это крайне опасно. Но если вам предстоит... я не знаю... доставать дробь из груди или головы пострадавшего вампира, то лучше обезболить. Вряд ли вы сможете достаточно крепко связать своего пациента. И вряд ли крови доктора Лоусон хватит, чтобы успокоить его.

— Простите, месье, а при чем тут моя кровь? — очнувшись, спросила Лоусон. — Я не даю ее пациентам.

— Вы Незнакомка. Ваша кровь действует на обращенных как смесь героина с морфием. Не знали?

— Убийственно.

— И эффективно, если речь идет о такого рода поражениях ткани.

Филипп Орле, казалось, сосредоточил на ней все свое внимание. Офелия никак не могла разгадать его. И себя. Что-то менялось, надрывалось в его присутствии. Что-то тянуло ее в сны, в черную дыру памяти и беспамятства. Туда, где она еще не была. Или о чем не помнила. Нервно обхватив себя руками, женщина усилием воли вызвала образ Рамона и неожиданно успокоилась. Будто Эверетт оказался рядом и обнял ее за плечи, привлек к себе и поделился силой. Она будто наяву почувствовала его аромат, увидела улыбку и в очередной раз спросила сама у себя: «Неужели все происходящее правда»?

— Надеюсь, мне не придется применять ее в этих стенах.

— Я тоже. К тому же теперь у вас есть заменитель, — он достал несколько ампул с черной жидкостью из сумки. — Этот препарат в сущности концентрированное и особым образом приготовленное черное вино. Смертельно опасный наркотик, синтезированный таким образом, чтобы вся его сила раскрывалась в анестезирующем действии.

— Черное вино? Вы либо гений, либо сумасшедший, — вернулся в диалог Генри.

Офелия посмотрела на коллегу. Тот выглядел потрясенным. Лично она ничего не слышала ни о каком черном вине. Но при этом словосочетании внутри что-то оборвалось. От него буквально веяло опасностью. С ним была связана какая-то история. Очередная история из прошлой жизни, которая не давала спокойно спать.

— Рецепт не мой, — наконец улыбнулся Орле. — Берите. И берегите. Поставки этого препарата наладить я не смогу, товар штучный.

— Как его использовать?

— Инструкция прилагается. В целом одна часть к пяти частям классической анестезии. Кстати, не рекомендую считать дозировку исходя из веса. Нужны коэффициенты.

— 1,23, если речь про темного эльфа, 1,08, если про светлого, 1,75, если на операционном столе вампир и два — если Незнакомец, — скороговоркой проговорил Генри.

— Почти верно. В случае вампиров и Незнакомцев умножайте еще на пятьдесят процентов. Убить почки и печень передозировкой вы не сможете, а указанный вами коэффициент лишь притупляет боль.

Генри сделал несколько пометок в блокноте. Офелия посмотрела на мужчин.

— Мы вам очень благодарны, месье Орле.

— Мы все просто делаем свою работу. Привет мистеру Эверетту. Желаю, чтобы мои инструменты и препараты вам не пригодились.

Глава четвертая. Дональд Астер

11 мая 1967 год

Госпиталь имени Люси Тревер

— Доктор Астер, вы нам нужны!

Дональд, не успевший добраться до своего кабинета после разговора с Офелией, обернулся. Ему навстречу бежала Диана Петровская, медсестра, которую в прошлом году перевели в реанимационное отделение. Если верить личному делу, Диане было двадцать пять. Она уже три года работала в госпитале имени Люси Тревер и стремительно шла к должности старшей реанимационной медсестры. Ее обожали врачи и медсестры. Пациенты то и дело оставляли восторженные отзывы.

С целью оптимизации он объединил реанимационные палаты всех отделений и выстроил там отдельную команду из младшего медицинского персонала, студентов-медиков и лечащих врачей. В итоге реанимация стала негласным центром знания и источником серьезного вызова: работать здесь было сложно и увлекательно. Год шел за три.

— В чем дело? — спросил он мягче, чем планировал.

— Проблема с пациентами. Пойдемте скорее.

— Вам недостаточно врачей?

— Доктор Астер, — почти закричала девушка. — Вы должны увидеть это своими глазами. Вы нам нужны!

Она схватила его за руку и тут же отскочила, покраснев. Дональд смягчился и отправился следом, с трудом успевая за перешедшей на легкий бег медсестрой. Через несколько минут они оказались на четвертом этаже, полностью занятом реанимационными палатами. Госпиталь имени Люси Тревер славился своей хирургией. Он использовал передовые технологии, в нем работали лучшие хирурги с мировыми именами. В него стремились ординаторы и интерны со всех уголков света. Вместо привычных пяти-шести операционных пришлось построить двенадцать. Вместо тридцати палат реанимации сделали пятьдесят. Астер вложил много денег и всю душу в этот проект. И радовался, когда полностью обновленный реанимационный этаж распахнул свои двери для тяжелых пациентов.

Но сейчас, оказавшись в святой святых этой больницы, вместо привычной гордости он испытал настоящий шок. На этаже было неожиданно шумно. Дональд не сразу понял, в чем дело, а, сообразив, ошеломленно замер. Пациенты кричали, ругались, смеялись и издавали кучу других звуков, о существовании которых, пожалуй, знали только психиатры. Мяуканье, мычание, кваканье, лай, смех, истерики.

Диана обернулась на главврача, развела руками, мол, вот это у нас творится, теперь вы понимаете, почему я не могла об этом говорить там, внизу? Дональд медленно окинул взглядом помещение. Стены палат были сделаны из стекла. Почти везде медицинский персонал опустил жалюзи, но в некоторых палатах они были подняты. Главврач столкнулся взглядом с нечеловечески холодным и злым взором одной из пациенток. Она билась в кровати. Руки и ноги прикованы, как в психиатрии. Лицо совершенно безумно и лишено любых чувств, кроме ярости. Из глубины палаты показалась фигура медсестры и невысокого врача. Медсестра посмотрела на коллегу, тот поставил подпись в истории болезни, и через

несколько секунд в подключенную к пациентке капельницу добавили седативное. Она что-то сказала (звук глушили стены и дверь, но губы зашевелились). Еще через несколько секунд успокоилась. Потом осела на постели. Ее лицо разгладилось. На нем проступила испарина, которую Дональд прекрасно видел отсюда. Ненормальная испарина, будто организм выдал сопротивление препарату. Доктор обернулся, и главврач узнал Себастьяна Хоула, исполнявшего обязанности главы психиатрии, пока его шеф находилась в декретном отпуске.

— Что у вас происходит? Вспышка шизофрении? — с напряженной улыбкой поинтересовался Астер, когда Себастьян подошел к нему.

— Ваш вопрос систематически неверен, — безэмоционально отреагировал психиатр и повернулся к Петровской. — Диана, вы подготовили дубликаты?

Девушка подбежала к сестринскому посту и достала оттуда только что отпечатанные на машинке списки и их копии. Передала их доктору и замерла, внимательно глядя на мужчин.

Видимо, истерия охватила не всех. Хоул сохранял поразительное спокойствие.

— Дайте всем седативное, — он вытащил из пачки копии, которую ему передала медсестра, быстро проставил напротив каждой фамилии дозировки и названия препаратов и отдал ей.

Диана внимательно изучила записи, кивнула и отправилась по палатам, позвав на подмогу коллег. Она не задала вопроса, а психиатр не стал пояснять написанное. Возможно, именно поэтому Петровскую любили врачи. Она четко знала зоны своей ответственности и не выходила за них.

Хоул проследил за ней безразличным взглядом, повернулся к начальнику и молча прошел в соседний кабинет, жестом пригласив Дональда следовать за ним. Главврач кивнул, пересек коридор и закрыл за собой дверь, не без удовольствия отметив, что шум значительно снизился. Он не зря вложил столько денег в звукоизоляцию на этом этаже.

— Двенадцать пациентов из сорока семи, — медленно начал Хоул без предисловия. — Первые признаки начались несколько дней назад. Кто-то переспал спать, кто-то — разговаривать. Кто-то регрессировал до состояния младенца. У каждого своя история, не буду вас грузить психиатрическими деталями.

— Вирус? — коротко спросил ошеломленный Астер.

— Не вирус, но похоже. Я долго анализировал истории болезни всех, кто находился в реанимации в последние четырнадцать дней. Пострадавшие на первый взгляд никак не связаны между собой. Разные протоколы лечения, разные операции, врачи, команды медсестер и состояние. Но есть кое-что общее. Им всем делали переливание от одного донора. Его зовут Найя Сонг, и он в настоящее время пребывает в психиатрическом отделении с диагнозом «психогенная амнезия». Я попросил Диану связаться со всеми выписанными из госпиталя пациентами, получившими его кровь.

— Найя Сонг? Мне знакомо это имя.

— Это тот самый водитель, который протаранил людей 27 апреля. Мне нужен Мун и разрешение на дополнительные анализы.

— Я поговорю с ним. Но лаборатория Муна уничтожена, как вы знаете. Он работает на костылях.

— Костыли лучше пустоты, — отреагировал Себастьян. — Мне не нравится происходящее, доктор Астер.

— О чем вы, доктор Хоул?

Себастьян хотел сказать что-то еще, но, встретившись взглядом с потемневшими от напряжения глазами Астера, передумал. А Дональд решил, что этот разговор не стоит выеденного яйца. Подозрение о причастности Муна, лаборатории и выведенного вируса к тому, что его больница превратилась в дурдом, он заглушил раньше, чем оно трансформировалось в чувство вины.

— Я рад, что вы увидели, вернее, услышали пациентов до того, как им дали седативное. Понимаю, что вы подумали. Массовое помешательство. На самом деле это не так. Я проверил. Другие пациенты ни кровь Сонга, ни плазму не получали. Им делали переливания от других доноров. И они стабильны.

— Я не понимаю, к чему вы клоните.

— Мне нужен Мун и лаборатория. Тогда я смогу сформулировать мысль и отдать ее вам на откуп.

— Я могу идти?

Астер сложил руки на груди и взглянул на подчиненного самым строгим из арсенала своих взглядов. Хоул остался неподвижен. Его молодое лицо осунулось, под глазами залегли тени. Он выглядел как человек, который не спал несколько дней.

— Спасибо за помощь, доктор Астер.

Когда Дональд вернулся в коридор, в реанимационном отделении наступила тишина, прерываемая лишь треском аппаратуры. Диана ждала его на сестринском посту. Она прижимала к груди списки. В карих влажных, как у лани, глазах, застыло выражение ужаса. При виде Астера она встрепенулась.

— Рассказать вам о больных? — спросила она, заглядывая ему в лицо.

Дональд покачал головой.

— Доктор Хоул посветил меня в курс дела. Где остальные врачи?

— На дежурствах. Интерны по палатам. Хотите поговорить с ними?

— Нет. Я должен идти.

— Доктор Астер.

— Да?

Диана медленно положила списки на стойку и подошла к нему. Выражение ее лица изменилось, и главврач подумал о том, что он упускает из виду что-то очень важное для нее. Его голубые глаза скользнули по миловидному лицу, остановились на мягких каштановых волосах, собранных в косу. Память услужливо преподнесла сцену из прошлого, вырисовав хрупкое тело, полное тоски и желаний. Он свободный мужчина и может распоряжаться своим временем, как угодно. Может, пригласить ее на свидание? Или сразу в отель?

— Я никогда такого не видела, — прошептала она, подойдя вплотную. — Хоул ничего не говорит. Что с ними? Что это, черт возьми, такое?

Астер положил теплую ладонь ей на плечо и с наслаждением отметил, как она напряглась от этого прикосновения.

— Мы разберемся. Ты сделала все, что могла. И я этого не забуду. Когда заканчивается твоя смена?

— Три часа назад... закончилась.

— Тогда иди домой.

— Я... я не могу!

— Иди, — мягко прервал ее Дональд. — Отдохни. Когда ты вернешься на работу, уже будут новости.

— Я могу поспать в комнате отдыха.

— Иди домой.

Она опустила голову. Астер убрал руку и улыбнулся. Он поймал себя на мысли, что ему нравится эта девочка. Не так, как сотни медсестер его больницы. Иначе. Более по-человечески, что ли. Ему нравилась ее доброта, ее чистота. Готовность помочь. Жертвенность. Нравилось все то, чего он сам был лишен напрочь.

Развернувшись, он добрался до лифта. Ему действительно нужно поговорить с Муном. И сделать это до того, как до него доберется Хоул или кто еще. Астеру передали, что полиция начала совать нос в дела больницы глубже, чем хотелось бы. И это тоже отличная тема для разговора. Они давно не беседовали. Слишком давно. Странно в условиях того, какая тайна их объединяла.

После того разговора с Рамоном Эвереттом Дональд старался не думать о вирусе, с супер-эго и о том, что они своими исследованиями подняли фрейдизм на новый уровень. Астер жалел только о том, что опубликовать исследование не сможет ни он, ни Мун. А еще о том, что он допустил серьезную ошибку, не взяв в команду хорошего психиатра. Доктор Гейн, с которым они начинали лет пятнадцать назад, умер от онкологии в середине эксперимента. А заменить его на такой стадии, когда уже есть человеческие жертвы, и совершенно нет времени на вербовку, оказалось сложнее, чем предполагал Дональд. Да и нельзя сказать, что он формировал команду или руководил ею. Он просто выдвинул гипотезу. Когда-то давно. И дал площадку. О многом он не знал сам.

Дональд вернулся в свой кабинет, закрылся изнутри и сел за стол, чувствуя, как дрожат руки. Он был близок к прорыву как никогда. Но в чем заключался этот прорыв? В том, что вопреки всему, человеческую душу можно не только разложить на молекулы, но и модифицировать? Они прошли самый первый этап: научились высвободить животное начало. Но с этой задачей прекрасно справляются и наркотики, и алкоголь. Пусть, вирус действует более щадяще, устойчиво и глобально, но принцип тот же. Сложнее было (и на это ушло шестьдесят процентов времени) добиться того, чтобы он не оставлял никаких следов. Мун гений, ведь именно он смог научить вирус трансформироваться при контакте с человеческой средой. Он распадался на знакомые всему свету элементы и постепенно выводился почками. Астер до сих пор помнил слезы счастья на глазах Оскара в момент, когда он сказал: «Это похоже на открытие Кюри. Только наш малыш живой и на всем периоде распада действует. Он интегрируется в клетки подобно раку, но не уничтожает их, а меняет. Он не питается человеком, а совершенствует его, раскрывая те глубины психического, о котором человек не подозревает». Юнг бы сказал, что вирус высвобождает Тень. А Фрейд — что вирус уничтожает Супер-эго. Но ни Юнг, ни Фрейд понятия не имели о том, что на эти части психического когда-то научатся влиять с помощью обычной классической науки. Не терапия, не анализ. А маленький укол вместе с прививкой или витаминами.

Астер оторвал взгляд от своих рук и посмотрел в окно. Они только в начале пути. Да, это они запустили вирус в массы и тщательно отслеживали всеми доступными способами его «жизнь» в городе. Фиксировали всплески самоубийств и преступности. Нашли доверенное лицо в управлении полицией, которое делилось даже теми преступлениями, о которых не писали в СМИ.

Дональд снял трубку внутреннего телефона, набрал на диске короткую комбинацию и замер в ожидании. Его красивое холеное лицо окаменело, тени скрылись. Мысли об

эксперименте, результатах и неудачах вдохнули в этого импозантного мужчину жизнь. Он понимал, что в сущности взрыв в лаборатории может быть никак не связан с исследованиями. Единственное, что несомненно печалило — им понадобится несколько лет, чтобы восстановить оборудование. И чтобы перезапустить работу. Ведь запасов вируса, который они ласково называли «Антиэго», не существовало.

Мун ответил через несколько гудков.

— Надо поговорить, — без предисловий начал главврач. — Через час, Ночной квартал, «Астерия».

— Хорошо.

Аппарат снова онемел. Дональд встал, не позволяя себе вновь погрузиться в размышления, и стремительно вышел из кабинета. Ему нужно успеть вернуться к пяти и скрыть свое отсутствие. А также подготовиться ко встрече с Эвереттом, который буквально сканировал своего клиента. Все же хорошо, что Рамон знает. Конечно, не все. Но многое. Он знает, и, как хороший адвокат, не дает никаких оценок. Может, как раз такого человека не хватало в изначальной команде. Умного, расчетливого, прекрасно знающего законы и способного держать оборону. Информационную.

«Астерия» нравилась Астеру в первую очередь своим местоположением. За счет существенного отдаления от деловых зон города здесь практически невозможно было случайно пересечься с кем-то из знакомых. К тому же здесь чудесно готовили и внимательно относились к каждому посетителю. Меню ресторана отличалось удивительным для своего времени разнообразием, а персонал был вымуштрован так, будто его обучали в Париже. Впрочем, Дональд не удивился бы и такому. «Астерия» фокусировалась на вполне определенных клиентах и работала круглосуточно и без выходных, что само по себе было нонсенсом для Треверберга конца шестидесятых.

Его проводили к бронированному столику без лишних вопросов. Оскар Мун уже сидел на своем месте, глазел в окно и пил зеленый чай. Дональд присмотрелся к партнеру, пытаясь понять по выражению его лица или позе, о чем он думает и что чувствует. Но Оскар оставался невозмутимым. Этот человек, который всю жизнь посвятил науке, лишился семьи, не общался с сыном, чье будущее до недавнего времени оставалось туманным, все-таки был настоящим гением. Немного сумасшедшим, немного социопатичным. Дональд познакомился с ним, когда заканчивал университет. И они как-то сразу сошлись, несмотря на разницу в возрасте. Впервые о своей идее о раскрытии человеческого потенциала с помощью вакцины Дональд рассказал после грандиозной пьянки по случаю очередного дня рождения. Он подумал, что Оскар откажется, испугается. Но через несколько дней Мун пришел с огромной тетрадкой, исписанной мелким почерком. Так родилась концепция «Антиэго». Они поняли, что для того, чтобы раскрыть потенциал человека на максимум, сначала нужно избавить его от ненужных ограничений. Ограничения — персона по Юнгу или супер-эго по Фрейдю — определяли то, как действует (или не действует) человек в обществе. Оскар, влюбленный в теорию архетипов Юнга, увлеченно заявил, что его микстура способна высвободить Тень. В ту пору это казалось игрой. Они настолько увлеклись процессом, что не думали о последствиях. Не думали о том, что Тень может быть не просто асоциальной, она может быть разрушительной. Не думали о том, что снятие норм супер-эго вскроет не стремление к свободе, а стремление к разрушению. Человек, живущий животным, — это не супер-человек. Это животное в человеческом теле. Но это был первый шаг. Плохо осознаваемый, плохо просчитываемый. Несколько лет они искали и

переписывали код вируса, искали варианты, аккуратно экспериментировали. Дональд начал работать в больнице, получил доступ к пациентам. Все стало значительно проще, когда он занял должность главного врача. К ним присоединилось еще несколько лаборантов. Истинной ценности проекта не знал никто, каждый отвечал за свой маленький участок. Мун объединял данные по исследованиям помощников, анализировал их и интегрировал изменения в код вируса.

— Этот Андреас Ли весьма любопытный человек, — вместо приветствия проговорил Оскар, не оборачиваясь к Астеру. — У него сильная интуиция, что понятно. Но он умеет ее слышать. А это уже редкость.

— Что ты ему рассказал?

— Ничего. Он попросил сделать анализ крови мальчика-стрелка. Я сделал и передал ему именно то, что он должен был увидеть. Заодно проверил одну гипотезу. И рад тебе сообщить, что мы не ошиблись. «Антиэго» блестяще распадается и встраивается в знакомые элементы.

— Радует.

— Но этот капитан Ли, — имя полицейского Мун выплюнул с презрением, — обязательно придет снова. Особенно сейчас.

— Полиция не занимается делом Найи Сонга.

— Зато им занимается один молодой и чрезвычайно упертый психиатр.

— Ты думаешь, что надо направить живительную энергию врача в другое русло?

Наконец Оскар обернулся и посмотрел на компаньона с улыбкой.

— Да. Кардинально перенаправить.

Астер сел за стол, жестом подозвал официанта, заказал китайский зеленый чай и вернул Муну холодную улыбку. И только тут заметил, что рядом с Оскаром на кресле лежит дамская сумочка.

— Ты не один?

— Когда ты позвонил, я уже назначил свидание одной милой особе, с которой ты знаком, — прохладно отреагировал Мун. — Она в дамской комнате. Придет, я отправлю ее в номер. И потом присоединюсь.

— Ты неисправим.

— Как и ты. Мы тяжело и много работаем. Имеем полное право от души отдохнуть. Тем более, если молодое тело само идет к тебе в руки.

Официант принес чай, избавив Астера от необходимости отвечать.

— Нам надо понять, как действовать дальше.

— Для начала перестрой мою лабораторию. А потом пару лет я буду восстанавливать наработки.

— У тебя есть мысли, кто мог взорвать ее?

Мун искренне удивился.

— Я думал, проблема в неисправности проводки, и уже мечтал посмотреть на то, как ты будешь разносить электросетевую компанию.

— «Тревербергстрах» так просто не сдадутся. Они запустили расследование, а я провел свое. Независимое. Проводка не при чем. Кто-то выключил оборудование. Пришел и выключил. И поэтому скачок напряжения на электростанции поджег наш трансформатор, а он в свою очередь запустил цепную реакцию. Я сдуру написал правду в документах, и указал там именно то оборудование, которое мы ставили для защиты своих систем. А оно ни при

каких условиях не дает такой погрешности. Поэтому факт его отключения оказался на поверхности. И кто-то из работников пожарно-технической экспертизы обратил на это внимание.

— А первого ты подкупил?

Астер пожал плечами.

— Нет, я думал, дело действительно в проводке.

— Милый, так где, говоришь... ой.

Узнав голос, Дональд медленно повернул голову и посмотрел на ординатора Гекату Штиль, облаченную в полупрозрачное платье. Женщина уложила волосы в соответствии с последними трендами моды, соорудила подходящий макияж, и выглядела то ли как дорогая проститутка, то ли как модель с обложки.

— Врачей в больнице тебе мало, и ты взялась за сотрудников лаборатории?

— Это ревность? — кокетливо поинтересовалась Геката, наклонившись к Муну, чтобы забрать сумочку.

Тот следил за сценой с призрачной улыбкой.

— Я просто удивлен. Когда ты все успеваешь?

— Я молода и полна сил. Оскар, так где тебя ждать?

— Пятый номер, — Мун достал из внутреннего кармана пиджака ключи. — Я скоро приду. Будь готова.

— Я всегда готова. И нечего на меня так смотреть, доктор Астер. У меня выходной!

Дональд не ответил, посмотрел на Муна. Улыбнулся. И где были его мозги, когда он позволил Гекате Штиль оказаться в его постели? Он легко относился к сексу, но не любил, когда сам становился лишь одним из многих.

17.00 11 мая 1967 года

Госпиталь имени Люси Тревер

К себе Дональд Астер вернулся в несколько подорванном состоянии. Мысли разбегались, и сосредоточиться на делах не получалось, пожалуй, впервые в жизни. Врач сел за стол, с тоской посмотрел на огромную грудку писем и документов, которую образовала секретарша, сдвинул ее в сторону и достал сигареты. Пепельница стояла тут же. Как хорошо, когда не нужно делать лишних движений. Дональд закурил, подумал о том, что не отказался бы от «травки», чтобы снять напряжение, и с тоской посмотрел в окно. Он не понимал, почему так эмоционально отреагировал на тот факт, что Геката с легкостью переключилась на другого, что этот другой — Мун. Он повысил ее, сделав заместителем Офелии Лоусон, но в итоге получил только претензии: «Тут столько бумаг, тут одна бюрократия, эта сучка Лоусон почти перестала брать меня на операции, этот гад Генри Аркенсон вообще меня на дух не переносит, это дискриминация». Некоторое время назад пришлось ее поставить на место и пригрозить исключением из ординатуры. Штиль присмирела, но, как выяснилось, ненадолго. Просто искала обходные пути. Астер не понимал, что происходит, но нутром чувал, что от этой женщины не стоит ждать ничего хорошего. Она готова положить все на кон, если речь шла про карьеру. Куда она метит? Вытеснить Офелию? Ей до Лоусон как до Японии пешком задом наперед. Штиль становилась крепким хирургом. Но крепкие хирурги не совершают прорывов. Крепкие хирурги — работяги, которые нужны, и без которых рухнет вся система здравоохранения.

Их место — на вторых ролях и на рядовых операциях. Ради Лоусон же в Треверберг приезжали со всего мира. Ради Лоусон и Аркенсона. Отделение торакальной хирургии на сорок три процента было загружено платными пациентами. А чеки администрация Астера выставляла выше рынка на двадцать процентов, прекрасно зная, что многие из пациентов готовы заплатить и в три раза больше, лишь бы попасть на стол к этим врачам. Особенно ценились их парные операции.

Врачи трудились над проблемой пересадки сердца. И Астер был уверен, совсем скоро он сможет заявить на весь мир, что его больница специализируется в том числе на пересадке. Первая в мире. Пока Демихов тренируется на собаках, а Джеймс Харди пересаживает сердца шимпанзе человеку, Лоусон и Аркенсон готовились к полноценной пересадке.

В этом ключе Штиль — не тот винтик, который стоит ценить. Ее легко заменить. Дональд посмотрел на документы. Он был уверен, что как минимум пятая часть этих бумаг — заявления от потенциальных ординаторов и интернов. Все хотят работать с доктором Офелией Лоусон.

Телефон зазвонил. Внутренняя линия.

— Да.

— Мистер Рамон Эверетт прибыл, — сообщила секретарша.

— Пусть войдет. И принеси мне кофе. А ему — что он сам попросит.

— Да, доктор Астер.

Рамон показался на пороге кабинета спустя полминуты. Он выглядел, как всегда, безупречно, но в этот раз от него веяло таким холодом, что Астер на мгновение поднял голову, будто перепроверяя, а это точно адвокат — или в больницу принесли кусок айсберга. Эверетт молча занял свое место в кресле напротив стола главврача, секретарша вслед за ним внесла поднос с кофейником, молочником, двумя фарфоровыми чашечками и блюдцем с печеньем и ретировалась. Дональд даже не успел ее поблагодарить. Видимо, девушка настолько привыкла к вежливости и внимательности Эверетта к своей персоне, что, столкнувшись с холодностью, решила, что на этом жизнь закончена. Такими темпами придется нанимать психолога для работы с обслуживающим и вспомогательным персоналом.

Когда дверь закрылась, адвокат поставил дипломат на пол и медленно поднял глаза на своего клиента. Тот выдержал взгляд с поразительным спокойствием.

— Я узнал, что страховая готовит дело для передачи в суд, — начал Дональд. — А наша с тобой задача была не довести до суда. Все было зря?

— Ты поэтому решил подстелить соломку?

Главврач недоуменно заморгал.

— Что? Нет. К причастности мисс Лоусон к взрыву мы еще вернемся и скорее всего в ее присутствии.

— Это я определяю сам, — отрубил Рамон. — Про суд знаю. И не понимаю истерики. «Тревербергстрах» судится даже ради пары тысяч долларов. Сумма возмещения по лаборатории — четыре миллиона. Это баснословные деньги, естественно, они готовят дело в суд. Твоя страховка непосильна даже для них.

— Это же не мои проблемы?

— Нет, это твоя реальность. Я видел копии искового, вернее, его промежуточную версию. И знаю, что делать. Мы не планировали встречаться по этому делу до семнадцатого,

и я не стану его обсуждать. Сейчас меня интересует присутствие здесь человека, которого быть не должно.

Астер неожиданно рассмеялся.

— Ну тут одно из двух. Либо мы оба знаем мисс Лоусон недостаточно хорошо, и она действительно имела отношение к взрыву, либо кто-то принес на место преступления ее перчатки и наследил. Она должна освободиться с минуты на минуту. Устроишь ей допрос с пристрастием. Или вместе? Она точно расколется.

— Закрой пасть, Астер.

Главврач замолчал и выпрямился в кресле. Он не ожидал подобной вспышки, и оказался к ней не готов. Синие глаза Эверетта разожглись непримиримым огнем, и он встал, не справившись с эмоциями.

— Я готов терпеть то, что вы вместе работаете, но не буду выслушивать твои шуточки.

— В чем дело, Рамон?

— Это моя женщина. И ты ставишь ее под удар.

— Придержи коней, для меня наличие улик против мисс Лоусон такая же неожиданность.

Эверетт остановился посреди кабинета и опустил на клиента тяжелый взгляд. Астер с удивлением отметил, что сейчас чувствует себя рядом с ним ребенком, хотя адвокат был молод. В нем жила та редкая внутренняя сила, которая стирала границы возраста, выводя на первый план знания и волю. В случае адвоката его карьера стала феноменом не только для Треверберга. Поэтому Дональд обратился к нему. Но кто ж мог предположить, что в этом простом на первый взгляд деле все окажется так сложно.

— Кому выгоден взрыв лаборатории? Тому, что знал, чем вы там занимаетесь. Или тому, кто не знал. Конкуренты. Личные враги. Партнер, который решил перевернуть?

Астер оказался не готов и к такому вопросу.

— Я на допросе?

— Да, черт возьми, — всплеснул руками Эверетт. — Или ты думаешь, что я без твоего участия вытащу твою задницу из дерьма?

Астер не ответил.

— Как с этим связан Мун? — задал новый вопрос адвокат. — Если тебя снимут с поста, кто больше всех обрадуется?

— Я не знаю!

Рамон вернулся в кресло, поднял дипломат, открыл его и достал оттуда одиночный лист бумаги.

— Соглашение, по которому ты даешь мне полный карт-бланш по выбору стратегии и тактики в рамках нашего сотрудничества. Я могу говорить, где и с кем хочу, имею доступ ко всем документам, имею право нанять частного детектива для перепроверки твоих слов. Словом, все, что позволит мне провести независимое расследование и выяснить, что на самом деле случилось с лабораторией.

Дональд Астер взял бумагу. Бегло прочитал текст, вздохнул и подписал документ. Рамон удовлетворенно кивнул.

— Я приступлю к работе после семнадцатого числа. Исковое подадут не раньше конца месяца, они собирают информацию. Думаю, даже в конце июня.

— Что требуется от меня?

— Больше ничего. Не звонить, не писать и не дергать меня по пустякам. И если

надумаешь рассказать правду, рассказать ее.

— Я сказал все, что знал.

— Тогда задание тебе думать, кому выгодно, что ты занят лабораторией, а не чем-то другим. Что ты можешь потерять должность и даже сесть в тюрьму. Кто тебе мстит? Или удар направлен не на тебя, а на Муна?

Астер потер виски.

— Я не знаю, — негромко проговорил он.

Телефон зазвонил. Внутренняя линия.

— Астер.

— Здесь доктор Лоусон, она говорит, что вы назначали ей.

— Пусть войдет.

Рамон развернулся в тот момент, когда открылась дверь. Астер не видел его лица, только спину, но зато отчетливо увидел лицо Офелии в тот момент, когда она вошла в кабинет. В ее глазах вспыхнула такая гамма чувств, что Дональду стало трудно дышать и стыдно находиться с ними в одном помещении одновременно. Радость, страх, надежда, восхищение своим мужчиной. Она смотрела на Эверетта так, как в хороших фильмах влюбленные женщины смотрят на мужчин, которым подарили свое сердце.

— Разговор не потребуется, — сказал Рамон, прежде, чем она успела поздороваться. — Мы с доктором Астером обо всем договорились.

Офелия прислонилась спиной к двери.

— Хорошо, — только и сказала она. И это точно Офелия Лоусон?

— Я полагаю, это все, — обернувшись к Дональду, проговорил адвокат. — Пришлите мне копию документов по уликам, с остальным я разберусь сам.

Астер устало кивнул.

— До встречи.

Глава пятая. Доктор Себастьян Хоул

12 мая, пятница

Прозрачные глаза психиатра остановились на пациентке. Женщина сидела в кресле, аккуратно скрестив ноги на уровне голеней, сплела пальцы рук и обняла колено, обтянутое тонкой тканью больничных брюк небесно-голубого цвета. Всем своим видом она излучала покорность и скромность. Казалось, даже стала меньше. А всего мгновение назад развалилась в кресле, злословила и требовала ее немедленно отпустить. Себастьян, скрупулезно конспектировавший каждый сеанс, чтобы не наворотить ошибок Фрейда и банально не забыть, о чем шла речь с тем или иным пациентом, отложил в сторону ручку с большим блокнотом и обратился в слух. Пауза затягивалась. Он думал о том, что все больше подобного встречает в своей практике.

— Елена? — негромко позвал он. Женщина не отреагировала. Она смотрела в пол, избегая взгляда доктора. — Елена, вы слышите меня? Вы не хотите говорить со мной?

Белокурая головка дернулась. Кудряшки закрыли лицо. Женщина медленно подняла голову и посмотрела на него с видом затравленного зверька.

— Что я здесь делаю? — спросила она. — Кто вы?

— Вы в госпитале имени Люси Тревер. Меня зовут доктор Себастьян Хоул, я психиатр и психоаналитик. Ваш лечащий врач.

— Я в дурдоме? Он наконец нашел способ избавиться от меня? — ее голос обратился в шепот. — Не верьте ему, я никогда не нарушала клятв, данных перед лицом господ.

— Кому не верить?

— Мужу. Это не он привез меня сюда?

Себастьян предельно осторожно, чтобы не взволновать ее резким движением, взял блокнот и написал несколько строк.

— Почему вы считаете, что муж должен был вас сюда привезти?

— Он уже давно обещал посадить меня в психушку. Говорит, я ненормальная. Говорит, я стала другой, — голос женщины срывался, то уходя в шепот, то в свист. От волнения?

Себастьян буквально физически почувствовал кольца напряжений на ее шее, плечах, груди. Широкие и болючие, они схватывали ее, лишая даже способности нормально говорить. Какое количество людей живет с сумасшедшим, разрывающим их душу на части напряжением, и не отдает себе в этом отчета. И сколько даже в его всего лишь десятилетней практике случаев, когда человек полностью менялся в течение первого же года терапии, избавляясь от ненужных оков. И все же он смотрел на Елену глазами врача, обрубив внутреннее и пока еще естественное желание ввязаться в спасение чужого комфорта. Сейчас он в первую очередь заведующий отделением. Врач.

— А что вы по этому поводу думаете? — спокойным ровным голосом спросил он.

На глазах молодой женщины блеснули слезы.

— Я не понимаю, что происходит! Не сделала ничего дурного.

— Елена, расскажите о себе. Что вы за человек?

— Я хорошая жена. Заботливая. Муж говорит, что ему нравится, как я готовлю. А еще он говорит, что никогда не жалел, что выбрал в жены именно меня. У меня хорошие родители. Брат, которым гордится весь город. Знаете, он военный.

Доктор сделал очередную пометку. Женщина заметила это и прервала монолог, чтобы гневно спросить:

— Ставите диагноз, я ненормальная? Что я сказала не так?

— Вы хотели бы, чтобы я поставил вам диагноз? — невозмутимо поинтересовался Хоул.

— Нет. Но вы же этим занимаетесь? Вас для этого наняли? И вообще, что я делаю в вашем кабинете и почему не помню, как здесь оказалась? Может, вы никакой не врач? А маньяк, которому нравятся такие игры?

— Расскажите, что последнее вы помните? Что было до нашей встречи?

— Я была дома. Приготовила ужин. Майкл любит тефтели в томатном соусе. У меня закончилась паста, я ходила в лавку за ней. Потом помыла полы. Накрыла на стол. А потом... — она удивленно распахнула глаза. — А потом я оказалась здесь.

Тень узнавания омрачила ее красивое лицо. Хоул затянул паузу, давая пациентке возможность прийти самой к очевидному.

— Скажите, Елена, вы не впервые теряете время?

— Нет.

По ее щекам скатились две слезинки. Доктор проследил за ними и вернулся к изучению женщины. К наблюдению и анализу. Ее поза — снова скрюченная, женщина всеми силами старалась стать меньше. Голос, который звучал так, будто она боится, что ее услышат. Он пропадал через слово.

— Хотите об этом рассказать?

— Я не знаю, что говорить.

— Как часто вы теряете время?

— Иногда. Я... я все время уставшая. Будто не сплю. Хотя сплю много. У меня хорошая постель. Муж заменил матрас. Знаете, есть такие матрасы, в которых пружины не впиваются в спину. Я всегда мечтала о мягкой постели. Я думала, что матрас решит мою проблему со сном. И Майкл так думал. Он не любит мягкой постели, но для меня изменил себе. И как я могла подумать, что он упрячет меня в дурку? Это сделал кто-то другой. Майкл хороший, он любит меня. Кто это сделал, доктор?

Себастьян, который за несколько лет привык ко всему, эти перемены в показаниях не удивляли. Равно как и не удивляло то, о чем говорила женщина. Диссоциативное расстройство личности, на данном этапе неподтвержденное и не признанное мировой общественностью, в Треверберге проявляло себя чуть ли не чаще всеми любимой и понятной шизофрении. Или даже депрессии. Он привык. Каждый пятый пациент жаловался на психогенную амнезию. Даже повезло понаблюдать за самой настоящей фугой. Елена же либо очень хорошо играла, что невозможно в течение столь длительного времени, либо действительно распалась на личности. Сколько их там? Как давно они появились, что хотят? Как лечить? На данный момент устойчивой практики по лечению данного заболевания не было.

— Как вы познакомились с Майклом? — задал врач новый вопрос, намеренно сбивая ее с мысли. Елена удивленно захлопала ресницами и наконец посмотрела ему в глаза.

— Н-не помню. Доктор Хоул, — она помолчала. — Я действительно не помню.

Она хотела встать, но передумала и крепче вцепилась в собственные колени.

— Я сошла с ума? Почему мир распадается? Это сумасшедший калейдоскоп.

Себастьян сделал еще несколько пометок и закрыл блокнот.

— Сеанс подошел к концу. Увидимся с вами послезавтра.

— Я остаюсь в больнице?

— Вам здесь не нравится?

Она подумала.

— Я понимаю, что здесь мне пока лучше.

Снова игра. Себастьян поднялся с места, проследил, чтобы пациентка ушла, и вернулся за рабочий стол. Он никак не мог поймать механизм переключения. Казалось, вот оно, рядом. Минуту назад она активная и живая и говорит иначе, потом замыкается. Ее вторую личность звали Мари. Мари была бойкой, излишне откровенной, почти вызывающей. Она говорила, что ей двадцать пять, она работает гейшей и не понимает, почему должна возвращаться в дом упыря Майкла, ведь ее клиенты намного интереснее и, что важно, богаче. Когда врач задал вопрос Мари, когда та пришла и вмешалась в спокойную жизнь Елены, личность звонко рассмеялась и заявила, что была всегда. Сам же Майкл клялся и божился, что жена изменилась после родов. Она долго лежала на сохранении в больнице и вернулась домой другим человеком. Начала пропадать по ночам. Однажды он забрал ее из злачного клуба в глубине Ночного квартала. А на следующее утро привез к Хоулу.

Расщепление, если это было оно, не приходит просто так. Могла ли послеродовая депрессия стать толчком?

Себастьян убрал блокнот с записями про Елену и Мари в стол. Закрыв глаза. И стал дышать, успокаивая нервы и мысли. Через несколько минут в голове прояснилось, а размышления о пациентке уступили место новому случаю. И новым задачам. Он был слишком молод и в профессиональном сообществе завоевывал уважение с боем. «Аналитик должен быть старше тридцати пяти, психиатр становится профессионалом после сорока». Хоул получил лицензию в двадцать, закончив экстерном университет. Потом шла чередой программ переподготовки, аспирантура, кандидатская и следом докторская степень. Меньше года назад. Он всем своим существом стремился познать неизведанное, сочетая несочетаемое, работая с полицией и выдерживая практику в больнице.

Ему нравилась такая жизнь. Даже тогда, когда она начинала его пугать. То, что произошло вчера в госпитале, до сих пор занимало все его мысли и отнимало силы. Сессии с клиентами не поглощали так, как раньше. Он включался в процесс, он был профессионалом. Но на фоне — в самой глубине — думал о том, что за феномен наблюдал. И как сохранить это в секрете? Астер взял со всех сотрудников, кто имел доступ в реанимацию, подписку о неразглашении с такими штрафами, что даже самые болтливые решили помалкивать, пока руководство не соизволит дать прессе жирный кусок. Реанимация традиционно была закрыта для посетителей, и с этой стороны пока угрозы не наблюдалось. У них был день. Может, два. Может, время до следующей рабочей недели.

После седативного большинство успокоилось. У пациентов взяли анализы. Сравнили их с людьми, кого массовое помешательство не коснулось. Не обнаружили ничего. Оскар Мун ответов не дал. «У меня сторело все оборудование, доктор Хоул, я бы хотел вам помочь, но невозможное сделать не могу». Посоветовавшись с доктором Марсом, который бесценно отвечал за процессы в реанимации, Хоул выдвинул идею о лечении переливанием «чистой крови». План был прост: заменить весь объем крови у тех, кто «сошел с ума». Подобная перспектива имела целый ряд узких мест. И в случае ее внедрения повышенное внимание к реанимации со стороны других отделений больницы неминуемо. И секретность не сохранить. Но Хоул не видел других вариантов. У него не было возможности поговорить с каждым из пациентов, и пришлось привлечь своих лучших врачей, которые также подписали

документы о неразглашении.

Себастьян ждал их отчетов. От этой мысли стало не по себе. Сам он занимался чрезвычайно интересным случаем расщепления. А должен был взять кого-то из реанимационных сумасшедших.

Психиатр достал и открыл личное дело Мари-Елены. Ему не давала покоя мысль, которую озвучила Мари на одной из прошлых сессий. Он перелистал страницы, пробегая по неровным строчкам собственных записей, которые представляли собой сплошной набор значков и сокращений, не понятных человеку со стороны. Большой блокнот открылся на нужной странице. Хоул нашел обведенную двойной рамкой цитату. Он редко цитировал клиентов, но здесь решил, что ухватил что-то важное. В ключе происходящего в последние месяцы в городе, дел, которые разбирала полиция, эта фраза показалась ему важной. Даже ключевой. «Я пришла, когда необходимость сопротивляться своим желанием исчезла. Будто выключили свет, а когда его вернули, больше не было этой контролирующей тени».

Контролирующая тень. Супер-эго? Персона? Хоул быстро перелистал страницы и оставил себе напоминание: поговорить с Мари, контролирующая тень. Основная личность Елена показалась только сегодня, до нее врач общался со взбалмошной Мари. Почему он тогда не понял этого «я пришла, когда необходимость сопротивляться желаниям исчезла»? Почему пропустил? О чем думал?

Хоул еще раз внимательно перечитал цитату. Все-таки это новейшая история. Раскол произошел сейчас. Не в детстве. Потеря времени — новый симптом. Все, что было до, мистификация. Себастьян вскочил с места. Он понимал, что если ответит себе на вопрос «когда», поймет что-то важное. Слишком важное. Критичное.

Доктор зашагал по кабинету. Нужно поднять статистику. Но какую? Какими симптомами характеризуется отключение супер-эго? У каждого свои. Никакой архив не в состоянии структурировать потоки подобной информации. Ему не хватает ключа. И тогда эта загадка окажется расшифрованной. Подумав об «Энигме», машине, благодаря которой был взломан шифр нацистов, Себастьян взглянул на часы. Он задержался в больнице. Опаздывал на встречу, которая должна пройти в Деловом центре.

Шины взвизгнули, когда Себастьян вырулил с парковки. Бессознательно он отметил наличие автомобилей коллег на парковке. Память услужливо подсказала лица. Он ни с кем не конфликтовал, но и не сближался ни с кем.

Милагрос Астер-Звейц, ведущая популярного в последние несколько лет телевизионного шоу и автор колонки, посвященной видным деятелям города, ждала Хоула в лобби. Она поигрывала туфлей-лодочкой пронзительно-синего цвета, раскачивая ее на носке. Медовые, как у Офелии, волосы взбиты в модной прическе, на лице — тщательно выверенный макияж. Опытный взгляд врача отметил излишне тесный воротничок водолазки, который плотно обхватывал лебединую шею женщины, акцент в макияже на веках и скулах, костюм строгого покроя, но вызывающих оттенков. Прекрасные голубые глаза засияли при виде Хоула. Глаза из тех, к которым так близки слезы. Радости, обиды, гнева, боли, эйфории. Сострадания? Себастьян невольно склонил голову набок, рассматривая женщину. От нее веяло истеричностью. Улыбнувшись сам себе, он преодолел расстояние до журналистки и остановился в паре шагов от нее. Она подала руку для поцелуя, он наклонился, не касаясь губами этой мягкой, пахнувшей дорогим кремом руки.

— Доктор Хоул. Целых пять минут. Я жду вас целых пять минут!

Он хотел сказать, что опоздал на двадцать, но промолчал. В конечном счете он беседует с журналисткой.

— Прошу прощения, мисс Астер-Звейц. Задержали.

— Милли.

Хоул опустился напротив нее в кресло и почувствовал, как расслабляется. Да, беседа с журналистом — не то времяпровождение, о котором он мечтал, но это прекрасный способ отвлечься от бесконечных пациентов и проблем. Забыть о расследовании, о смертях, о сумасшествии и просто побеседовать с красивой женщиной. Главное — помнить о последствиях.

— Милли, — повторил он.

— Не предложите мне называть вас по имени?

Хоул помедлил.

— Если только в приватной беседе.

Милагрос Астер-Звейц с театральным видом обвела взглядом лобби.

— Мне кажется, эту беседу можно назвать более чем приватной.

Себастьян улыбнулся. Ему нравилась эта молодая женщина, бойкая и опасная. Она совсем не походила на большинство его пациентов, но сама могла бы стать великолепным образчиком для исследования.

— Вы можете называть меня по имени во время нашей беседы, но не станете этого делать на камеру или в статье. Для этого города я психиатр доктор Хоул. Для вас — Себастьян. Договорились?

Журналистка неожиданно вспыхнула. Хоул не отследил того момента, когда ее взгляд переменялся, а на лице застыло мечтательное выражение. Через мгновение она взяла себя в руки и улыбнулась ему профессионально и почти что холодно.

— Договорились, — кивнула она. — Вы человек занятой и прямой, как мне кажется...

Доктор отметил про себя этот ход. Человек занятой и прямой. Люди любят ставить клише, не слыша и не видя собеседника. Просто навязывать ему черты, которых нет. Найти объединяющую линию. Человек занятой и прямой. Нет менее прямых людей, чем психиатры. Профессия учит их терпению и молчанию. А психоанализ возводит терпение в абсолют. Хоул не был прямым человеком. Даже видя проблему, проникая в ее суть, он молчал. Или задавал вопросы.

— Расскажите мне, что творится в реанимационном отделении госпиталя имени Люси Тревер, — тем временем закончила фразу Милагрос. Ее голубые глаза сверкнули. Магическим образом появившийся в руке остро отточенный карандаш завис над крошечной записной книжкой.

Хоул поднял на нее холодный, практически бесстрастный взгляд. Симпатия к внешности улетучилась. И перед ней теперь сидел не мужчина, восприимчивый к женским ужимкам, но профессионал, который следит за собой и собеседником и фильтрует каждое слово, которое может сорваться с его уст.

— Конкретизируйте вопрос.

— Я достоверно знаю, что в реанимационном отделении творится что-то странное. Оно закрыто для посетителей. Даже внутренний персонал больницы не может туда попасть. А у вас есть доступ.

— Реанимация — место, где люди борются за жизнь. Оно не должно быть открытым и никогда не было. Почему вы подняли вопрос изолированности реанимационного отделения

именно сейчас?

— То есть мои источники лгут, и ничего особенного не происходит?

— Я не могу обвинять во лжи того, кого не знаю, и кому не смотрю в глаза. И так же не могу назвать ложью то, суть чего не понимаю. Хотите прямого ответа — задайте прямой вопрос.

Тонкие пальцы журналистки, украшенные длинными ярко-алыми ногтями, пробежались по страничкам записной книжки. Хоул не мог видеть текста и почерка, но отметил про себя то, что книжка была крошечной, умещалась на ладони, а это значит, писать там приходилось мелко. Заточка карандаша подтверждала эту гипотезу. Милагрос стремилась запихать огромный, многоуровневый и прекрасный мир в четко очерченные крохотные границы. И тем самым научиться им управлять. Она контролировала его через эту книжку. Пыталась объяснить.

Эмпатия подняла голову в его душе. У него не было стремления кого-то спасти, но инстинктивное, еще не проработанное до конца желание ей помочь проснулось. Хоулу стало грустно.

— Пациентка София Раш. Сорок три года. По последним данным перенесла сложнейшую операцию на сердце. Операцию проводил доктор Генрих Аркенсон. Она прошла успешно, и родственники ожидали, что ее выпишут десятого числа. Но десятого они получили уведомление из больницы, что выписка откладывается. Состояние Софии тяжелое, но стабильное. В посещении отказали.

Себастьян узнал имя пациентки. Но виду не подал.

— Это обычное дело для реанимации. Я не могу обсуждать с вами пациентов, распорядок больницы или врачей. Это конфиденциальная информация.

— Тогда поговорим о вас, — улыбнулась Милагрос, в последний момент решив отступить.

— Предлагаю переместиться в ресторан.

— Приглашаете на ужин?

— Да. На деловой. Здесь есть отличное место.

Глава шестая. Офелия Лоусон

16 мая, вторник

Госпиталь им. Люси Тревер

Операционное крыло

— Давление у темных эльфов выше. В нормальном состоянии 130 на 90. В возбужденном — 220 на 150. Критические показатели для темного эльфа — все, что выше 280 и все, что ниже 80. Для них 80 на 60 — все равно что у человека 40 на 20. — Генри негромко говорил это в маску, рассекая скальпелем податливую плоть молодого мужчины. Аркенсону удалось сформировать команду, состоящую из темных существ, и начать передачу своих знаний Лие. Офелия ассистировала на операциях, открывая для себя мир, к которому до текущего момента она лишь прикасалась. — Обратите внимание на то, как выглядят органы, доктор Лоусон. На первый взгляд ничем не отличается от человеческих. Но если присмотреться?..

— Цвет, — спустя несколько секунд проговорила она. — Они чуть ярче. И... — Она глубоко задумалась, склонившись над распаханной грудной клеткой. — Мне кажется, или органы пропорционально больше? Процента на три. Или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь. Сердце и легкие больше. Если вы посмотрите на сосуды, они тоже плотнее, похожи на резиновые трубки. Разница очевидна, если ее искать. И совершенно непрозрачна, если вы не подозреваете, что перед вами не человек.

— Поразительно.

— Они устойчивее к любому воздействию. Быстрее регенерируют. Дольше живут. Но к современности и они начали болеть и медленно себя убивать с помощью наркотиков. А еще для них смертельна кровопотеря. В какой-то степени она более опасна, чем для людей. В виду повышенного давления, повышенного объема крови, а также потребления. Тут интересный парадокс. Если человек и темный эльф получают структурно одинаковые раны и потеряют одинаковый объем крови, например, литр, эльф умрет с большей вероятностью. Есть еще кое-что — особый металл.

— Храмовое серебро, — кивнула Лия, почувствовав себя увереннее.

— Верно, — кивнул хирург, продемонстрировав ей белое сияющее лезвие скальпеля. — И оно же используется для наших инструментов. Оно приостанавливает регенерацию. Без него оперировать темного эльфа было бы сложно, а любого обращенного практически невозможно. Даже ранорастяжители не спасают. Ткань заживает вокруг них, оставляя чудовищные шрамы. Я пробовал.

— Никогда о таком не слышала.

— Это старый военный опыт. Конец прошлого века. Лучше вам не знать.

Лия кивнула, соглашаясь. Генри ловкими движениями рассек ткань, обнажая сердце.

— И даже темные существа болеют. У этого эльфа, например, порок митрального клапана. Еще столетие назад эльфы не сталкивались с подобным. А сейчас почти также часто, как и люди. В основном это касается полукровок всех ступеней. Благодаря препаратам нашего общего друга мы можем проводить такие операции.

Офелия промолчала, завороченная. Ей приходилось оперировать темных существ и раньше, но никогда не удавалось как следует заняться особенностями их анатомии. Все

прошлые операции проводились в полевых условиях. А здесь, в госпитале, она отдавала подобные случаи темным существам врачам. Аркенсон ловко орудовал инструментами, негромко прося медсестру подать тот или иной прибор.

— Обратите внимание, доктор Лоусон, — к концу операции сказал он, бросив на нее внимательный взгляд. — Я уже говорил вам об этом, но хочу подчеркнуть. Я люблю медицину за ее парадоксальность. Мы с вами говорили о разрушительном воздействии храмового серебра на ткани темных существ. Но. Если мы хотим, чтобы швы зажили правильно, я говорю о швах внутри тела, а не на коже, кожа заживет при любых обстоятельствах. Так вот. Если мы хотим, чтобы швы зажили правильно, мы берем кетгут, созданный в лабораториях Темного Храма. Кетгут с добавлением храмового серебра. Он неотличим от обычного. И даже если кто-то из наших коллег-людей его использует, ничего не случится, для людей этот металл не опасен.

— Как это работает?

— Как вы знаете, — продолжил Аркенсон после того, как медсестра-светлая эльфийка промокнула его лоб, покрывшийся испариной от напряжения и усталости, — регенерация внутренних тканей и кожного покрова у темных существ проявляется по-разному. Кожа заживает стихийно, быстро. В ряде случаев почти мгновенно. Внутренние органы — не так. Храмовое серебро стабилизирует процессы, где-то замедляя их, а где-то ускоряя. И в случае правильной концентрации металла в конечном итоге он растворяется в теле.

Офелия посмотрела на Аркенсона поверх пациента.

— Растворяется в теле?

— Именно так.

Генри выпрямился.

— Зашьете?

— О да.

Домой доктор Лоусон добралась на час позже, чем планировала. После операции с Аркенсоном ее вызвали к критическому пациенту. Она спасла бедолаге жизнь, но к концу с трудом держалась на ногах. Бросила машину у больницы, вызвала такси. Чуть не уехала к себе, в последний момент вспомнив, что адрес у нее теперь другой. Пришлось оплатить два счетчика вредному водителю. Она опоздала на ужин. И не знала, что ждет ее дома. Желание развернуться и уехать в свою уютную квартиру росло, останавливало только то, что его диктовала накопившаяся усталость. Хотя Рамон в последние дни был не самым приятным сожителем. Он готовился к суду, который должен был состояться завтра, и то проваливался в черную меланхолию, не реагируя на внешние раздражители, то цеплялся к Офелии по поводу и без. Она старалась не обращать внимания, но, чтобы игнорировать нападки, нужно иметь на это силы.

Офелия поднялась в квартиру Рамона, открыла дверь своим ключом и осмотрела пространство, инстинктивно ожидая нападения. Эверетт был дома. Он стоял у плиты. Повернулся к ней в тот момент, когда дверь отворилась.

— Я поел без тебя, — прохладным тоном сообщил мужчина.

Офелия бросила сумку на тумбочку, разулась и медленно опустилась в кресло, избегая взгляда Рамона. На обеденном столе валялись документы. Он явно готовился к заседанию. И что-то шло не так. От Эверетта волнами расходилось раздражение.

— Меня вызвали...

— Я не спрашивал, — прервал он, сопроводив резкую фразу коротким жестом. — Опоздала и опоздала. В конечном счете в этом городе никто не обязан соблюдать договоренности. Это личное дело каждого.

На мгновение она засомневалась, вступить ли в полемику или промолчать. Выбрала последнее. Он мог вспылить в любой момент, а ей хотелось только покоя. Добраться до постели и уснуть в гордом одиночестве. А завтра пройдет заседание, и он успокоится. Обязательно успокоится.

Рамон приготовил чай. Достал одну чайную пару. Помедлил. Вытащил вторую и поставил обе на стол, сдвинув документы. Офелия подняла на него неопределенный взгляд, который должен был выражать скупую благодарность, но вместо нее сверкнул безразличием. Эверетт медленно опустил чашки на стол, выпрямился и сделал несколько шагов к ней.

— От тебя пахнет трупами, — возвестил он.

Она удивленно изогнула бровь. Встала.

— Схожу в душ.

Она успела дойти до двери в тот момент, когда пальцы Эверетта сомкнулись на ее запястье.

— Бежишь? — спросил он. Лицо прострелило его холодностью. Она пыталась снова напомнить себе, что дело не в ней, и ее опоздание не причина, лишь катализатор, что все устаканится, когда пройдет суд. До следующего громкого дела. И вообще она должна была понимать, к кому переезжает. Ведь она любит его, а не ту идеальную часть, которую он показал ненадолго. Так же?

— Рамон, я устала. Хочу в душ и спать. И тебе следует отдохнуть...

— Не смей указывать мне, что я должен делать, женщина.

Она попыталась вырвать руку, но неудачно. Эверетт потянул ее на себя. И в другой ситуации этот жест бы вскружил ей голову, наполнив мысли предвкушением. Но сейчас вызвал лишь одну реакцию: бежать. Офелия сжалась и вздрогнула, когда он укусил ее за шею. Укус был символическим, но неожиданно болезненным. Женщина напряглась в бессмысленной попытке отстраниться. Она почувствовала, как изменился его настрой, и этот новый Рамон ее пугал. Пугал даже больше, чем тот, с кем она познакомилась при первой встрече.

Она опустила свободную руку ему на грудь и попыталась увеличить расстояние между ними. Мужчина потянулся к ее блузке. Возбуждение вперемешку со страхом вскружили голову, заставляя сердце биться вдвое быстрее положенного. Щеки залила краска стыда и недоумения.

— Рамон, отпусти.

Он на мгновение выпрямился, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Ты пропустила наш ужин и хочешь пропустить все остальное? — спросил он чужим голосом. — Может ты уже жалеешь, что переехала ко мне?

— Рамон, я...

— Я ненавижу женские оправдания, — бросил он, рванув на ней блузку. Пуговицы разлетелись. Офелия вскрикнула. В глазах блеснули слезы.

— Пошел к черту, — неожиданно для самой себя процедила она. Собрав все силы, она вырвалась из его объятий, оттолкнув его с такой силой, что мужчина ударился спиной о стену, подошла к телефону и невозмутимо набрала номер службы такси, стараясь на него не смотреть.

— «Четыре колеса», оператор Дария, какую машину вам прислать? — ожила трубка.

Зажав телефон между ухом и плечом, женщина завязала полы блузки на узел, поправив ее на уровне груди. Она старалась не обращать внимания на Эверетта, который сверлил ее непримиримым взглядом, но ничего не делал. Она продиктовала адрес, сказала, что место назначения озвучит водителю, что ждет машину как можно скорее. Взяла сумочку, легкий весенний плащ и замерла у двери, обуваясь.

— Серьезно? — наконец спросил Эверетт.

— Выиграй дело. Приди в себя. И потом мы поговорим. У меня нет сил терпеть твои мерзкие выходки.

— Ты просто бросаешь меня? — он сделал шаг к ней, но остановился, натолкнувшись на ледяной взгляд. Офелия затаила дыхание, направляя все силы на то, чтобы не переменить решение. Сейчас правильнее уехать. Она просто бежит от дикой силы Незнакомца, которая чуть не вырвалась из-под контроля. Она осмотрела его таким взглядом, будто читала личное дело пациента. Глаза ввалились, под ними темно-коричневые круги, волосы взъерошены. Руки нервные, не дрожат, но видно напряжение, жилки на висках и шее вздуты. Он сдерживает себя из последних сил. И оказаться меж молотом и наковальней в случае, если он сорвется и решит выпустить пар перед заседанием, не хотелось.

Дрожа, она выскользнула за дверь раньше, чем он успел ее остановить. Сбежала по ступенькам, чтобы не ждать лифта. Услышала, как отворилась дверь. Он пойдет за ней? Нет. Оглушительный хлопок. Скрежет замка. Значит, она сделала все правильно. К моменту, когда она спустилась на первый этаж и выскочила на улицу, автомобиль такси уже показался в переулке. Еще одно преимущество места расположения жилища Эверетта — здесь вечно куча такси. Убедившись, что это ее машина, Офелия нырнула на заднее сидение и закрыла глаза. Дрожь не прошла. Она усилилась. На глаза навернулись слезы. Она успела проговорить свой домашний адрес таксисту, обняла сумку и уткнулась в нее носом.

Запястье болело нещадно. Женщина положила на него пальцы, гадая, появятся ли синяки, и как быстро организм обращенной их переработает. День? Час? Глаза щипало от слез. Машина мягко катила по узким улочкам Треверберга. Водитель искал объездные пути. Они добрались до места только через час. Офелия поднялась к себе, открыла дверь, сбросила одежду в прихожей и отправилась в душ. Горячая вода принесла освобождение. И наконец слезы потекли по щекам, ничем не сдерживаемые. Тело болело, будто его основательно поколотили. Страх сжал сердце. А что, если это все? Ее сказка закончилась, так и не начавшись. И из-за чего? Из-за того, что она просто делала свою работу и делала ее хорошо? Она должна позволить человеку умереть из-за семейного ужина? Надо пересмотреть эти правила.

Какие правила. Нет понимания, продолжатся ли отношения. Лия с удивлением поняла, что они не говорили о будущем, не говорили о чувствах. В последний месяц они почти вообще не говорили. Рамон был занят, как черт, она тоже пропадала в клинике. Они встречались, ужинали, занимались любовью, обменивались дежурными фразами, снова занимались любовью и считали, что все так и должно быть. Спали в разных комнатах, виделись в сутки на пару часов.

Как она решилась влезть в эту авантюру? Как она позволила себе полюбить такое существо, как Рамон Эверетт? А может это не любовь вовсе? Просто сногсшибательное влияние древнего Незнакомца?

Глава седьмая. Андреас Ли

17 мая, раннее утро

— Это становится доброй традицией, встречаться у моего подъезда.

Андреас, не успевший закурить, обернулся с сигаретой в зубах и с зажигалкой в руке. Офелия — последнее существо, которое он ожидал увидеть в такой ранний час. Она переехала тогда же, когда он сам начал бывать у Мередит чаще, чем можно было бы приезжать к случайной любовнице. Вот и сегодня он провел с ней очередную чудесную ночь и встал пораньше, готовясь к новому, важному и сложному дню.

— Рад ее возобновлению, доктор Лоусон, — негромко проговорил полицейский, возвращая сигарету обратно в пачку. — Вы без машины?

— Так устала вчера, что оставила ее у больницы.

— Я могу подвести.

Офелия улыбнулась. Она похудела. Лицо осунулось. Обычно блестящие зеленые глаза будто бы потускнели. Лия собрала волосы в тугий хвост и была похожа больше на банковского служащего, чем на блистательного хирурга, чей портрет не сходил с обложек как медицинских, так и глянцевого журналов. Ее губы тронула грустная улыбка.

— Я жду такси.

— Уверены?

Офелия на мгновение опустила глаза, потом вновь посмотрела ему в лицо. Он почувствовал внутреннюю борьбу, но через некоторое время решение было принято.

— Поехали, — сказала Офелия. — Андреас...

Она замолчала. Слова благодарности так и не сорвались с ее губ. Ли медленно кивнул. Его одурманенность этой женщиной прошла. Сейчас он был с другой и чувствовал свою ответственность перед ней. Но глубокая привязанность и искренняя симпатия к Лоусон имели право на жизнь. По меньшей мере он рассудил именно так. В нем проснулось желание ее поддержать, уберечь, и капитан полиции пошел вслед за ним. К тому же этот день нуждался в спасении, и утро с Лоусон могло его спасти. Ли закрыл расследование по Стрелку, несмотря на вопящую интуицию. Ничего не нарыл на лабораторию, Муна и прочих. И чувствовал себя полным неудачником. Неудачником, которому поручили присутствовать от имени полиции на сегодняшнем заседании. Том самом, где Эверетт либо добьется самой крупной победы в своей карьере, либо столкнется с ужасающим поражением. В голове прояснилось. Эверетт. Рамон готовился к суду, волновался. В такие моменты он несносен. Видимо, Офелии досталось.

— Я рад помочь. Мне по пути.

Он открыл автомобиль, помог женщине сесть, без сожаления запихал сигареты и зажигалку во внутренний карман куртки и сел за руль. Офелия смотрела прямо перед собой. На ее щеках появился нежный румянец. В глаза Андреасу она пыталась не смотреть. Он понимал, как она себя чувствует. Понимал, что она боится, что придется объясняться с Эвереттом, который сейчас не в том состоянии, чтобы спокойно воспринимать информацию. Понимал, что она зла и расстроена. Он не хотел лезть ей в душу, но против собственной воли затаил дыхание, оказавшись снова рядом с ней. Очевидная, но гонимая все это время мысль полностью завладела его сознанием: «Мередит всего лишь человек». Хороший секс и приятные беседы — недостаточно прочный фундамент для отношений.

Чтобы внутренний диалог не загнал его в тупик, мужчина завел машину и откинулся на спинку сидения, позволив себе немного выдохнуть.

— Давно не виделись.

Фраза Офелии вырвала полицейского из глубокой задумчивости. Вздрыгнув, он отжал сцепление, включил первую передачу и мягко вырулил со стоянки. Набрал скорость, скользнул в утренний редкий поток таких же «жаворонков», спешащих по своим делам без суеты, которая начиналась в час-пик.

— Вы переехали, — сказал он. — А дело Стрелка закрыли.

— Вы нашли, что хотели?

— Нет. Получил приказ от руководства свернуть расследование. Нет подозреваемых, нет связи. Нет улик. Парень сошел с ума. А, кстати, его отчим пытался повеситься в дурдоме. Выжил. Переведен в ранг буйных. Им занимается коллега Хоула, не помню ее имени.

Офелия покачала головой.

— А мы тайком собрали команду для того, чтобы делать сложные операции на темных существах.

Ли на мгновение отвернулся от дороги, чтобы бросить на нее удивленный взгляд.

— Операции? Разве это возможно?

— Оказывается, да. И речь не о том, чтобы вынуть пулю или пришить обратно руку. Речь о сложных операциях. И на сердце, в том числе.

— Звучит сказочно.

Ускорившись, Ли обогнал старенький «вольво» и вновь вернулся в правый ряд, сбросив скорость до разрешенных семидесяти километров в час.

— Значит, вы тоскуете без дела? — спросила Лия.

Андреас услышал в ее голосе улыбку и невольно улыбнулся в ответ.

— Еще как. Жду, когда в этом городе кто-то опять сойдет с ума и начнет убивать. Команда занимается бытовыми преступлениями. А меня отправили в суд. Понизили до охранника.

— Серьезно?

— Конечно, нет, — рассмеялся он. — Но сегодня я действительно работаю в суде. Но вы, наверное, знаете.

Она покачала головой.

— Не знаю. Откуда бы? Мы с... мы не говорим о работе.

Она замкнулась и отвернулась, а Ли почувствовал себя неудобно. Что между ними происходит? И почему эта женщина выглядит такой несчастной? Важнее другое. Почему ему есть до этого дело? Ли крепко сжал руль руками в тонких перчатках, чтобы хоть как-то сбросить напряжение, которое волной прокатилось по телу и осталось в мышцах.

— У тебя все хорошо? — негромко спросил он за мгновение до того, как за поворотом показалось величественное здание госпиталя имени Люси Тревер.

— Н-не знаю, — ответила Офелия после длинной паузы.

Андреас остановился возле ее машины и повернул голову, чтобы заглянуть в глаза.

— Я рядом, — пообещал он и замялся.

В зеленых глазах Лии сверкнула благодарность.

— Удачи в суде.

— Устроим парное свидание?

— Обязательно. Если Рамон согласится.

— Я с ним поговорю. Хорошего дня, доктор Лоусон.

— Спасибо, что подвезли.

— Мы вроде бы перешли на «ты»? — он задержал взгляд на ее губах, которых коснулась грустная улыбка. На женщине не было ни грамма макияжа, но как прекрасна она была в это утро. Полицейский невольно подался вперед, сократив расстояние между ними.

— Это было так давно, — Офелия отстранилась. — Договоримся еще раз? Андреас.

— Спокойной смены, Лия.

Если она не выйдет из этой гребаной машины прямо сейчас, он за себя не отвечает. Видеть грусть в этих глазах оказалось для него непосильной задачей. Будто прочитав его мысли, Лия замерла и посмотрела ему в лицо. Ее взгляд стал сосредоточенным, Ли отчетливо считал сомнение. Надежда разгорелась в груди, но тут же исчезла — Лоусон потянулась к ручке двери.

— Мы так и не сходили на свидание, — неожиданно сам для себя сказал Андреас. Сейчас он не хотел думать о последствиях, о том, что она с другим. Он видел только то, что сейчас — в эту конкретную минуту — он нужен ей.

Ее рука упала с дверной ручки. Женщина медленно обернулась и снова посмотрела ему в глаза. Ее лицо приняло озадаченное выражение, а выглянувшее солнце озолотило волосы.

— Но мы стали добрыми друзьями? — Она протянула руку, поправила упавшую ему на лицо прядку и улыбнулась. — Это именно то, что мы можем себе позволить.

Она отдернула руку, открыла дверь и выскочила на улицу. Не оглядываясь, пошла в сторону главного входа. Ли проводил ее взглядом. Каков идиот.

Полицейский ругал себя всю дорогу до здания суда. Наваждение не прошло. И на самом деле его отношение к Лоусон не изменилось. Он не любил Мередит. Чертыхнувшись, Ли ударил по рулю. Мередит всего лишь человек. Сколько он сможет пробыть рядом с ней? Еще пару месяцев? Лучше прекратить это сейчас. Пока он не разбил ей сердце, пока не вошел в ее жизнь, заменив собой все. А что потом? Он просто полицейский, который всегда хорошо делал свою работу. Он просто хороший парень.

Ли припарковал автомобиль на служебной парковке, выскочил из машины и, не оборачиваясь на здание суда, отправился к небольшому кафе. До заседания еще оставалось несколько часов. Можно спокойно выпить кофе, привести в порядок мысли и чувства. И понять, что с ним происходит. Хотя фактически Андреас понимал только одно: ему нужна работа. Расследование. Маньяк. Ему нужно что-то, чем он мог бы продолжить жить. Пока он занимается ерундой типа «на таком заседании должен быть доверенный человек из убойного», он будет смотреть на чужих женщин и жрать себя за это.

— Что-то ты рано.

Ли остановился у входа в кафе и ошеломленно посмотрел на Рамона Эверетта, который сидел за столом у окна и с невозмутимым видом поглощал свой завтрак. Встретиться с ним так рано полицейский не рассчитывал. Он надеялся, что ничем не выдаст своего волнения и грязных мыслишек. Впрочем, от Рамона редко удавалось что-то скрыть. И, судя по всему, сейчас адвокат был не в настроении. Андреас занял место напротив друга, подозвал официанта, чтобы отдалить момент, когда придется посмотреть ему в глаза.

— Что желаете?

— Возьми пашот, — вмешался Рамон. — Сегодня выше всяких похвал.

— Мне то же, что и ему. И кофе. Покрепче, сливки, два сахара.

— Почему ты выглядишь так, будто подсматривал за девочками в раздевалке, а тебя

спалила училка? — тем же невозмутимым тоном, который совершенно не сочетался со смыслом сказанного, спросил Рамон. — Никогда тебя таким не видел. Теребишь ногти, прячешь глаза. Это я должен ходить по потолку от волнения, а не ты. Но я, как ты видишь, спокоен. А что с тобой? Неудачная ночь?

— Все нормально. Готов к слушанию?

— Ты виделся с моей женой?

Ли наконец-то поднял глаза и посмотрел на собеседника в упор. Смятение сменилось гневом.

— Ты женился и не сказал об этом своему лучшему другу?

— У меня нет лучших друзей. Когда ты успел пересечься с Офелией?

— Да как ты...

— Духи, — отрезал Эверетт. В его синих глазах разгоралось темное пламя. Медленно. Опасно. Обычно он взрывался с полпинка, но также быстро успокаивался, но сейчас сдерживал себя. Тон не изменился, такой же собранный, не изменилось даже выражение лица, а вот взгляд. Полицейскому стало не по себе.

— Я встретился с ней утром у подъезда. И подвез до работы. Она выглядела подвальной. Расстроенной. Что случилось, Рамон?

— Не твоего ума дело.

— Но ты называешь ее женой? В то время, как она ночует в своей старой квартире?

— Не твоего ума дело, — повторил Эверетт тише. Помедлил. И вернулся к завтраку.

Официант принес заказ Ли, убедился, что у гостей все хорошо, собрал со стола использованные салфетки и испарился. Андреас с облегчением принялся за еду. Он зря затеял этот разговор. Надо было просто сказать, что подвез ее до работы. Что в этом такого? Соседская услуга.

— Я не могу читать твои мысли, — негромко проговорил Рамон, — но слышу их. Лучше тебе остановиться, дружок. Встретимся в зале суда, мне нужно подумать.

Он встал, положил на стол несколько идеально ровных купюр, поднял дипломат.

— Рамон?

Адвокат не ответил, но посмотрел полицейскому в глаза.

— Ей очень плохо.

Молчание.

— Позвони ей. До того, как войдешь в зал суда.

— Позвоню. После того, как выиграю дело.

Андреас остался один. Он допил кофе, глядя в окно и думая о том, что счастье, которое досталось Эверетту, тот оценить не способен. Ли не понимал, как можно поссориться до такой степени в самом начале отношений. Два месяца. Сладкий период одурманенности друг другом. Или у этих двоих все не так?

Полицейский вздохнул, расплатился по счету и, одевшись, в свою очередь вышел из кафе. При виде величественного здания суда из серого мрамора он переключился на то, что предстояло через несколько часов. Дело десятилетия. Самсон Шивали на скамье подсудимых. Об этом мечтало все управление, наконец посадить короля, а не пешку. Ли сомневался в успехе, как и в том, что исчезновение Самсона изменит что-то кардинально. Скорее, откроет путь для небывалого расцвета преступности. Ведь, присмотревшись, даже дурак бы понял, что Шивали не самый лучший представитель криминальной власти. Он был умен и силен — и только. Недостаточно для Треверберга, где балом правят люди (и не

люди) исключительных достоинств и недостатков, люди абсолюта. Почему-то подумалось, что сам Эверетт больше походил на роль одного из королей криминального мира. Странно, почему он выбрал профессию адвоката.

Пошел мелкий дождик. Полицейский поднял ворот куртки и скользнул в здание, где уже собиралась толпа журналистов. Может и Мередит явится, хотя она отошла от криминальной хроники, как только Ли начал бывать в ее постели. Смысл, видимо, потерялся. Он улыбнулся воспоминаниям о Мередит, и запоздало понял, что так спешил скрыться от журналистов, что забыл покурить. В здании суда это было строжайшим образом запрещено. Нужно найти курилку для охранников. В это мгновение он, капитан полиции, чувствовал себя обычным охранником из частной конторы, которая трясется над лицензией и не смотрит дальше завтрашнего дня.

Его внимание привлек мощный мужик в черной форме частной охранной организации. Прозрачные глаза мужика казались мертвыми, а лицо невозмутимым. Неужели Ли сравнил себя с таким вот?

— Не подскажите, где у вас тут курят?

— Эээ, что? Ты кто такой?

Ли достал значок.

— Прислали из управления к двухчасовому заседанию. На улице толпа журналистов. Не поверю, что вы все ходите курить на ступеньки.

Скулы мужика покрылись красными пятнами, но не от возмущения. Он выглядел так, будто его поймали на месте преступления, и теперь он не знал, убить случайного свидетеля или «включить дурака». Ли посмотрел на него внимательнее. Мужик как мужик. Лет сорок, гладко выбрит, на голове стандартный для охранника «ежик». Шрамы на лице и шее, будто собака покусала. Еще застал войну. В глазах застарелая мгла. Так свойственная людям, чье отрочество прошло в аду. Впрочем, он скорее напоминал арийца.

— По коридору до конца, серая дверь справа. Без таблички. Там выход.

— Спасибо.

Ли бросил на него еще один пристальный взгляд. На нагрудном кармане красовалась нашивка «Адам Сортович». А под ней «Безопасный Треверберг». Ли никак не мог понять зачем городу нужны частные конторы, если правильнее поставить на охрану подобных заведений профессионалов с соответствующей подготовкой. Шеф как-то пытался протолкнуть законопроект, который открыл бы управлению дополнительный источник дохода, но «наверху» его завернули. Невесело усмехнувшись, Ли пошел в указанном мужиком направлении. Курить хотелось невероятно. У него было время до заседания. Он пришел рано.

Какой-то неправильный день.

Кое-как скоротав время, он дождался прибытия коллег и в 14.01 с чистой совестью вошел в зал суда, где уже с обманчиво спокойным видом сидел Шивали со своим адвокатом. Эверетт выглядел безупречно. Андреас, который успел переодеться в форму, занял свое место. Представители «Безопасного Треверберга» замкнули периметр. Они стояли каждые пять метров. Все как один бритоголовые и широкоплечие. У двоих из них, включая знакомого Андреасу Адама Сортовича, выражение глаз которого не изменилось, было оружие. Автоматы с гладкими черными стволами висели на груди. Ли напрягся. Ему самому выдали резиновую дубинку. Разрешение на оружие в суде управлению не дали. Вот вам дубинки. С копьями против пушек ей-богу.

Соротович смотрел в одну точку. Он будто ничего не видел вокруг, но Ли узнавал эту выправку. Таковую же, как и у его коллеги. Небрежно переброшенный через плечо и замерший на груди автомат, ноги на ширине плеч.

Где же судья.

Самсон Шивали молчал, что-то рисуя на белом листе. Эверетт встал. Внимание Ли переключилось на него. Адвокат легко улыбался, будто готовился встретить гостей. Волосы идеально уложены. Рукава рубашки закатаны до локтя. Пиджак остался на стуле. Вольность, которую мог позволить себе представитель защиты. Ли знал, что Эверетт использовал все в работе. Все имело значение. Цвет рубашки, наличие или отсутствие пиджака, цвет галстука. Он подбирал свой гардероб с тщательностью маньяка. Предстояла короткая процедура утверждения присяжных.

В зал влетел Дрейк. Он подошел к Эверетту, тот с невозмутимым видом пожал руку.

— Вас пригласили понаблюдать, детектив Дрейк? — спросил Рамон негромко.

Ли напрягся. Дрейк сдвинулся на Шивали и в целом был способен на необдуманные поступки. Капитан встал и приблизился к говорившим. Коллега окинул его недовольным взглядом, но протянутую руку пожал.

— Понаблюдать за тем, как справедливость восторжествует, господин адвокат.

Рамон хотел ответить, но не успел. Прозвучало объявление, в зал вошел судья. Стук молотка. Бесшумно и неумолимо закрылись двери в зал заседания. У них встали два клон-охранника. Никто не войдет и не выйдет, пока судья не объявит перерыв. Ли вернулся на свое место. Подумав, встал у стены между двумя охранниками. Поймал на себе взгляд Адама и на мгновение оцепенел: столько мрака и холода было в его взгляде.

Прокурор и адвокат утвердили присяжных и судья начал заседание. Треверберг против Самсона Шивали. Самое громкое и невозможное дело о наркотиках последнего десятилетия.

Два часа спустя.

Ей было от силы двадцать лет. Тонкая и хрупкая, словно белая лилия, она дала присягу, положив руку на тревербергскую конституцию. Уже уставший зал следил за новой свидетельницей с напряженным интересом.

— Мадлена Ливер, 20 лет, я работаю хостесс клуба «Сладкие грезы», которым владеет мистер Шивали, ой... Я думаю, что он владелец, но документов не видела.

— Мисс Ливер, расскажите, что происходило вечером семнадцатого февраля этого года, пожалуйста, — с очаровательной улыбкой проговорил Эверетт.

Присяжные, шесть мужчин и шесть женщин, смотрели на свидетельницу и адвоката. Каждый старался читать лицо, но каждый невольно обнажал перед Рамоном душу. Синие глаза мужчины то и дело останавливались на том, кого он хотел впечатлить. Природная магия бессмертного существа умножалась на профессионализм. У присяжных и прокураторы не было шансов.

— Это была моя смена. Было многолюдно, щедрые люди. Пришли отдыхать. Мои смены построены так, чтобы я могла отдыхать. Два часа в зале, двадцать минут в подсобном помещении. Там можно поесть, покурить, даже принять душ. В двадцать три тридцать я оставила зал на попечение Кейт — это барменша, — и ушла в подсобку. Вечер был тяжелый, и я решила принять душ. Душевые комнаты находятся в глубине здания. У подножия лестницы, которая ведет в административную часть.

— А что располагается в административной части.

— Эм, — девушка невольно намотала прядку на указательный палец, засмотревшись на адвоката, который ей по-прежнему вежливо улыбался, но поймав настороженный взгляд судьи, пришла в себя и вернула руки на стойку. — Там офис. Бухгалтерша. Кабинет мистера Шивали...

— Вы отправились в душ и что дальше?

— Помылась. Я как раз посушила волосы и была готова отправиться в залу. Открыла дверь, почувствовала, что не одна и прикрыла ее обратно. Оставила щелочку, в душе выключила свет.

— Зачем вы это сделали? — не выдержал прокурор.

— Возражаю, Ваша Честь, обвинение сможет задать все свои вопросы после того, как закончит защита.

— Протест принят, господин адвокат. Пожалуйста, продолжайте.

По залу пронесся легкий вздох, когда Рамон окинул его взглядом. Ли невольно улыбнулся. Друг наслаждался вниманием. Этим двухчасовым спектаклем, который уже приближался к своей кульминации. Они выслушали трех свидетелей и пока все сводилось к тому, что у обвинения все слишком гладко складывается. Слишком безупречной выглядит теория. Эверетт мастерски ткнул прокурора носом в несоответствия, и тот уже поплыл. Еще чуть-чуть и посыплется. Видимо, мисс Ливер должна была стать последним гвоздем в крышке гроба обвинения.

— Я увидела двоих мужчин в черном с черными масками на лицах. Один стоял у лестницы в административную часть, а второй по ней спустился. Они негромко заговорили между собой, но в подсобке акустика хорошая.

— О чем они говорили?

— Ох, господин Эверетт, я не запомнила дословно.

— Расскажите, что помните?

— «Ты все спрятал?» — спросил один. Второй ему ответил, что да, отнес и положил в кабинет. Он сказал такую фразу смешную «как будто там всегда лежало, теперь даже тупица поверит, что черный король приторговывает белым ядом».

В зале заговорили разом все. Стук молотка прорезал шум.

— Тишина в зале суда! Тишина!

— Никакого правосудия не существует.

Ли не сразу понял, кто произнес эту фразу. Через мгновение воздух прорезал грохот выстрелов. Полицейский увидел только, как отшвырнуло Эверетта направленным выстрелом в грудь, адвокат ударился о стойку, за которой на постаменте сидел судья, и рухнул на пол. Следующая пуля прошла плечо самого Ли, он вздрогнул и выронил дубинку. Еще одна. Падая, Андреас поднял глаза на убийцу. Адам смотрел прямо ему в глаза.

— Правосудия не существует. Я — правосудие.

Глава восьмая. Офелия Лоусон

Солнце золотит старые камни закатными лучами. Замок притих перед ночной активностью, когда здесь соберутся представители древних родов, заиграет музыка, послышится шум ночной жизни. Черноволосая женщина в длинном темно-синем, усеянном серебряными звездами платье идет по гладким плитам длинного коридора с необъятно высокими сводами. Меж ее ключиц мерцает большой янтарь, обрамленный серебристым металлом. Но лицо рассмотреть не удастся. Женщина спешит. По напряженной спине, по тому, как горделиво она выбрасывает ножки поочередно вперед, видно, что она привыкла повелевать. А еще она прекрасно чувствует свое тело и не так тонка и хрупка, как кажется.

Слуги расступаются, когда она приближается к покоям, отделенным от замка дверьми с богатой резьбой. Здесь живет и работает тот, к кому стремится ее сердце. Двери распахиваются, она скользит внутрь и тяжелое дерево отсекает два мира друг от друга. Там слуги, замок, клан, политика, война и суета. Здесь — он и она. Женщина спокойно проходит по мягкому ковру. Не смотрит в зеркало, все ее внимание сосредоточено на мужчине, который запоздало поднимает голову. От выражения его лица захватывает дух. Он похож на правителей древности. Он и есть правитель древности, рожденный на севере. Север растекся в его кристально-чистых голубых глазах. Север укрепил его члены, превратил мышцы в сталь. Широкие плечи заметно расслабляются, а на губах мерцает улыбка.

— Ты приехала раньше, мой свет, — проговаривает он.

На глаза наворачиваются слезы, а в груди оживает сердце. Лия беспомощно наблюдает за этими двумя, находясь одновременно внутри и снаружи. Ее разрывает пополам, когда мужчина прикасается к женщине с поцелуем. Мир теряет смысл, реальность раскалывается. Она понимает, что это сон, но щемящее чувство потерянного счастья уже не дает покоя, заставляя следить за ними. За тем, как бережно они прикасаются друг к другу, как он смотрит на нее, как исчезает налет властности и жесткости с его лица, когда он подходит к ней. Как вспыхивают невозможно-лазурные глаза, когда он наклоняется над ней. Щеки Лии опалает. Она будто чувствует его дыхание и чувствует биение сердца черноволосой женщины. Она наблюдает и участвует. Внутри и снаружи.

А потом происходит неведомое. Чья-то воля протаскивает душу Офелии через ушко иголки. Слезы становятся ближе. Черноволосая женщина отстраняется от мужчины. Ее улыбка согревает все вокруг. А когда она оборачивается к зеркалу, Офелия кричит. Ведь видит там свое лицо.

Госпиталь имени Люси Тревер

— Проснись, черт возьми!

Аркенсон трясет ее за плечо. Она приглушенно ругается, пытается вырваться, всем своим естеством стремясь вернуться в этот странный сон. Она почти вспомнила. Вспомнила что? Она почти соединилась... с чем? От этого «почти» было отчаянно больно дышать. Здесь не было мужчины с серыми глазами, не было странных слов и обещаний, были двое, которые любят друг друга больше жизни. Как она связана с ними? Может, они ее родители? Может... Осознание простреливает. Это та же женщина, которая ей снится. Та же, которая говорит с сероглазым мужчиной. Она узнала о незнакомке что-то новое. Заглянула в ее

сердце и душу. Увидела самую большую радость и самую горькую боль. Потерянную любовь. Будто предостережение.

— Генри, — наконец проговорила она, чувствуя только ноющую боль в том месте, где он сжимал ее плечо, и разочарование. — Был сложный день, я...

— Рамон ранен, — резко, почти грубо прервал ее Аркенсон. — Ли ранен. Обоих везет реанимация. Готовься к операции. Я возьму адвоката, ты — Ли.

— Но почему... что... что ты сказал? — она наконец стряхнула с себя остатки сна и вскочила на ноги.

Флер рассеялся перед лицом ужаса, который невозможно было спрятать во сне. Реальности, в которую невозможно было поверить. Теперь уже Лия схватила коллегу за руку, а тот молча отстранился и включил телевизор.

— ... Началась стрельба. Взломать двери удалось только через пять минут. Террорист успел застрелиться, но перед этим разрядил автомат в участников процесса. Нам известно, что подсудимый Самсон Шивали умер на месте. Адвокат Рамон Эверетт получил ранение в грудь, несколько минут назад его забрала скорая. Наш канал успел переговорить с врачом, и нам дали понять, что надежды почти нет. Рамон Эверетт — самый молодой успешный...

Генри выключил телевизор и посмотрел на остолбеневшую посреди ординаторской Офелию.

— Скорая будет через десять минут, — негромко проговорил он. Подошел к Лии и мягким движением положил руки ей на плечи. Офелия подняла на него глаза, в которых застыли слезы. — Про Ли не говорят, он не столь популярен. А любимого мужчину я тебе оперировать не дам.

Женщину сковало непонимание и боль. От рук коллеги растекалось тягучее тепло, но она не могла согреться. Ее била мелкая дрожь. Аркенсон отстранился.

— Я przygotowуюсь к операции, — сказал он. — И ты будь готова.

Офелия кивнула. Схватила со стула хирургический халат и бросилась в приемный покой. В другой ситуации она бы сразу направилась в операционную, которую в эти самые мгновения готовили для приема Андреаса Ли, начала бы отмывать руки и облачаться в стерильный костюм. Но она забыла обо всем на свете. Единственная мысль стучала в голове: она должна его увидеть. Взять за руку, убедиться, что он еще жив. Надежда ее убивала, ей нужна была уверенность. Если Эверетта привезут живым, Аркенсон сотворит чудо. Рамон — древний незнакомец, он не может умереть от пары пуль в груди!

«Нет, — оборвала сама себя Офелия. — Может умереть.»

Лия сжала виски влажными и холодными пальцами. Ее уже колотило от волнения, сердце билось в горле, из глубины поднялась липкая тошнота. Реальность такова, что он может умереть. Счет шел на минуты. И эти минуты бездарно утекали в немом ожидании.

В приемном покое, выделенном под неотложные случаи, было непривычно пусто. Только две медсестры, которые должны встречать скорые машины. Они переговаривались между собой, гадая, сколько будет пострадавших и справятся ли врачи. По громкой связи прошло предупреждение: «Травма. Повышенная готовность». Это означает, что все хирурги должны отложить запланированные операции (если это не сопровождается угрозой жизни для пациентов) и подготовиться к срочным. К неотложным. Лоусон уже готова. Она войдет в свою операционную через пять минут после того, как привезут пациента. Но сначала Рамон. Его забрали первым.

Словно в бреду она следила за тем, как остановилась перед специальной дверью из

матового стекла ярко-желтая скорая. Медсестры бросились вперед и распахнули стеклянные створки. Врач скорой кивнула девушкам в знак приветствия. Она не помогла спустить носилки, это сделал водитель и санитар. Офелия бросилась к ним. Врач скорой ее узнала.

— Доктор Лоусон, как хорошо, что вы здесь, — приветливым и напряженным голосом начала она. — Мужчина, двадцать девять лет, огнестрел в грудь, потерял много крови. Всю дорогу вливали физраствор, но показатели продолжают падать. Ему срочно нужна кровь.

— Его ждут в операционной. Рамон, — тихонько, давась от слез прошептала Лия, невольно протянув к нему руку.

— Он без сознания, доктор Лоусон, — изменившимся тоном сказала врач скорой. Простой жест Офелии показал ей, что та здесь не в качестве доктора. В качестве родственника, который находится в шоковом состоянии.

Неведомо откуда появившиеся санитары подхватили каталку. Офелия осталась рядом. Она взяла Рамона за руку, поражаясь, насколько та холодная и неподвижная, и почти бежала, пока двое санитаров везли его по просторному светлому коридору. В этой больнице все знали, как действовать в чрезвычайных ситуациях. Отработано до автоматизма.

Персонал больницы расступался в сторону, пропуская их процессию. Через минуту каталка остановилась, и женщина сжала ледяные пальцы Эверетта, заглянула в обескровленное лицо. «Пожалуйста, живи. Ругайся, срывайся на всем мире и даже на мне, работай, добивайся успеха. Только, пожалуйста, живи. Открой глаза, посмотри на меня, я сделаю все, чтобы ты жил. Рамон. Генри лучший в темной медицине, он сотворит чудо, но ты должен ему помочь. Ты должен бороться. Пожалуйста, обещай мне, что ты выживешь». Она опустила глаза, скользнула взглядом по груди, наспех прикрытой простыней, которая уже пропиталась кровью. Темной кровью. Темнее, чем у человека, но кто же обратит на это внимание. Скорая сорвала с мужчины рубашку, и над простыней виднелись развитые плечи. Слишком бледная кожа. Даже для него. Офелия прикоснулась к его шее, нащупывая пульс. Сердце билось тяжело и быстро, стараясь компенсировать недостаток крови. Лия не почувствовала, как по щеке скатилось несколько слезинок.

Господи, ну почему она такая дура? Как она будет жить, зная, что последним, что он помнил о ней, станет ее уход? Лия оторвала пальцы от шеи мужчины и сжала его руку.

Неожиданно адвокат открыл глаза с тихим стоном. Санитары переглянулись. Вынырнул из забытья. Наверное, услышал ее. Офелия почувствовала, как слезы покатались по щекам уже неудержимым водопадом, внутри что-то сломалось. За всю свою недолгую жизнь она ни разу не испытывала такого сокрушающего ужаса. Страх парализовал ее нервы и мысли. Она видела только практически убитого любимого мужчину. Она врач. Она должна утешать его, а не пугать. Она должна дать ему сил, а не просить его дать надежду ей.

Рамон зашевелил губами, пытаясь что-то сказать. Женщина резко наклонилась к нему, чуть не упав на каталку.

— Ты в больнице. Мы тебя вытащим. Не трать силы, — прошептала она.

— Х... храмовое серебро, — прошипел он ей на ухо. — Ты сама...

Она качнула головой. Когда же этот лифт доедет до нужного этажа?

— Тобой займется Аркенсон. Он лучше меня в вопросах... Он отличный хирург.

— Лия, — он сжал ее пальцы слабеющей рукой. Взгляд затуманился, губы приняли серовато-синий оттенок. — Если я выживу... прости меня. Если я выживу, обещай, что станешь моей женой... и больше... никогда...

Она не слышала смешок санитаря. Она не слышала ничего. Синие, почти черные от

боли и напряжения глаза мужчины остановились на ее лице. Он держал ее за руку, сжимая пальцы, а она слышала, как с каждым ударом его сердце слабеет, чувствовала, как вытекает из него жизнь. Она разом вспомнила все уроки Аркенсона. Ему понадобится кровь... да где они возьмут подходящую?!

— Лия!

— Обещаю. Не смей умирать!..

Несколько минут спустя,

третья операционная

Офелия Лоусон отмывала руки, уже третий раз намыливая их бруском специально мыла. Капитана Ли готовили к операции. Две пули прошли на вылет, прошив мягкие ткани. Одна через плечо, другая пропорола бок, на первый взгляд, не задев жизненно важных органов. Но третья влетела в грудь. И, видимо, застряла где-то в районе левой лопатки. Судя по траектории, она могла задеть перикард. Эльф был без сознания. Его подключили к аппаратам и капельницам. Бригада была готова. Только темные существа, прекрасно осведомленные о том, чем отличается предстоящая им операция от тысячи других. На подносах лежали инструменты с напылением из храмового серебра. Медсестры подготовили кетгут с этим же металлом. В стеклянных бутылках для капельниц серебрились препараты. Специальные препараты, протестированные и одобренные Темным Храмом для использования на темных существах. В первую очередь для темных эльфов.

Аркенсон успел подготовить две бригады, отобрав темных существ. Два анестезиолога. По две медсестры. Лоусон чувствовала, как успокаиваются нервы. В соседней операционной находился мужчина, который еще вчера ее обидел, а сегодня предложил руку и сердце. Он вырвал это согласие нечестно. Но все, о чем она могла думать, стекалось к тому, что он должен жить. Во что бы то ни стало. Как и Ли.

Она закончила с подготовкой. Медсестра надела на ее холодные пальцы перчатки. Далее следовала маска. Хирург вошла в операционную, оставив за стеклянными дверьми Офелию Лоусон, женщину, которая боится потерять любовь своей жизни. Ей на смену пришел холодный профессионал, которому предстоит разрезать еще одно тело. Чтобы что-то подлатать. Чтобы спасти очередную жизнь.

Офелия протянула руку, получила скальпель и сделала первый надрез, вскрывая грудину. Скальпель. Пила. Все эти неприятные, но необходимые инструменты. Сердце Андреаса билось неровно. В него вливали целый букет препаратов, которые заменяли кровь для человека, анестезию, стабилизировали аритмию, поддерживали давление. Делали все то необходимое, чтобы пережить надругательство над телом, которое называлось хирургическим вмешательством.

На столе хирурга лежал не прекрасно сложенный мужчина. На столе хирурга лежал набор мускулов, костей и органов, в котором что-то пошло не так. Что-то сломалось и требовало ремонта. Офелия могла залатать дыры, срастить разорванное, спасти жизнь. И она целиком сосредоточилась на этом. Пока умелые руки делали свою работу, а медсестры то и дело протирали пот со лба хирурга, женщина отмечала мельчайшие несоответствия тела эльфа с телом человека. Размер и цвет органов, расположение. Посреди операции началось кровотечение, и операционное поле затопило ярко-алой кровью, но с ним удалось справиться, обнаружив лопнувший сосуд. Несколько быстрых стежков, тьма тампонов. Все выдохнули.

Прошел еще час. Перикард действительно пострадал и наполнился кровью, мешая

работе сердца. Привычная ситуация, которую методично и аккуратно ликвидировали. Пуля прошла дальше. Но хирург ее обнаружила. Добралась до нее на третьем часу операции. И еще через сорок минут все было закончено. На пострадавшие ткани наложены аккуратные швы. Смятая странной формы слишком светлая пуля лежала в лотке справа от хирурга. Ли выжил. И он будет жить. Офелия отступила в сторону, позволив помощнику зашить пациента. Она с трудом держалась на ногах. Будто работала не только руками и головой. Будто вложила в него душу. Чего не было никогда раньше. Она всегда уставала физически, но подобного опустошения не испытывала давно.

В дверь операционной постучали.

Хирург резко обернулась. С той стороны стеклянных дверей стояла медсестра. Старшая медсестра, которая всегда работала с Аркенсоном. Ее имя вылетело из головы. Белый костюм в крови, а на лице не кровинки. Только бесконечная усталость и напряжение.

— Закончите без меня? — поинтересовалась Лоусон у второго хирурга, тот кивнул.

Она вышла из операционной, толкнув дверь плечом.

— Доктор Аркенсон послал за вами, вам надо срочно в третью операционную.

— Что случилось?

— Он сказал, что нужна ваша кровь.

Медсестра повернулась на каблуках и побежала в соседнюю операционную. Снова процесс переодевания, пришлось заново вымыть руки, поменять халат. В операционную, где шла борьба за жизнь Рамона, она вошла еще через пять минут. Слева от стола разместили каталку, устланную стерильными простынями.

— Помнишь, что я говорил тебе про потерю крови для темных существ? — вместо приветствия спросил Генри, который держал в руках иголку, заправленную кетгутом.

— Что с ним?

— Операция прошла успешно, но он потерял слишком много крови. Мы пытались перелить кровь Майхель, но эльфийская не подошла. Он Незнакомец. А ты единственная Незнакомка в этой больнице. Ложись.

— Ты хочешь перелить ему мою кровь? А если не подойдет?

Темные глаза хирурга недобро блеснули.

— Подойдет.

Офелия послушно легла на кушетку. Рукав на правой руке подняли к плечу, обнажая вены. Игла из храмового серебра скользнула по кожу, вызвав ошеломительную боль, но через мгновение все прошло. Вздрогнув, женщина расслабила руку и повернула голову. Она видела Рамона в профиль. Темные волосы разметались по столу, черты лица обострились. Из-за освещения в операционной и нависающей прямо перед его лицом простыни, отделяющей операционное поле, его кожа казалась серой. Началось переливание. Она почувствовала, как Аркенсон осмотрел место укола, не прикасаясь к ней. Его присутствие успокаивало.

— Мы возьмем много, — сказал он. — Тебе будет плохо. Но за пару дней восстановишься. Я помогу. Я не стал брать согласие...

— Делайте, что нужно.

Она закрыла глаза. Слабость накатывала постепенно. Лишь однажды она теряла собственную кровь. Во время войны. Сейчас ощущения были глубже. Она вдруг почувствовала с Рамоном новую, совершенно особенную связь. Что-то настолько глубокое и странное, что она не могла дать ему названия. Что-то совершенно свое. Аркенсон положил руку ей на плечо.

— Операция закончена. Майхель за вами последит. И, когда придет время, остановит переливание. Мне нужно восстановить силы, чтобы после всего этого я мог помочь тебе прийти в себя. Справишься?

Проваливаясь в небытие, Офелия слабо кивнула.

Интерлюдия пятая. Треверберг Таймс

20 мая 1967 года

Он был обычным солдатом, прошедшим все круги ада и вернувшимся домой с одной целью — найти то самое правосудие, в котором ему, его взводу и его миру было отказано когда-то давно. Адам Сортович, ветеран войны, награжденный орденом Мужества, дошедший до Москвы и вернувшийся в Берлин, один из самых надежных охранников, воспользовался служебным автоматом не по назначению.

Три дня назад, семнадцатого мая в 16.17 в здании суда города Треверберга он открыл огонь по собравшимся на заседании. Первые пули полетели в адвоката Рамона Эверетта. Следующие — в судью. Обвиняемого. Свидетелей. Коллег-охранников и тех немногих слушателей, кого допустили к закрытому процессу над Самсоном Шивали.

«Треверберг Таймс» попал в зал заседаний одним из первых. И мы не рады этой чести. Прошло всего два месяца со дня побоища школьного Стрелка, как появился новый стрелок. Первый уничтожил жизни молодых. Второй совершил собственное правосудие.

По словам немногочисленных свидетелей, охранник открыл огонь в тот момент, когда адвокат Рамон Эверетт вел допрос неожиданной свидетельницы, чьи показания обеспечивали Самсону Шивали полное и безоговорочное помилование. Напоминаем читателям, что он был обвинен в хранении и обороте наркотиков. Пытались найти лабораторию и вплести в дело производство, но подробной информации не предоставили. Наш источник в прокуратуре утверждает, что им не хватило времени. И пара месяцев бы решила все. А вот Эверетту времени хватило. Самый молодой и известный адвокат нашего города в очередной раз готовился свершить невозможное. Но вместо этого попал в реанимацию с множественными огнестрельными ранениями. Его свидетель мертв. Его клиент умер, не дождавшись скорой. Всего зафиксировано 7 погибших и 5 раненных.

К сожалению, пресс-центр госпиталя имени Люси Тревер отказался от комментариев, и у нас нет информации о состоянии пациентов. Но нам известно, что они живы. Будет ли управление полиции Треверберга вести расследование? А если да, то кто его возглавит в отсутствие капитана Андреаса Ли, который тоже поймал несколько неприятных пуль?

Следим за событиями вместе с вами.

Редакция «Треверберг Таймс».

Глава девятая. Офелия Лоусон

23 июня 1967 года

— Уверена? — чуть слышно шепнул он. — Если ты согласишься сейчас, дороги назад не будет. Мы проживем тысячу жизней, и в каждой будем счастливы.

Она не смогла ничего сказать, лишь кивнула. Повернула голову, посмотрела на священника, который стоял перед ними в своем белом облачении и ждал ответа невесты. Улыбнулась.

— Я согласна.

Они решили провести церемонию по католическому обряду. Во-первых, Темный мир не признавал Незнакомцев, и поиск кого-то из тамошних наделенных властью стал бы пустой тратой времени. Во-вторых, женились Офелия Лоусон и Рамон Эверетт. Люди. Атеисты, но из всех религий на земле только католицизм казался им чем-то обычным. По меньшей мере, для Треверберга.

Рамон очнулся от забытья спустя трое суток после операции. Их с Офелией, почти полностью истощенной переливанием, которое пришлось повторить еще дважды, поместили в отдельную палату, куда имел доступ ограниченный круг лиц. Аркенсон не пускал туда даже Дональда, для которого пришлось подделать документы, доказывающие, что у Эверетта и Лии одна группа крови — чрезвычайно редкая.

Это были сложные дни. Лоусон практически не приходила в себя, а если и приходила, то видела либо лицо Аркенсона, который с обеспокоенным видом осматривал их, либо Рамона, который лежал на койке подобно коматознику. На заре третьего дня Эверетт очнулся. Он не сразу понял, где находится, но был настолько слаб, что не смог встать с постели. Его невзрачные попытки пошевелиться разбудили Офелию. Она будет помнить до конца своей вечной жизни это утро. Его взгляд, когда он увидел систему переливания, которая их соединила. Он выдернул иголку из своей вены, с трудом сел на постели. Молчал. Молчала и Офелия. У нее не было сил говорить. Она просто плакала. Теперь все закончилось. Он пришел в себя. Для бессмертного существа это означало только одно: кризис миновал.

Еще через минуту в палате появился Аркенсон. Он молча, не обращая внимания на вопросительный взгляд Эверетта, дал Офелии своей крови, которая поддерживала в ней силы и жизнь. Убедившись, что румянец вернулся на ее щеки, Генри отсоединил все системы и сказал, что выпишет обоих через сутки. И исчез до того, как кто-то из пациентов успел заговорить.

— Так ты станешь моей женой?

Рамон задал этот вопрос, как только за хирургом закрылась дверь. Это была первая фраза, которую адвокат произнес после тяжелейших дней кризиса. Офелия изумленно замерла. Все это время она считала, что его предложение вызвано страхом смерти, и мужчина откажется от него, как только придет в себя. Но он не отказался. Можно было списать все на эффект терапии или придумать еще тысячу поводов отказать, но она не хотела ему отказывать. Офелия смогла лишь кивнуть. Конечно, она станет его женой, прекрасно отдавая себе отчет в том, что их жизнь будет нестабильной. Качели от высшего счастья к самой глубокой и непроницаемой тьме. Он будет возносить ее на пьедестал и

мучить холодностью, даже равнодушием. Он будет взрываться по поводу и без, а она — каждый раз принимать решение, идти спать в отель, закрываться в своей комнате или делать вид, что она не замечает этих колкостей. Будет это все — и даже больше. Они знакомы всего ничего. Но сейчас, когда их связали не только чувства, Лия была уверена в своем желании соединить с этим существом тело, душу и саму жизнь. С трудом поднявшись со своего места, она пересела на его койку и, дрожа, прижалась к мужчине всем телом. Рамон обнял ее за плечи и молча откинулся на подушки. Было сладко ощущать себя в его объятиях, слышать, как бьется его сердце и ощущать его каждой клеточкой тела. Так они и уснули.

Прошел месяц. И сейчас они стояли перед алтарем. В соборе собрались коллеги и друзья. Знакомые взгляды следили за ними. Искренние и фальшивые улыбки. Смесь эмоций, которая пьянила и насыщала одновременно. Она сказала «да». Священник улыбнулся. Объявил их мужем и женой и призвал Рамона поцеловать невесту. Эверетт обнял ее за талию и прикоснулся к губам нежно, почти целомудренно. Наклонился к ней и заглянул в глаза с лукавой улыбкой.

— Назад дороги нет, — повторил он чуть слышно. — Теперь ты моя. И я — твой.

Офелия потянулась к нему с поцелуем. Горло перехватывали слезы радости и страха. Страх перед новой жизнью. Женщина бросила взгляд в толпу, выхватила заплаканное лицо Мередит, которая держала Ли под руку. Глаза подруги сверкали. За ними стоял Дональд в обнимку с новой пассией. Себастьян Хоул в гордом одиночестве. Доктор Кауфман, медсестры. Аркенсон. Генри держался особняком, он пришел без подруги. Но главное, что пришел. Обычно замкнутый хирург избегал подобных мероприятий, ограничиваясь поздравлениями с глазу на глаз. Но произошедшее связало их нерушимыми узами. Он спас жизнь Рамону. И он помог Офелии. В Темном мире кровные узы сильнее прочих. Если ты попробовал кровь темного существа, ты соприкоснулся с ним той частью души, которая обычно не показывается. Офелия раньше не изучала эту тему и ничьей крови не пила, она питалась эмоциями. Но теперь ее отношение к Генри Аркенсону, гениальному хирургу и темному эльфу, который тщательно маскировал все, что находится за пределами больницы, можно было назвать братским. Генри следил за ними карими миндалевидными глазами. Черные волосы аккуратно зачесаны назад, тонкое и благородное лицо бесстрастно. Чем-то неуловимым они были похожи с капитаном Ли. Дальние родственники? Говорят, в семьях высших эльфов все перемешано.

Офелия не успела развить эту мысль. Рамон вернул ее в реальность, подхватив на руки, и пронес по проходу. Усадил на заднее сидение лимузина, опустил рядом. Водитель-эльф закрыл за ними дверь и, вернувшись на свое место, вырулил с парковки. Они ехали в ту самую резиденцию с конюшней, где все началось. Гости подтянутся следом. Они составили лучшее в двух мирах меню, пригласили музыкантов.

В машине они сидели, прижавшись друг к другу. Офелия положила голову ему на плечо, он обнимал ее, поглаживая горячими пальцами сквозь тонкий шелк легкого платья. Уложенные в незамысловатую, но элегантную прическу волосы женщины слегка растрепались, и Рамон запустил в них руку. Лия услышала, как сорвалось его дыхание, стоило ему склонить голову к ее макушке. Адвокат вдохнул ее аромат и, кажется, сжал зубы. Мгновение спустя Офелия услышала тихий смех.

— Я впервые женился в этой жизни, — проговорил он будто между прочим. Но ее озадачили эти слова, он практически не говорил о себе и уж тем более о том настоящем себе, который скрывался под маской адвоката. Он не говорил, а она не спрашивала,

инстинктивно чувствуя, что такой вопрос будет воспринят в штыки.

— В этой жизни? — осторожно уточнила она.

— После обращения, — кивнул Рамон и замолчал.

Но не отвернулся. Синие глаза искали какой-то ответ в ее лице. Мужчина наклонился к ней. Поцеловал. Это был другой поцелуй. Поцелуй не любовника, но мужа. Офелия не знала как это описать, не могла объяснить сама себе, что же изменилось. Изменилось все. Более глубокий и спокойный, и одновременно более волнующий. Офелия положила руку ему на грудь, просунув палец между лацканами рубашки, чтобы коснуться горячей кожи. С наслаждением почувствовала, как по его телу пробежала дрожь.

— Не искушай меня, — шепнул он, меняя тему. — Дождемся ночи.

— Шрамы почти незаметны, — сообщила Лия, расстегнув пару пуговиц его белоснежной рубашки. — Мы не смогли избавить тебя от них. Храмовое серебро.

Он положил руку поверх ее пальцев и тихонько рассмеялся. Снова. Раньше она не слышала такого смеха. Такого искреннего и легкого. Он будто стал моложе, будто избавился от груза.

— Ты видела все мои шрамы. Их будет еще больше. Вы с Аркенсоном спасли мне жизнь. А твоя кровь... невозможно стать ближе.

— Я никогда не питалась кровью и... не могу понять, что ты чувствовал. Но во время переливания, кажется, я чувствовала тебя будто внутри себя. Не знаю, как объяснить, — она отстранилась. — Будто нас выдернули из тел и поместили в общее пространство. Где были только мы вдвоем. Будто впервые я увидела тебя. И именно тебя я полюбила.

Он поймал ее руку и прикоснулся к ней губами.

— А я увидел тебя.

Оставшийся путь они провели в молчании. Обнимались. Изредка касались друг друга с поцелуем. Думали каждый о своем, но у обоих было ощущение, что мысли стали общими. Хотя бы в этот день, день их свадьбы, когда жизнь раскололась на две части. И пусть в Темном мире этот обряд ничего не стоит, для них он станет судьбоносным.

Несколько часов спустя

Офелия переделалась в свободное платье, которое не стесняло движений, и перемещалась между гостями. Музыканты играли негромко, гости разбились по группам и парам. Кто-то танцевал, кто-то пил. Рамон общался с высокопоставленными гостями, не пригласить которых было нельзя. Офелия чувствовала себя более свободно. Отдав дань уважению, поздоровавшись со всеми, она исчезала, чтобы перекинуться парой слов с теми, кого знала и любила уже давно.

Ее то и дело вылавливала Мередит. Она узнала о свадьбе первой и приняла непосредственное участие в подготовке церемонии. Свою роль подруги невесты сыграла великолепно. И сейчас стояла у крайнего столика слева от танцевальной зоны и потягивала коктейль. Наблюдая за танцующими, пьющими и просто разговаривающими гостями. Андреас в этот момент беседовал с Рамоном. Оба то и дело поглядывали на своих женщин, но прочитать по их лицу, о чем шел разговор, было нельзя.

— Они друзья, — сообщила ей Мер. — Я думала, просто приятели. Оказывается, друзья.

— Они чуть не погибли вместе. Это сближает.

— На Андреаса это произвело сильное впечатление. Он переехал ко мне. Совсем. Я рассказывала?

Офелия покачала головой.

— Будь счастлива, милая.

— Как ты?

— Нет, зачем. Будь счастлива своим счастьем. С женщиной, которого любишь.

Меридит допила коктейль.

— Я недостойна такого красавчика, — тихо сообщила она. — Я ему изменила. Пару раз. И теперь думаю, говорить или нет. Боюсь, что он уйдет, если рассказать. А если не рассказать, все равно узнает и подумает, что я его не люблю. Это был просто секс. Я устала после съемок, а этот мальчик визажист такой милый, такой нежный. Я поняла, что соскучилась по нежности. Андреас он... он властный мужчина.

Никогда бы не подумала.

Офелия промолчала. Она знала вздорный нрав подруги, которая настолько привыкла к мужскому вниманию, что не могла без него обойтись даже будучи в отношениях. Она изменяла каждому своему кавалеру. И всегда использовала измену для того, чтобы вытащить из него максимум эмоций. Надежда на то, что с темным существом все будет иначе, исчезла, не успев зародиться.

Незнакомцам тоже не свойственна моногамия. Разозлившись, Лия отбросила от себя эту мысль и постаралась не обращать внимание на то, какими глазами на Рамона смотрели знакомые и незнакомые женщины.

— Я думала, Ли сама нежность.

— Поначалу да. Как ты думаешь, он решит жениться, вдохновленный вашим примером?

Лия посмотрела подруге в глаза.

— А ты хочешь за него замуж?

— По правде говоря, совсем не хочу. Но если это нужно ему...

— Я думаю, что свадьба — не гарант отношений. Вы и так можете жить вместе и строить свою собственную счастливую жизнь.

— Но Рамон Эверетт женился, — с грустной улыбкой возразила Мер. — А он был в списке самых закоренелых холостяков Треверберга. И самых популярных дамских угодников. Ох, прости...

— Да знаю я. Что-то слышала, — Лия приняла из рук официанта коктейль. Этот разговор портил настроение, но сменить тему она почему-то не могла. Будто хотела узнать что-то о своем муже такое, что пощекочет нервы.

— У нас на канале работает одна корреспондентка. Она мастер доставать желтуху даже оттуда, где ее быть не может. И она часто писала о похождениях Рамона. И я хочу поделиться с тобой кое-чем.

— Если это испортит мне настроение, то не стоит.

Мер рассмеялась.

— О, нет. Это испортит настроение всем женщинам Треверберга, кроме тебя. Раньше он менял любовниц постоянно. Встречался с ними в отелях, иногда снимал квартиры. Его последняя пассия, если не считать твоего ординатора — польская гимнастка, она была в Треверберге вместе с гастролирующим цирком. Они пробыли вместе месяц, твой адвокат снял ей номер в отеле. Так вот он расстался с ней в начале марта. Я думаю, как раз тогда, когда добивался твоего прощения за комиссию и отстранение от операций. И больше ни с кем он замечен не был.

— Может, стал лучше маскироваться?

— Вряд ли. Думаю, у него никого нет.

Кровь бросилась к лицу. Лия посмотрела на Рамона, который уже отпустил Ли и переключил свое внимание на какого-то высокого мужчину в строгом костюме. Темные волосы, мужчина стоял к ней в полоборота.

— Это Виктор Джеймс Кеппел, лорд из Британии. Дружит с нашим мэром и вкладывает миллионы в недвижимость. Сейчас они договариваются об аэропорте, — подсказала Мередит, — а Рамон — его адвокат. Сопровождает сделки с городом и в случае необходимости отстаивает интересы в суде.

— Виктор Джеймс Кеппел, — проговорила Лия, — никогда о нем не слышала.

— Личность не публичная. Не любит внимания к себе и редко появляется на приемах. Можно сказать, вам он оказал невозможную честь.

Неожиданно мужчина обернулся, и Офелия замерла на месте, будто в ее сердце воткнули кинжал. Она узнала это лицо. Всего на мгновение оно проступило, будто он хотел, чтобы она его узнала. Те же серые глаза, сотканые из мрака грозowych туч. Сильный подбородок, высокий чистый лоб. Волосы аккуратно пострижены, в отличие от снов, но в остальном — это точно был он. «Кто же ты, черт побери».

— Ну что, — пьяный возглас Дональда Астера, который материализовался возле их столика, спас Офелию, которая не могла отвести глаз от лорда. Краем глаза она заметила, что Кеппел вернулся к беседе с Рамоном. — Миссис Эверетт. Или ты предпочитаешь французское обращение? Мадам?

— Миссис Лоусон-Эверетт, — поправила она. — Я решила оставить двойную фамилию, чтобы тебе не пришлось менять таблички в больнице.

Дональд фыркнул. Сколько он уже выпил?

— А помнится, ты его ненавидела и просила меня оградить от...

— Дональд, что ты хочешь от меня? — прервала Лия, сосредотачивая внимание на нем.

Главврач выглядел блестяще, как всегда. Идеальный костюм кофейного цвета, волосы уложены, как у модели. Белозубая улыбка. Но такая тоска в глазах, что Лии стало не по себе. Когда Рамон сказал, что Дональд в числе приглашенных, она попыталась возмутиться, но быстро поняла: это правильное решение. Если они делают свадьбу двух человек, они должны учесть интересы обоих. Лия хирург, а Дональд — ее начальник. Следуя этой логике, они позвали больше людей, чем хотелось бы. И свадьба превратилась в стратегическое мероприятие. Скорее бы они остались одни.

— Я не понимаю, как так произошло, — сказал он, проводив взглядом Мередит, которая благоразумно испарилась. — Ты и Рамон. Эта свадьба. Это невысказано. Я хорошо его знаю. Он не сделает тебя счастливой.

— Он уже делает меня счастливой, а я уже его жена.

— В чем дело?

Неслышно приблизившийся Эверетт остановился рядом с женой. Он не обнял ее, но Лия почувствовала, как неотвратимо и мягко обволакивает ее его сила. Адвокат смотрел на Астера. Тот ступеялся.

— Просто диалог двух коллег.

— Я вижу, что Лия расстроена.

Дональд поднял руки ладонями вперед.

— Раньше она не была такой чувствительной. Она — мой лучший хирург.

Рамон промолчал. Женщина почувствовала его руку на своей талии.

— Тебе лучше уйти, — негромко проговорил Эверетт. — Ты перебрал и не следишь за

языком. И предупреждаю, лучше бы тебе сосредоточиться на работе.

Астер хотел возразить, но выражение глаз адвоката заставило его проявить благоразумие. Мужчина ретировался, наконец оставив молодоженов наедине друг с другом.

— Я хочу уйти, — прошептала Лия, поймав взгляд мужа. — Слишком много людей. Я половины не знаю.

— Официальная часть закончена, скоро мы сможем исчезнуть, — кивнул Эверетт.

— А что за английский лорд?

На лице Рамона проступило выражение удивления. В синих глазах затаилось напряжение.

— Познакомить вас?

— Нет.

— А почему ты спрашиваешь?

Потому что он снится мне уже год почти каждую ночь, несет чушь про возвращение к себе, показывает жизни других существ. Потому что он не идет из моей головы, а я думала, что это чистой воды игра бессознательного. И вот он здесь. Во плоти. Потому что я боюсь его, не понимаю его и не знаю, что ему от меня нужно.

— Просто удивилась. Знать на нашей свадьбе. Это так...

— Ох, Лия, я все время забываю, что тебе не исполнилось и века. Это поразительно, насколько иначе ты ощущаешься.

Она покачала головой.

— Я не поняла ни слова.

Рамон развернул ее к себе лицом.

— Я хочу узнать тебя. Не Офелию Лоусон. А Незнакомку, которая настолько привыкла к роли врача, что забыла сама себя. Я чувствую в тебе бездну и эта бездна... — Он оборвал сам себя. — У нас есть все время в двух мирах.

Несколько часов спустя

Рамон, облаченный в длинный бархатный халат, разливал вино по бокалам. Они смогли уйти от гостей, обессиленные бесконечным общением, прощаниями, выслушиванием однотипных поздравлений. И только сейчас, далеко за полночь, наконец остались одни. Приняли душ, переоделись. В этой спальне, закрытой от мира высокими деревянными дверьми, они чувствовали себя в безопасности. Огромная кровать с балдахином манила, но им было некуда торопиться. Оба взяли отпуск и отошли от дел на ближайшие две недели. Они проведут здесь два дня, а потом уедут в Швейцарию. Эверетт предложил, а Лия почувствовала, что это именно то, о чем она всегда мечтала — встретить новую жизнь на Женевском озере в уютном домике, окруженном горами. С этим местом ее связывало нечто особенное, но она не помнила, что.

Мужчина набросил халат на обнаженный торс, и при каждом его движении полы распахивались. Узкие брюки, сшитые по старомодной мерке, сидели на нем идеально. Рамон казался существом из другого времени и мира. Будто перенес их обоих на тысячелетие. Ее обратили семьдесят лет назад, но почему-то это ощущение старины казалось пронзительно родным.

Мужчина подал ей бокал вина и опустился на шкуру, брошенную перед камином. Офелия села рядом. Легкий звон соприкоснувшихся бокалов. Улыбки. Немного смущенные, уставшие и счастливые.

— Не думала, что свадьба — это настолько тяжело, — проговорила она, пригубив вино.

— Это ритуал, который требует сил. Я подумал о том, что нам нужно отдохнуть.

— Ты останешься со мной? Или уйдешь?

По его красивому лицу пробежала тень.

— Я никуда не уйду, — пообещал он. — И пока не хочу спать. А ты?

Офелия подвинулась ближе к нему, опустила бокал на маленький столик и заглянула ему в глаза.

— Я не понимаю, что со мной происходит, — неожиданно для самой себя сказала она. «Расскажи ему все. Про сны, про то, что ты почувствовала при встрече с Филиппом Орле, про то, что с тобой творилось сегодня, когда ты узнала мужчину из снов. Расскажи ему все. Он древний Незнакомец, если с тобой происходит что-то странное, он сможет разобраться. Он сможет помочь. Но захочет ли он помогать? В кого он влюбился? В Офелию Лоусон? Или в нее? А кто такая — она?»

— Слишком много эмоций, — подсказал он, ловя изменения выражения ее лица. — Я рядом.

Он протянул руку и прикоснулся к ее волосам, поправил прядку. Темно-синие глаза казались обманчиво холодными, но на самом деле они внимательно оглядывали каждый миллиметр ее кожи. Рамон делал слепок, чтобы навсегда сохранить эту женщину в своей памяти. А она чувствовала себя так, будто застала мастера за работой, прикоснулась к тайне, которой не должна была касаться.

Мужчина в свою очередь убрал вино, потянулся к ней и поцеловал, мягко и нежно касаясь ее губ. По телу пролетела дрожь. Она почувствовала, как он оплетает руками ее талию, притягивая к себе. Через мгновение он лежал на спине, а Офелия оказалась сверху, положив ладони ему на грудь. Кожа мужчины стала обжигающе горячей. Когда он оторвался от ее губ и приподнял над собой на вытянутых руках, в синих глазах плескалось пламя.

— До сих пор не могу понять, как тебе это удалось, — проговорил он. — Я люблю тебя.

— Я люблю тебя, — эхом отозвалась Офелия, позволяя ему перевернуться и уложить ее на шкуру. Глядя на него снизу вверх, она не смела верить в то, что все это происходит на самом деле. Как он изменился после ранения. Как бережно и аккуратно взаимодействовал с ней. Это был идеальный месяц, и он обещал ей идеальную жизнь. Сказку. В которую так хотелось верить. Она провела пальцами по его груди, спустилась ниже, с наслаждением касаясь гладкой кожи и чувствуя, как напрягаются и расслабляются его мышцы.

— Как тебя зовут? — спросил он. — Темное имя.

Ее пробило. Хотелось отвернуться, спрятаться, но синий взгляд приковывал к месту, а приоткрытые, чуть покрасневшие губы, обещали невозможное удовольствие. Нужно только ответить.

— Я никогда не пользовалась своим темным именем. Привыкала к тому, которое выдумывала. Офелия — мое второе имя. Нет, третье. Но оно самое родное.

Он висел над ней на вытянутых руках, сохранял дистанцию и ждал ответа.

— Почему это так важно?

— Потому что я люблю тебя. Не Рамон влюбился в Офелию Лоусон. А я люблю тебя. И я хочу тебя узнать.

— Селена.

— Мое настоящее имя Ирфин.

Она не успела осознать, что произошло. Имя было эльфийским, она это точно знала. Как не хватало образования! И почему ей казалось, что ей все это знакомо? Почему его имя

подействовало на нее как пощечина? Мужчина не дал ей погрузиться в эти мысли. Распахнув полы ее халата, он опустился на нее сверху, нашел губами губы и увлек за собой. В тот мир, с которым только начал ее знакомить. Мир томления и страсти, властности и нежности, мучительной пытки и сокрушающих разрядок. Мгновенно забылись мысли о нехватке сил. Вздрагивая от каждого прикосновения, отзываясь на каждую ласку, она перерождалась в его объятиях. И это была уже не она. Не Офелия Лоусон. Не Селена, которая никогда не знала счастья, а имени своего стыдилась. Это была не Незнакомка семидесяти лет от переобращения. В ней проснулась совершенно другая женщина. Нежная и чуткая, способная подчинить и подчиниться. Полная любви, страсти и сдержанной мудрости, недоступной человеку. Офелия почувствовала, как растекается по членам новая сила. Как с каждым прикосновением Рамона в ней что-то разрушается для того, чтобы быть созданным заново. Выкованным в пламени его страсти.

Ирфин.

Она позвала его по имени в момент, когда невозможно было сдерживаться. Он отозвался, заставив выгнуться, а потом рухнул на нее, тяжело дыша. Все изменило имя. Все изменила свадьба. Собирая сознание по осколкам, она подумала о том, что ничего о себе не знает. И должна это исправить. Чтобы иметь возможность быть предельно честной с тем, кого любит.

Больше книг на сайте - Knigoed.net